

Бестселлер The New York Times

ЭЛИЗАБЕТ ГИЛБЕРТ

БОЛЬШОЕ ВОЛШЕБСТВО

**ТВОРЧЕСТВО
БЕЗ СТРАХА**

**от автора
«ЕСТЬ, МОЛИТЬСЯ, ЛЮБИТЬ»**

*«Все, кто хочет творить, жить ярко и креативно,
обязательно прочитайте эту книгу!»*

PopSugar

Annotation

Долгожданная новинка Элизабет Гилберт! Книга для тех, кто хочет сделать свою жизнь насыщенной, грандиозной, счастливой, разнообразной и интересной. Элизабет Гилберт – популярная американская писательница, автор всемирно известной книги «Есть, молиться, любить», продержавшейся 199 недель в списке бестселлеров The New York Times. «Большое волшебство» – исследование на тему творчества: какова его природа, какую роль оно играет в нашей повседневной жизни, откуда берутся идеи, как преодолеть страх и начать творить. По мнению автора, внутри каждого из нас таятся необычные сокровища, которыми нас наградила природа. И наша задача – вытащить их на свет. А что для этого нужно сделать, объяснит эта практичная книга, полная ярких примеров и удивительных открытий. Вдохновляйтесь и не бойтесь творить!

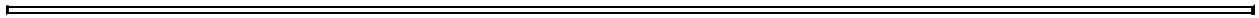
- [Элизабет Гилберт](#)
 -
 - [Храбрость](#)
 - [Потаенное сокровище](#)
 - [Творческая жизнь, определение](#)
 - [Насыщенное бытие](#)
 - [Страшно, страшно, страшно](#)
 - [Защита ваших слабостей](#)
 - [Страх – это скучно](#)
 -
 - [Страх, который вам нужен, и страх не нужный вовсе](#)
 - [Поездка](#)
 - [Почему оно того стоит](#)
 - [Волшебство](#)
 - [Идея приходит](#)
 - [Как работают идеи](#)
 - [Что будет, если вы скажете «нет»](#)
 - [Что будет, если вы скажете «да»](#)
 - [Иной способ](#)
 - [Идея растет](#)
 - [Идея отходит на второй план](#)
 - [Идея уходит](#)

- [Колдовство](#)
- [Какого хрена?](#)
- [Небольшое отступление](#)
- [Право собственности](#)
- [Множественное открытие](#)
- [Хвост тигра](#)
- [Тяжкий труд против волшебного порошка](#)
- [Придавленные валуном](#)
- [Пусть приходит и уходит](#)
- [Ослепленная душа](#)
- [Разрешение](#)
 - [Долой ящик для предложений](#)
 - [Ваш письменный допуск](#)
 - [Украшайте себя](#)
 - [Так должно быть](#)
 - [Оригинальность против аутентичности](#)
 - [Мотивы](#)
 - [Обучение](#)
 - [Попробуйте-ка лучше вот это](#)
 - [Ваши учителя](#)
 - [«Толстые дети»](#)
 - [В разговор вступает Вернер Херцог](#)
 - [Хитрость](#)
 - [Распределение по рангам](#)
 - [Кривые зеркала](#)
 - [Мы были просто маленькой группой](#)
 - [Радиоактивные канарейки](#)
 - [Высокие ставки против низких ставок](#)
 - [В разговор вступает Том Уэйтс](#)
 - [Главный парадокс](#)
- [Упорство](#)
 - [Принесение обета](#)
 - [Учеба](#)
 - [Предупреждение](#)
 - [Пустое ведро](#)
 - [Пирог с дерьмом](#)
 - [Основная работа](#)
 - [Укрась своего быка](#)
 - [Заведите роман](#)

- [В разговор вступает Тристрам Шенди](#)
- [Страх на высоких каблуках](#)
- [В разговор вступает Марк Аврелий](#)
- [Никто о вас не думает](#)
- [Важнее сделать до конца, чем сделать хорошо](#)
- [Хвала кривобокому дому](#)
- [Успех](#)
- [Карьера против призвания](#)
- [Разговор с лосем](#)
- [Прекрасный зверь](#)
- [Да, и вот еще что](#)
- [Вера](#)
 - [Она вас любит?](#)
 - [Самая скверная подружка](#)
 - [Зависимость от страданий](#)
 - [Назидательная история](#)
 - [Обучение боли](#)
 - [Наши добрые ангелы](#)
 - [Выбирай, чему доверять](#)
 - [Упрямая радость](#)
 - [Выбери себе бред](#)
 - [Мученик против плута](#)
 - [Плутовская вера](#)
 - [Ход настоящего плута](#)
 - [Твори с легким сердцем](#)
 - [Они не дети](#)
 - [Страсть против любопытства](#)
 - [Беззастенчивое любопытство](#)
 - [На поиски](#)
 - [Это интересно](#)
 - [Голодные призраки](#)
 - [Делай что-нибудь другое](#)
 - [Раскрась свой велосипед](#)
 - [Жгучая вера](#)
 - [С гордо поднятой головой](#)
- [Божественность](#)
 - [Неожиданная милость](#)
 - [В заключение](#)
 - [Благодарности](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

Элизабет Гилберт

Большое волшебство

© 2016, Elizabeth Gilbert All rights reserved. Based on original cover design by Helen Yentus Cover photograph by Henry Hargreaves

© Мигунова Е.Я., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

* * *

Храбрость

Потаенное сокровище

Жил когда-то человек по имени Джек Гилберт, он не имел ко мне никакого отношения, к большому моему сожалению.

Джек Гилберт был великим поэтом, но, если вы никогда о нем не слыхали, не смущайтесь. Это не ваша вина. Его никогда не заботила известность. Но мне он был известен, я нежно любила его – с почтительного расстояния, – так что, позвольте, я вам о нем расскажу.

Джек Гилберт родился в Питсбурге в 1925 году, там и вырос, в дымном и шумном промышленном городе. В юности он работал на сталелитейном производстве, но с ранних лет почувствовал призвание писать стихи. Он ответил на этот призыв без колебаний. Он стал поэтом так, как иные люди становятся монахами: относился к поэзии как к религии, как к акту любви, как к делу всей жизни, посвященной поиску благодати и высшей милости. Мне кажется, что это очень правильный способ становиться поэтом. Или еще кем-то, в зависимости от того, на что откликается ваше сердце и что пробуждает вас к жизни.

Джек мог бы стать знаменитым, но он за этим не гнался. У него были талант и харизма, но слава его просто не интересовала. Первый же его сборник, опубликованный в 1962 году, получил престижную награду Йельского университета для молодых поэтов и был номинирован на Пулицеровскую премию. Более того, он завоевал признание читателей и критиков, а ведь это не так уж просто для поэта в современном мире. Было в нем что-то такое, что притягивало людей и не отпускало.

Красивый, увлеченный и пылкий, Гилберт прекрасно смотрелся на сцене. Женщин тянуло к нему как магнитом, для мужчин он становился идолом. Его фотографировали для журнала «Вог», на снимках он был великолепен и романтичен. Люди буквально сходили по нему с ума. Этот человек мог бы стать рок-звездой.

Вместо этого он исчез. Не хотел отвлекаться на всю эту шумиху. Со временем он признался, что слава была для него скучна – не то чтобы он находил ее аморальной или развращающей, а просто каждый день все было одно и то же, одно и то же. А ему хотелось чего-то другого, богаче, ярче, разнообразнее. Вот и бросил все это. Гилберт уехал в Европу и поселился там на двадцать лет. Сначала он пожил в Италии, потом в Дании, но больше всего времени провел в пастушьей хижине на вершине холма в Греции. Там он постигал и осмысливал тайны вечности, наблюдал, как меняется свет, и

в тиши писал свои стихи. Были у него свои истории любви, свои трудности, свои победы. Он был счастлив. Как-то сводил концы с концами, чем-то зарабатывал себе на жизнь. Он довольствовался малым. Допустил, что его имя почти забыли.

Через двадцать лет Джек Гилберт снова возвратился после долгого забвения и опубликовал новый сборник стихотворений. И снова литературный мир влюбился в него. Он снова стал знаменитым. И снова скрылся – теперь на десять лет. Такой у него был стиль: уединение, затем публикация чего-то невероятно мощного и снова уединение. Гилберт напоминал редкую орхидею, у которой от цветения до цветения проходит много лет. И никогда ни в малейшей степени он не рекламировал себя. (В одном из тех немногих интервью, которые Гилберт дал в своей жизни, его спросили, как, по его мнению, такой уединенный образ жизни повлиял на его карьеру. Он рассмеялся и ответил: «Похоже, это ее сгубило».)

Я узнала о Гилберте исключительно по той причине, что уже на склоне лет он вернулся в Америку и – по соображениям, которых мне никогда не узнать, – устроился временным преподавателем писательского мастерства в университете Теннесси в Ноксвилле. Так совпало, что через год, в 2005-м, я получила ту же должность. (В университете даже начали посмеиваться, называя нашу кафедру «кафедрой Гилбертов».) Я обнаружила книги Джека Гилберта у себя в кабинете, который заняла после него. Казалось, комната будто еще хранила тепло его присутствия. Я читала его стихи, и они поразили меня масштабностью, они неожиданно напомнили мне Уитмена. («Мы должны отважиться на восторг, – писал он. – Мы должны набраться упрямыства, чтобы быть счастливыми в беспощадном горниле мира сего».)

Мы с ним однофамильцы, занимали одну должность, даже один кабинет, мы учили одних и тех же студентов, а теперь я еще и влюбилась в его слова – неудивительно, что в итоге этот человек меня очень заинтриговал. Я всех расспрашивала: кто он такой, Джек Гилберт?

Студенты отвечали, что это самый выдающийся человек из всех, кого им доводилось встречать. Казалось, будто он немного не от мира сего, сказали они. Он словно постоянно пребывал в состоянии восхищения, восторгался и их призывал к тому же. Он в основном учил их не тому, как писать стихи, сказали они, а тому, зачем: от восторга. Из-за своего упрямого счастья. Он говорил им, что они должны прожить жизнь как можно более творчески, потому что это поможет им противостоять беспощадному горнилу нашего мира.

Особенно часто, однако, он призывал своих учеников быть смелыми. Без смелости, объяснял он, им ни за что не удастся осознать, как

расширяются границы их собственных возможностей. Без смелости им не познать мир в его полноте настолько, насколько он жаждет быть познанным. Без смелости жизнь каждого из них будет незначительной и мелкой – куда более мелкой, чем им, вероятно, хотелось бы.

Я так и не встретила с Джеком Гилбертом лично, а теперь его уже нет – он скончался в 2012 году. Наверное, можно было поставить себе такую задачу – разыскать его и познакомиться, пока он еще был жив, но я, признаюсь, не стремилась к этому. (Опыт научил меня быть осторожнее с личными встречами – они подчас несут страшное разочарование.) Так или иначе, мне нравилось место, которое Джек Гилберт занял в моем воображении, каким он рисуется мне благодаря своим стихам и всему, что я о нем слышала. Вот я и решила, что ограничусь таким знакомством – в воображении.

Но я никогда не забуду слов, которые сказал однажды реальный Джек Гилберт, и сказал он их реальному человеку из плоти и крови, застенчивой студентке университета Теннесси. Эта девушка рассказала мне, как однажды после семинара Джек отвел ее в сторонку. Он похвалил ее работу, а потом спросил, чего она хочет в жизни. Девушка засмушалась, но все же призналась, что хочет стать писателем.

С бесконечно сочувственной улыбкой Гилберт спросил: «А смелости у вас хватит? Смелости на то, чтобы дать этому выплеснуться? Сокровища, которые таятся у вас внутри, надеются, что вы ответите да».

Творческая жизнь, определение

Это, я считаю, центральный вопрос, ответить на который пытаются все живые создания: *хватит ли тебе смелости вытащить на белый свет все сокровища, спрятанные у тебя внутри?*

Видите ли, я представления не имею, что там скрыто внутри вас. Откуда бы мне это узнать. Возможно, вы и сами не очень-то в курсе, хотя, подозреваю, какие-то намеки замечали. Мне неизвестны ваши способности, я знать не знаю, что вас вдохновляет, каковы ваши желания и скрытые таланты. Но наверняка там, у вас внутри, таится что-то потрясающее. Заявляю это с полной уверенностью, потому что (так уж я устроена) верю, что все мы – ходячие хранилища потаенных сокровищ. Я верю, что это очень древняя и очень щедрая проделка, игра, в которую природа играет с людьми, к своему и нашему удовольствию: природа прячет в каждом из нас необычные драгоценности, а потом отходит в сторонку и смотрит, сумеем ли мы их найти.

Охота за этими скрытыми в нас сокровищами – вот что такое творческая жизнь.

Отчаянная храбрость, которая гонит нас на эту охоту, – вот что превращает серые будни в более яркую жизнь.

Результаты этой охоты, которые часто оказываются для нас сюрпризом, – вот их-то я и называю Большим волшебством.

Насыщенное бытие

Когда я говорю здесь о творческой жизни, пожалуйста, помните: я не обязательно имею в виду, что надо посвятить жизнь исключительно профессиональному искусству. Я не утверждаю, что вы должны стать поэтом и поселиться на Олимпе, выступать в Карнеги-холл или получить Золотую пальмовую ветвь на Каннском фестивале. (Хотя, если вы захотите достичь какой-то из этих целей, *приступайте*, я обожаю дерзких авантюристов и мечтателей.) Нет, упоминая творческую жизнь, я говорю о ней в более широком смысле слова. Я веду речь о жизни, в которой человеком руководит больше любознательность, чем страх.

Вот, скажем, один из самых ярких примеров творческой жизни – моя подруга Сьюзен, которая увлеклась фигурным катанием в возрасте сорока лет. Вообще-то, кататься на коньках она давно уже умела. В детстве она занималась фигурным катанием и всегда обожала его, но ушла из этого спорта в подростковом возрасте, когда стало понятно, что ей недостает таланта, чтобы стать чемпионкой. (Ох уж эти подростковые годы, когда кого-то торжественно объявляют талантливым и выделяют из толпы, взваливая на хрупкие детские плечи бремя чужих надежд, а прочих сверстников при этом обрекают на банальное, лишенное вдохновения существование! Ну что за система...)

Прошло чуть больше четверти века – моя подруга Сьюзен не каталась на коньках. Чего ради стараться, если не можешь быть лучшей? Потом ей исполнилось сорок. Она стала вялой и апатичной. Но в то же время нервной. Она чувствовала, как становится незаметной серой мышью. И вот Сьюзен провела небольшую переоценку ценностей – многие так делают, когда у них юбилей. Она спросила себя, когда в последний раз ей было легко, радостно и когда она – да-да! – испытала *творческий порыв* и при этом чувствовала себя по-настоящему собой. К своему ужасу, она поняла, что с той счастливой поры миновали долгие десятилетия. Оказалось, все это она испытывала подростком, катаясь на коньках. Сьюзен была просто в шоке, осознав, что так долго подавляла в себе эту жизненную потребность. Потом ей стало интересно: а не прошла ли у нее любовь к катанию?

Она пошла на поводу у своего любопытства. Купила коньки, нашла каток и записалась к тренеру. Внутренний голос твердил, что она просто потакает своим нелепым и безумным прихотям, но Сьюзен не стала его

слушать. Она подавила даже неловкость от того, что оказалась единственной великовозрастной тетей среди девятилетних малышей.

Она просто занималась.

Три раза в неделю Сьюзен вставала затемно и, пошатываясь спронежя, отправлялась кататься на коньках до начала долгого трудового дня. Она каталась, каталась, каталась... И выяснила, что это по-прежнему восхитительно. Теперь ей даже больше нравилось кататься, ведь, став взрослой, она наконец-то оценила, как важна сама возможность радоваться жизни. На коньках она почувствовала себя активной и юной. Она перестала казаться себе среднестатистическим потребителем, безликим исполнителем повседневных задач и обязанностей. Она начала осознавать себя как личность, решившись сделать что-то с собой.

Это был поворот. Поворот в буквальном смысле, как будто Сьюзен, раскрутившись на льду, развернулась лицом к жизни – поворот за поворотом и новый поворот...

Пожалуйста, обратите внимание: моя героиня не ушла с работы, не продала дом, не порвала ни с кем отношений и не переехала в Торонто, чтобы оттачивать мастерство под руководством тренера олимпийского уровня. Заметьте также, что в конце истории Сьюзен не получила медаль и не стала чемпионкой. Такого финала и не должно быть. На самом деле история вообще еще не окончена, потому что Сьюзен *до сих пор* по несколько раз в неделю катается по утрам на коньках. Просто потому, что катание для нее – это лучший способ *выявить какую-то красоту* и выйти за рамки обыденности в своей жизни – то, чего она не могла добиться иными способами. И пока она еще здесь, на Земле, ей хочется как можно больше времени проводить за рамками обыденности.

Вот и все.

Это я и называю творческой жизнью.

И хотя способы реализации и результаты творческой жизни могут кардинально отличаться у разных людей, я с гарантией могу утверждать следующее: творческая жизнь – это жизнь насыщенная и яркая. Это грандиозная жизнь, счастливая, разнообразная и чертовски интересная. Жить так – упорно и постоянно извлекая на свет сокровища, затаенные у вас внутри, – это уже искусство *само по себе*.

Потому что в творческой жизни всегда присутствует Большое волшебство.

Страшно, страшно, страшно

Теперь давайте поговорим о храбрости.

Если вам уже хватило отваги вытащить на свет спрятанные в вас сокровища, восхитительно. Возможно, ваша жизнь уже полна интересных вещей. И эта книжка вам не нужна. Это классно.

Но если вам недостает смелости, давайте попытаемся найти ее. Ведь творческая жизнь – это дорога отважных. Мы все это знаем. И все мы знаем, что, когда храбрость иссякает, творческие силы иссякают вместе с ней. Знаем, что страх – унылый пустырь, куда отправляются наши мечты и где они высыхают на палящем солнце. Это общеизвестно – вот только мы порой просто не знаем, как с этим быть.

Дайте мне перечислить лишь несколько из множества страхов, которые могут мешать вам жить творческой жизнью.

Вы боитесь, что у вас нет таланта.

Вы боитесь, что вас отвергнут, или раскритикуют, или высмеют, или неправильно поймут, или – самое ужасное – проигнорируют.

Вы боитесь, что на ваше творчество не будет спроса, а значит, незачем и стараться его реализовывать.

Вы боитесь, что у кого-то это получится лучше, чем у вас.

Вы боитесь, что у всех это получается лучше, чем у вас.

Вы боитесь, что кто-то украдет ваши идеи, так что безопаснее навечно спрятать их в темноте под спудом.

Вы боитесь, что вас не воспримут всерьез.

Вы боитесь, что ваша работа имеет недостаточное политическое, эмоциональное или художественное значение, чтобы изменить чью-нибудь жизнь.

Вы боитесь, что ваши мечты неприличны.

Вы боитесь, что однажды, оглянувшись на результаты своей творческой деятельности, поймете, что это была огромная трата времени, сил и денег.

Вы боитесь оказаться недостаточно дисциплинированным.

Вы боитесь, что у вас не окажется подходящего рабочего пространства, финансовой свободы или не найдется времени, чтобы сосредоточиться на изобретениях или исследованиях.

Вы боитесь, что у вас не окажется достаточных навыков или знаний.

Вы боитесь, что вы слишком толстый. (Уж не знаю, какое

отношение это может иметь к творчеству, но, как показывает мой опыт, многие из нас считают себя слишком толстыми, так включим для полноты картины и этот пункт в наш список опасений.)

Вы боитесь, что вас сочтут графоманом, глупцом, дилетантом или нарциссом.

Вы боитесь огорчить членов своей семьи тем, что они, возможно, о вас узнают.

Вы боитесь того, что могут сказать ваши партнеры или сотрудники, услышав ваши личные признания.

Вы боитесь выпустить на волю своих потаенных демонов, вам совсем не хочется встречаться с ними.

Вы боитесь, что лучшие ваши достижения уже остались в прошлом.

Вы боитесь, что у вас никогда и не было лучших достижений.

Вы боитесь, что так долго отрицали в себе творческие способности, что теперь их уже не вернуть.

Вы боитесь, что вы уже стары, чтобы начинать.

Вы боитесь, что вы чересчур молоды, чтобы начать.

Вы боитесь, потому что однажды в жизни вам что-то удавалось, все шло хорошо, и очевидно, что так хорошо быть уже не может.

Вы боитесь, потому что в вашей жизни ничто и никогда не шло хорошо, так зачем пытаться?

Вы боитесь стать однодневкой.

Вы боитесь не стать даже однодневкой...

Слушайте, не буду я перечислять все возможные страхи, это может занять целый день, а у меня его нет. Список, во всяком случае, бесконечный и очень удручающий. Я просто резюмирую вышеперечисленное таким образом: СТРАШНО, СТРАШНО, СТРАШНО.

Все вокруг чертовски страшно.

Защита ваших слабостей

Пожалуйста, поймите, что я так решительно говорю о страхе по единственной причине – потому что сама очень близко с ним знакома. Я знаю каждый сантиметр страха, с головы до ног. Всю жизнь я была жуткой трусихой. Я, похоже, испугалась, как только родилась. Учтите, я нисколько не преувеличиваю, спросите любого в моей семье, и вам подтвердят, что да, я была исключительно запуганным ребенком. Мои самые ранние воспоминания связаны со страхом, как и многие более поздние.

Пока я росла, меня страшили не только общеизвестные и привычные опасности (темнота, незнакомцы и дальняя, глубокая, часть бассейна). Я боялась и огромного количества совершенно безобидных вещей (снега, безупречно приятных в общении нянь, машин, детских площадок, лестниц, «Улицы Сезам», телефона, настольных игр, бакалейных магазинов, острых стеблей травы, любых непривычных ситуаций, всего, что движется, и так далее, и так далее, и так далее...).

Я была чувствительным и легкотравмируемым существом, которое ударялось в слезы при любом нарушении личного пространства. Мой отец выходил из себя и называл меня плаксой-ваксой. Однажды летом, когда мне было восемь лет, мы отправились на побережье в Делавэре, и меня до того расстроил океан, что я попыталась заставить родителей *запретить* людям на пляже заходить в воду. (Мне было бы куда спокойнее и комфортнее, если бы все они просто сидели на берегу, каждый на своем полотенчике, и читали бы себе спокойно книжки; неужели я просила о многом?) Будь моя воля, я бы провела все каникулы – да что там каникулы, все детство – дома, уютно устроившись на коленях у матери, при приглушенном свете лампы, желательно с прохладной тряпочкой на лбу.

Ужасно, что я в этом признаюсь, но это чистая правда: возможно, я была бы *счастлива*, если бы у меня была одна из этих кошмарных матерей, что страдают делегированным синдромом Мюнхаузена^[1]; мы бы сговорились и постоянно сообща притворялись, что я больна, слаба и умираю. Будь у меня шанс, я бы охотно взаимодействовала с такой матерью, изображая абсолютно беспомощное дитя.

Но моя мать была другой.

Даже отдаленно их не напоминающей.

Наоборот, моя мама категорически не была склонна к чему-то подобному. Она ни минуты не верила моим представлениям – и, кажется,

это было самой большой моей удачей в жизни. Моя мама выросла на ферме в Миннесоте, была достойным потомком суровых скандинавских иммигрантов, и ей вовсе не улыбалось потакать маленькой трусихе. Для нее это было немыслимо. Моя мать вознамерилась преодолеть все мои страхи, а ее подход был почти до смешного прямолинейным: всякий раз она заставляла меня делать именно то, что вызывало во мне ужас.

Боишься океана? Ступай окунись и искупайся в океане!

Боишься снега? Бери лопату, пора расчищать дорожки от снега!

Не можешь разговаривать по телефону? Отныне в этом доме ты официально отвечаешь за то, чтобы подходить к телефону.

Стратегия была не слишком мудреной, зато мама проводила ее последовательно. Поверьте, я сопротивлялась. Я плакала, обижалась и демонстративно, назло, терпела неудачи. Я отказывалась здоровствовать и благополучно развиваться. Наоборот, тормозила, как могла, трясясь всем телом и упираясь руками и ногами. Я готова была на все, только бы доказать, что я физически и эмоционально ослаблена.

Но маме все было нипочем, она знай свое: «Ничего подобного, с тобой все в порядке!»

Я потратила годы на борьбу с маминой непоколебимой верой в мои силы и способности. Пока однажды, уже подростком, я наконец не осознала, что препираться дальше довольно глупо. Что я защищаю? Собственную слабость? И это то, за что я готова стоять не на жизнь, а на смерть?

Как говорится, защищай свои несовершенства, и они твои навсегда.

С чего бы мне держаться за какие-то несовершенства?

Я, как видите, не захотела.

И не хочу, чтобы и вы держались за свои.

Страх – это скучно

Позднее я подолгу размышляла над тем, что же побудило меня наконец перестать играть роль плаксы-ваксы, – буквально ночами не спала. Конечно, этому поспособствовало много факторов (мамино упорство, мое взросление), но главным, я полагаю, оказалось вот что: однажды я поняла, что бояться скучно.

Вообще-то, мой страх всегда был скучен всем вокруг, но лишь когда я достигла подросткового возраста, он наскучил даже мне самой. Полагаю, причина была та же, по которой Джеку Гилберту наскучила его слава: *каждый день одно и то же*.

В возрасте примерно пятнадцати лет я каким-то образом поняла, что мой страх напрочь лишен разнообразия, глубины, основательности. Я заметила, что страх никогда не меняется, не приносит удовольствия, никогда не предполагает сюрпризов или неожиданных концовок. Мой страх был словно песня с мелодией из одной ноты, и к тому же состоящая из одного слова, а этим словом было «СТОП!». Страх был не способен предложить мне ничего более занимательного, более изысканного, чем это резкое, раз за разом повторяемое на полной громкости слово: «СТОП, СТОП, СТОП, СТОП!»

Следовательно, страх всякий раз вынуждал меня принимать предсказуемо скучные желания, как если бы книга, где самому можно выбирать концовку, всегда имела одно завершение: *пустоту*.

Я поняла, что мой страх скучен еще и потому, что он был абсолютно идентичен чьим-либо еще страхам. Я поняла, что у всех песня страха состоит из точно такой же нудной строчки: «СТОП, СТОП, СТОП, СТОП!» Конечно же громкость у разных людей может отличаться, но сама песня никогда не меняется, потому как еще в материнской утробе все мы, человеческие существа, были снабжены одинаковыми комплектами страха. Да и не только люди: если вы проведете рукой над чашкой Петри, в которой сидит головастик, он станет уворачиваться от вашей тени. Этот головастик не может писать стихи, он не умеет петь, ему неведомы любовь, ревность, зависть или радость победы, мозг у него размером с запятую, но даже он отлично знает, как надо бояться неизвестного.

Как и я.

Как и все мы. Но в этом нет ничего совершенно непреодолимого. Понимаете, о чем я? Я имею в виду, что за умение бояться неизвестного вы

не получите никаких особенных бонусов. Другими словами, страх – это очень древний инстинкт, принципиально важный для процесса эволюции... но не особенно умный.

В своем трусоватом детстве я фиксировалась на страхе так, будто во мне не было ничего более интересного, а на самом-то деле он был самым банальным. Возможно даже, что только страх во мне и можно было назвать на сто процентов банальным. Ведь во мне было творческое начало, и оно было уникальным; была личность, и она была уникальна; у меня были мечты, перспективы, стремления, и они были уникальны. Но страх был вовсе не оригинален. Мой страх не был каким-то редким произведением искусства ручной работы, это был просто ширпотреб, продукт серийного производства, который можно найти на полках любого заурядного магазина.

И это было то, на чем я хотела построить свою идентичность?

На самом банальном из своих инстинктов?

На паническом рефлексе тупого головастика, сидящего внутри у каждого из нас?

Ну уж нет.

Страх, который вам нужен, и страх не нужный вовсе

Теперь вы, вероятно, ждете, что я стану говорить – вам, мол, нужно стать бесстрашными для того, чтобы начать творческую жизнь. Но я не скажу такого, потому что вовсе так не думаю. Творческий путь для смелых – это верно, но не для *бесстрашных*, и понимать разницу очень важно.

Храбрость означает способность взяться за что-то, хотя это страшит.

Бесстрашие означает, что человек просто даже не понимает, что означает слово «страшно».

Если вы поставили перед собой жизненную цель стать бесстрашными, то, мне кажется, вы на неверном пути, потому что единственными бесстрашными людьми, каких мне доводилось встречать, были либо полные психопаты, которым море по колено, либо на редкость беспечные трехлетние дети; ни тех, ни других нельзя назвать хорошим примером для подражания.

Дело в том, что страх вам нужен, по понятным причинам, для выживания. Эволюция не зря установила у вас внутри рефлекс страха, потому что, не будь у вас внутри страха, ваша жизнь была бы короткой, безумной и бессмысленной. Вы ходили бы по проезжей части. Бродили бы по дремучему лесу, где вас съели бы медведи. Вы прыгали бы в гигантские волны прибоя на Гавайях, почти не умея плавать. И вышли бы замуж за человека, заявившего на первом свидании: «Вообще-то, я считаю, что люди по своей природе не моногамны».

Так что да, разумеется, вам нужен страх, чтобы защитить вас от реальных опасностей, подобных тем, что я перечислила выше.

Но вам совершенно не нужен страх в мире творческого вдохновения.

Серьезно, вот совсем не нужен.

Но то, что вам *не нужен* страх, когда дело касается творчества, конечно, не означает, что он не проявится. Поверьте, страх непременно поднимет голову, особенно если вы попытаетесь что-нибудь изобрести или сделать что-то новое и небывалое. Страх будет спровоцирован вашим стремлением к творчеству, потому что творчество побуждает вступать на зыбкую почву, браться за дела с неопределенным исходом, а страх *не терпит* неопределенности. Ваш страх – призванный эволюцией бдительно следить за вами и постоянно вас опекать – вечно предполагает, что любое неопределенное развитие событий неминуемо приведет к ужасной

кровавой гибели. Грубо говоря, страх подобен охраннику магазина, который вообразил себя непобедимым спецназовцем: он сутками не спит, держится только на напитках-энергетиках и готов стрелять в собственную тень в абсурдном стремлении обеспечивать «безопасность» для всех и каждого.

Такое положение вещей совершенно естественно для человека.

Тут абсолютно нечего стыдиться.

Однако с этим необходимо будет как-то разбираться.

Поездка

Вот как я научилась справляться с собственным страхом: прежде всего, я решила, что если я хочу творчества в жизни – а я хочу, – то в ней будет место и для страха.

И много места.

Я попыталась построить свою жизнь так, чтобы страх и творческое начало смогли в ней мирно сосуществовать, раз уж все равно понятно, что они никуда от меня не денутся. Похоже, они неотделимы друг от друга, как сиамские близнецы, – творчество и шагу не может ступить без того, чтобы рядом не шел страх. Страх и творческое начало вынашивались в одной утробе, родились одновременно, и наверняка какие-то жизненно важные органы у них общие. Вот почему нужно осторожнее обращаться со своими страхами: я замечала, что, пытаясь избавиться от страха, люди, сами того не желая, убивают в себе и творческие силы.

Так что я не пытаюсь уничтожить свой страх. Не веду против него войну. Наоборот, я оставляю для него место. Массу места. Каждый день. И вот прямо сейчас я тоже оставляю место для страха. Я позволяю своему страху жить, дышать и спокойно вытягиваться в полный рост. И знаете, мне кажется, что, чем меньше я борюсь со страхом, тем реже он атакует в ответ. Если мне удастся расслабиться, страх тоже расслабляется. По сути, я всегда радушно приглашаю страх следовать за мною всюду, куда бы ни шла сама. У меня даже есть пригласительная речь для страха, которую я произношу всякий раз перед тем, как взяться за новый проект или нырнуть с головой в очередное большое приключение.

Выглядит она примерно так:

«Дорогой Страх! Мы с Творчеством собираемся отправиться в дорогу. Понимаю, ты к нам присоединишься, ты же всегда так делаешь. Знаю, ты думаешь, что занимаешь важное место в моей жизни, и очень ответственно относишься к своей работе. Видимо, эта работа состоит в том, чтобы вызывать полную панику всякий раз, когда я собираюсь сделать что-то интересное. Должна признать, ты справляешься со своей задачей *на высшем уровне*. Так продолжай на здоровье, делай свое дело, раз уж ты считаешь, что это необходимо. Но и я буду делать свою работу в этой поездке, а она заключается в том, чтобы усердно трудиться и не отвлекаться. А Творчество будет выполнять свою работу, а именно подбадривать и вдохновлять. В нашей машине хватит места всем троим,

будь как дома, но имей в виду: *решения в этой поездке будем принимать только я и Творчество*. Я сознаю, что ты часть нашей семьи, принимаю это и потому не буду тебе мешать, но не обессудь, твои предложения учитываться не будут. У тебя есть право занять свое место, право высказываться, но нет права голоса. Тебе запрещено трогать дорожные карты и предлагать объездные пути, запрещено крутить ручки на приборной панели. Приятель, тебе нельзя даже трогать *радио*. Но главное, мой старый, давно знакомый друг, тебе ни в коем случае нельзя садиться за руль».

И потом мы отправляемся в путь – я, творческое начало и страх, – как всегда бок о бок, и снова движемся к пугающей, но восхитительной территории неопределенных исходов.

Почему оно того стоит

Это, скажу я вам, не так уж легко и приятно – отважно пуститься в прекрасное путешествие и при этом постоянно чувствовать под боком свой страх, – но все равно дело стоит того, ведь, если вы не научитесь комфортно путешествовать вместе со своим страхом, вам никогда не отправиться в интересное место и не сделать ничего интересного.

А это было бы досадно, поскольку ваша жизнь коротка, уникальна, прекрасна и удивительна, и хорошо бы создать что-нибудь интересное, пока вы живы. Я знаю, вы этого хотите, потому что я сама хочу того же.

Все мы только этого и хотим.

И внутри у вас спрятаны сокровища – невероятные сокровища, – как и у меня, как и у всех вокруг. Но для того, чтобы добыть эти сокровища, требуются усилие, вера, их концентрация, храбрость и много часов потраченного времени, а часы-то тикают, земля вертится, и у нас попросту нет времени, чтобы *размениваться на мелочи*.

Волшебство

Идея приходит

Теперь, покончив с разговорами о страхе, мы с вами можем наконец перейти к волшебству.

Сперва я хотела бы рассказать о самом магическом, что когда-либо со мной происходило.

Речь о книге, которую я не смогла написать.

Начну свой рассказ с ранней весны 2006 года. Я только что выпустила книгу «Есть, молиться, любить» и пыталась понять, за что же мне теперь браться в творческом смысле. Инстинкты подсказывали мне, что пора вернуться к своим литературным истокам и написать художественную книгу, чего я не делала годами. На самом деле я так давно не писала романов, что боялась, не забыла ли я вовсе, как это делается. Я опасалась, что художественная литература стала для меня языком, на котором я не могу говорить. Но вот сейчас у меня появилась идея для романа – идея, которая меня ужасно увлекла.

Эта идея была основана на истории, которую мне рассказал мой возлюбленный, Фелипе, о том, что произошло, когда он рос в Бразилии в 1960-е годы. Кажется, правительство Бразилии намеревалось тогда проложить гигантскую автодорогу через амазонские джунгли. Дело было в эпоху бурного развития и модернизации, и такая схема, должно быть, казалась в то время проявлением максимальной дальновидности. Бразильцы вложили огромные деньги в этот амбициозный проект. Международное сообщество добавило многие миллионы на строительство. Какая-то часть денег тотчас исчезла в черной дыре коррупции и неорганизованности, но в итоге достаточное количество попало куда следует, и проект можно было начинать. Несколько месяцев все шло хорошо. Работа успешно двигалась. Небольшой отрезок дороги закончили полностью. Джунгли были побеждены.

А потом начались дожди.

Похоже, никто из проектировщиков до конца не осознавал того, что такое сезон дождей в Амазонии. Строительную площадку моментально затопило, и она стала необитаемой. Рабочим ничего не оставалось, кроме как уйти, оставив всю технику под слоем воды в несколько футов глубиной. А когда они вернулись спустя много месяцев после того, как дожди утихли, то, к ужасу своему, обнаружили, что джунгли попросту поглотили их проект. Все, что было построено, все их усилия были сведены природой к

нулю, как если бы рабочих и дороги никогда не существовало вовсе. Они даже не могли сказать, где именно вели работы. И вся их тяжелая техника тоже пропала. Ее никто не крал, а просто как будто кто-то *проглотил*. Как описал это Фелипе: «Бульдозеры с колесами в человеческий рост засосала земля, и они навсегда исчезли. Пропало всё».

Когда он поведал мне эту историю – особенно эту часть, про джунгли, поглотившие технику, – у меня по рукам забегали мурашки. Волоски на шее моментально стали дыбом, у меня закружилась голова, и даже слегка затошнило. Такие чувства я испытываю, когда влюбляюсь, или слышу тревожные новости, или смотрю через пропасть на что-то прекрасное, завораживающее, но опасное.

Подобное я уже испытывала раньше и поэтому сразу поняла, в чем дело. Такая сильная эмоциональная и физиологическая реакция у меня бывает не очень часто, но все же это случается (и к тому же вполне соответствует описаниям разных людей по всему миру и во все времена), так что я могла с уверенностью назвать ее причину: вдохновение.

Так себя чувствуешь, когда тебя посещает замысел, новая идея.

Как работают идеи

В этом месте я должна пояснить, что всю свою жизнь провела в преданном служении творчеству, а параллельно пыталась разобраться в том, как оно работает – и как работать с ним, – и все мои гипотезы целиком и полностью построены на магическом мышлении. И когда я говорю здесь о магии, то имею в виду магию в буквальном смысле слова. То есть как в Хогвартсе. Я подразумеваю сверхъестественное, мистическое, необъяснимое, фантастическое, божественное, трансцендентное, неземное. Потому что я, по правде говоря, думаю, что творческое начало – это своего рода волшебная сила не вполне человеческого происхождения.

Знаю, это не слишком современный и рациональный взгляд на вещи. И совершенно ненаучный. Буквально пару дней назад я слышала, как уважаемый невролог говорил: «Творческий процесс может казаться магическим, но это не магия».

При всем уважении я не могу с ним согласиться.

Я верю в то, что творческий процесс магический – и при этом *сам* является магией.

Потому что мое представление о том, как «работает» творчество, таково.

Я считаю, что наша планета населена не только животными, растениями, бактериями и вирусами, но и *идеями*. Идеи – это бестелесная, энергетическая форма жизни. Они совершенно независимы от нас, но могут общаться с нами, хоть и довольно странно. У идей нет материального тела, но есть сознание, и они, скорее всего, обладают волей. Идеями движет одно стремление: быть воплощенными. А воплотиться идея может только одним способом – через взаимодействие с партнером, человеком. Только усилием человека идею можно вывести из воздуха в материальную реальность.

Стало быть, идеи проводят целую вечность, кружа вокруг нас в поисках способных и готовых к взаимодействию людей-партнеров. (Здесь я имею в виду *все* идеи – творческие, научные, промышленные, коммерческие, этические, религиозные, политические.) Когда идее кажется, что она нашла кого-то подходящего, кто мог бы воплотить ее в реальность – скажем, вас, – идея вас посещает. Она старается привлечь ваше внимание. Вы, скорее всего, этого не заметите. Обычно так бывает, потому что вы настолько поглощены собственными переживаниями, тревогами,

комплексами и обязанностями, что теряете восприимчивость к вдохновению. Вы можете не заметить сигнал, потому что смотрите телевизор, или бегаете по магазинам, или злитесь на кого-то, или обдумываете свои неудачи и ошибки, или просто очень заняты. Какое-то время идея будет пытаться вас привлечь (может, несколько минут, месяцев или даже лет), но, поняв наконец, что вы не замечаете ее сигналов, отправится к кому-нибудь другому.

Но иногда – это случается редко, но всегда прекрасно – наступает день, когда вы достаточно расслаблены и открыты, чтобы что-то воспринять. Ваша самозащита ослаблена, тревога отпустила, и тогда магии удастся проскользнуть внутрь. Идея, чувствуя вашу открытость, начинает воздействовать на вас. Она посылает универсальные физические и эмоциональные сигналы вдохновения (холодок по коже, волосы на шее, встающие дыбом, спазмы в желудке, трудно собраться с мыслями – чувство, будто влюблен или одержим). Идея будет подстраивать совпадения и знамения, чтобы направлять вас и поддерживать ваш интерес. Вы начнете замечать разные знаки, подталкивающие вас навстречу идее. Все, что вы видите и к чему прикасаетесь, будет напоминать вам о ней. Идея будет будить вас среди ночи и отвлекать от повседневной рутины. Идея не оставит вас в покое, пока целиком не завладеет вашим вниманием.

А потом, в один прекрасный момент, она спросит: «Хочешь работать со мной?»

И у вас будет два варианта ответа.

Что будет, если вы скажете «нет»

Легче всего конечно же просто сказать «нет».

Тогда вы избавитесь от трудностей. Идея уйдет, и – поздравляю! – вам больше не придется беспокоиться и что-то там создавать.

Поймите правильно, это не всегда позорный выбор. Действительно, порой вы отказываетесь от вдохновения из-за лени, тревоги, комплексов или раздражения. Но бывает, что момент и впрямь неподходящий, или вы уже вовлечены в другой проект, или уверены в том, что конкретно эта идея поступалась не в ту дверь.

Меня много раз посещали идеи, которые, знаю, не подходили мне, и я вежливо говорила: «Ваше приглашение честь для меня, но я вам не подхожу. Не могу ли я предложить вам посетить, скажем, Барбару Кингсолвер?» (Отсылая идею прочь, я всегда стараюсь разговаривать с ней максимально любезно – не хочу, чтобы по миру прошел слухок, что со мной сложно работать.)

Что бы вы ни ответили несчастной идее, отнеситесь к ней с сочувствием. Помните: она всего лишь хочет, чтобы ее реализовали. Ей действительно приходится стучаться во все возможные двери.

Можете ответить «нет».

В этом случае абсолютно ничего не произойдет.

Люди чаще всего так и отвечают.

Большую часть своей жизни большинство людей просто ходят и день за днем твердят: «Нет, нет, нет, нет, нет».

Однако в один прекрасный день вы можете сказать «да».

Что будет, если вы скажете «да»

Если вы ответите идее «да», начнется самое интересное.

Вас ждет работа одновременно легкая и трудная. Отныне вы заключили официальный контракт с вдохновением и должны постараться изо всех сил, даже несмотря на то, что исход абсолютно непредсказуем.

Вы можете прописать в этом контракте любые условия, какие вам нравятся. В современной западной цивилизации самый обычный творческий контракт воспринимают как маету и страдание. Это контракт, в котором говорится: *«Я уничтожу себя и всех вокруг себя в попытках реализовать вдохновение, и мое мученичество станет символом моей творческой легитимности»*.

Если вы решили заключить контракт на условиях творческих страданий, придется постараться максимально соответствовать стереотипу Страдающего Художника. Недостатка в ролевых моделях у вас не будет. Чтобы следовать их примеру, соблюдайте фундаментальные правила: как можно больше пейте; перессорьтесь со всеми; с самим собой боритесь неистово, до крови; постоянно выражайте недовольство своей работой; завидуйте коллегам и соперничайте с ними; завидуйте любым чужим успехам; восклицайте, что талант – ваше проклятие (а не благословение); ставьте свою самооценку в зависимость от чужих похвал; задирайте нос в случае успеха и жалеете себя в случае поражения; чтите тьму вместо света; умрите молодым; вините творчество в том, что оно вас сгубило.

Работает ли этот метод?

Еще бы. Прекрасно работает. Пока не убьет вас.

Так что можете выбрать этот путь, если действительно хотите. (И не позволяйте ни мне, никому другому отобрать у вас страдание, если уж вы ему так преданы!) Но я не уверена в плодотворности этого пути и в том, что он принесет вам и вашим близким радость и покой. Признаю: такой способ жизни в творчестве бывает весьма эффективным, а после вашей смерти даст массу материала для биографического фильма. Так что, если вы предпочитаете короткую жизнь, полную трагичного очарования, жизни долгой и приносящей глубокое удовлетворение, *можете ни в чем себе не отказывать*.

У меня, однако, всегда было такое ощущение, что муза такого художника-страдальца – пока он сам бьется в очередной истерике – тихонько сидит в углу студии, полирует ногти и терпеливо ждет, когда же

парень успокоится, протрезвеет и можно будет вернуться к работе.

Потому что, в конце концов, речь ведь о работе, так? Или не так?

А вдруг есть другой способ достигнуть цели?

Можно, я предложу его вам?

Иной способ

Другой способ – это полное, почтительное и радостное сотрудничество с вдохновением.

Уверена, что на протяжении веков люди именно так занимались творчеством, пока не решили устроить из этого оперу «Богема». Оказывается, можно воспринимать идеи с уважением и интересом, без ужаса и трагедий. Можно устранить все препятствия, мешающие жить творческой жизнью, просто осознав: то, что вредит вам, вредит и делу. Можно прекратить бухать, чтобы иметь ясный ум. Можно поддерживать нормальные отношения и не отвлекаться на вами же спровоцированные эмоциональные срывы. Можно себе позволить радоваться своим достижениям. (А если проект не оправдал себя, всегда можно подумать о нем как о полезном творческом опыте.) Можно противостоять искушениям и не впадать в крайности от мании величия до самобичевания. Можно поддерживать других людей в их творческих начинаниях, ведь, по правде говоря, места хватит всем. Можно оценивать себя не по провалам или успехам, а по тому, насколько вы верны своему делу. Можно сражаться со своими демонами (психотерапией, здоровым образом жизни, молитвами или смирением), вместо того чтобы сражаться с собственным даром, поняв, в частности, что вовсе не демоны выполняли за вас вашу работу. Можно поверить в то, что вы не раб и не повелитель своего вдохновения, а кое-что поинтереснее, его партнер, и что вы вдвоем, сообща, прокладываете путь к чему-то увлекательному и стоящему. Можно прожить долгую жизнь, всю дорогу занимаясь по-настоящему крутыми вещами. Можно зарабатывать на жизнь своим занятием или нет, но прежде всего важно понять, что не это главное. И под конец своих дней вы сможете поблагодарить творчество за то, что оно благословило вас, подарив волшебную, захватывающе интересную и равнодушную жизнь.

Это и есть другой способ.

Выбирать вам.

Идея растет

Вернемся к моей волшебной истории.

Благодаря рассказанной Фелипе истории об Амазонке меня посетила блестящая идея: я вдохновилась и поняла, что хочу написать роман о Бразилии 1960-х. Точнее, о попытках построить злополучную магистраль через джунгли.

Эта идея будоражила меня, казалась грандиозной. Но и страшила: я ведь ни черта не знала ни о бразильской Амазонии, ни о строительстве дорог в 1960-е годы. Впрочем, все хорошие идеи поначалу кажутся пугающими, так что я взялась за дело. Я согласилась заключить с идеей контракт. Мы должны были работать сообща. Мы, так сказать, ударили по рукам. Я пообещала идее, что не буду ей противиться и никогда от нее не откажусь, но буду сотрудничать с ней только в пределах моих возможностей, пока совместная работа не будет завершена.

Потом я сделала то, что делаешь всегда, когда серьезно подходишь к проекту или увлечению: расчистила для него место. Очистила письменный стол в прямом и переносном смысле. Каждое утро я посвящала несколько часов поиску информации. Вечерами я заставляла себя лечь спать пораньше, чтобы вскочить на рассвете и бодро взяться за работу. Я отказывалась от развлечений и встреч, чтобы сосредоточиться на деле. Я заказала книги о Бразилии и связалась с экспертами. Начала изучать португальский. Накупила картотечных карточек (это мой любимый способ вести записи) и позволила себе начать мечтать об этом новом мире. И уже в этом пространстве меня начали посещать новые идеи, а сюжет начал обретать форму.

Я решила, что моей героиней станет американка средних лет по имени Эвелин. На дворе 1960-е, время политического и культурного расцвета, но Эвелин он не коснулся – она мирно и спокойно живет у себя в Миннесоте. Замуж она не вышла и вот уже двадцать пять лет усердно работает ответственным секретарем в крупной строительной фирме. Все это время Эвелин тихо и безнадежно влюблена в своего женатого босса, доброго и работающего человека, который видит в ней только квалифицированного помощника. У босса есть сын – сомнительный тип с большими амбициями. Сын слышит о намечающемся строительстве огромной магистрали в Бразилии и убеждает отца предложить услуги фирмы. Не мытьем, так катаньем, но сыну удастся уговорить отца вложить в этот проект весь

семейный капитал. Наконец он отправляется в Бразилию, с большими деньгами и безудержными мечтами о славе. Вскоре, однако, и сын, и деньги исчезают. Встревоженный отец отправляет Эвелин, своего доверенного представителя, на Амазонку с заданием попытаться разыскать пропавшего молодого человека и деньги. Из любви и чувства долга Эвелин едет в Бразилию, и с этого момента ее размеренная, серенькая жизнь в корне меняется: женщина попадает в мир хаоса, лжи и насилия. Драматизм и мистические откровения присутствуют. В наличии еще и любовная история.

Я решила назвать этот роман «Амазонка Эвелин».

Написала заявку на книгу и отправила своей издательской компании. Им понравилось, и они ее купили. Тогда я заключила еще один договор с идеей – на сей раз формальный контракт, с нотариально заверенными подписями, сроками исполнения и т. д. Теперь я была задействована по полной программе. И серьезно взялась за работу.

Идея отходит на второй план

Спустя несколько месяцев, однако, драма в реальной жизни отвлекла меня от драмы вымышленной. Во время очередной поездки в Америку моего возлюбленного Фелипе задержали пограничники, и ему было отказано во въезде в Соединенные Штаты. Он не сделал ничего дурного, и, тем не менее, по решению Министерства национальной безопасности его посадили под арест, а потом выдворили из страны. Нам сообщили, что Фелипе никогда больше не сможет приехать в Америку, если только мы не поженимся. Я поняла, что, если хочу быть рядом с любимым человеком, чтобы поддержать его в это трудное время изгнания, нужно срочно собирать вещи и ехать к нему, за границу. Так я и сделала и провела с ним почти год, помогая разбираться в этом бедламе и оформляя документы на иммиграцию.

Такие потрясения – не лучший фон для того, чтобы полностью сосредоточиться на написании объемного и тщательно проработанного романа о бразильской Амазонии шестидесятых. Поэтому я отложила историю Эвелин, искренне пообещав, что вернусь к ней позже, когда все встанет на свои места. Упаковав сделанные для романа записи вместе с остальными вещами, я отправилась через полпланеты к Фелипе, чтобы вместе разбираться со всем этим бардаком. А поскольку я все равно должна о чем-то писать, а иначе просто сойду с ума, то я решила написать об *этом*, а именно изложить на бумаге все, что произошло в моей реальной жизни, чтобы самой разобраться во всех ее перипетиях. (Как сказала известная журналистка и писательница Джоан Дидион: «Я не знаю, что я думаю, пока не напишу об этом».)

Со временем эта задумка воплотилась в виде моей книги мемуаров «Законный брак».

Хочу пояснить: я не жалею о том, что написала «Законный брак». Я бесконечно благодарна этой книге, а работа над ней помогла мне разобраться с сильной тревогой, которую я испытывала в преддверии предстоящей свадьбы. Но эта книга была в центре моего внимания довольно долго, больше двух лет. Двух лет, которые я не посвятила написанию «Амазонки Эвелин».

Нельзя так надолго оставлять идею без присмотра.

Я честно намеревалась вернуться к роману. Так что, когда мы с Фелипе поженились и вернулись в США, а «Законный брак» был закончен, я

достала все свои записи и села за стол, готовая вернуться к созданию романа об амазонских джунглях.

И тут я сделала крайне неутешительное открытие.

Мой роман исчез.

Идея уходит

Давайте объясню.

Я не хочу сказать, что кто-то украл мои записи или стерся важный файл на компьютере. Я имею в виду, что исчезла живая душа моего романа. Разумная сила, одушевляющая любое яркое творческое начинание, улетучилась, хочется сказать, как бульдозеры в джунглях. Конечно, все исследования и записи, сделанные мной два года назад, были на месте, но я сразу почувствовала, что вижу перед собой лишь пустую оболочку того, что не так давно было живой, пульсирующей сущностью.

Я довольно упряма в таких вещах и просто так не бросаю свои проекты, так что несколько месяцев подстегивала этот трупик, пытаясь заставить снова работать, но все напрасно. Там ничего даже не теплилось. Это было все равно что тыкать палкой в сброшенную змеиную шкуру: чем больше я возилась, тем быстрее оболочка распадалась и обращалась в прах.

Я поняла, что именно произошло, потому как сталкивалась с подобным и раньше: замыслу надоело ждать, и он меня покинул. Могла ли я его винить, ведь я сама нарушила договор, в конце концов. Я обещала полностью отдавать себя написанию «Амазонки Эвелин», а потом изменила данному слову. Больше двух лет я не уделяла книге никакого внимания. Что оставалось делать замыслу – просто сидеть и ждать, пока я его игнорировала? Может быть. Иногда идеи и правда ждут. Некоторые чрезвычайно терпеливые идеи могут годами и даже десятилетиями дожидаться, пока на них обратят внимание. А другие не будут, ведь все идеи по натуре разные. Вот вы – станете вы сидеть взаперти два года, если партнер пошлет вас подальше? Сомневаюсь.

Так что отвергнутый замысел поступил так же, как поступили бы многие уважающие себя живые существа: смылся.

Все по-честному, верно?

Ведь такова оборотная сторона договора с творческим началом: если вдохновению разрешено неожиданно вас посетить, оно имеет право так же неожиданно вас покинуть.

Будь я моложе, потеря «Амазонки Эвелин» выбила бы меня из колеи, но на этом этапе своей жизни я имела довольно большой опыт общения с воображением и смирилась без лишних переживаний. Я могла бы оплакивать потерю, но не стала: я же знала, каковы условия договора, и приняла их. Я понимала: лучшее, что можно сделать в такой ситуации, это

отпустить прежнюю идею и поймать другую, которая подлетит поближе. И лучший способ этого добиться – двигаться дальше быстро, смиренно и с достоинством. Не впадать в панику по поводу того, что ушло. Не терзать себя. Не гневаться на богов. Все это не что иное, как отвлекающие факторы, а вам не нужно отвлекаться. Если вам необходимо скорбеть, скорбите, но эффективно. А лучше всего просто с достоинством попрощаться с утраченной идеей и продолжать двигаться вперед. Найдите что-нибудь, над чем можно поработать, – неважно что, но обязательно возьмитесь за дело. Не сидите сложа руки.

Прежде всего, будьте готовы. Смотрите в оба. Слушайте. Прислушивайтесь к своему любопытству. Задавайте вопросы. Принюхивайтесь. Будьте открыты. Поверьте в этот удивительный факт: идеи постоянно, каждый день, ищут сотрудничества с людьми. Идеи разного рода так и скачут вокруг нас, проходят сквозь нас, пытаются привлечь наше внимание.

Покажите им, что вы готовы к работе.

И во имя всего святого, постарайтесь не упустить следующую.

Колдовство

Так должна была закончиться моя амазонская история. Но не закончилась.

Как раз в то время, когда моя идея от меня убежала – в 2008 году, – у меня появилась новая подруга, Энн Пэтчетт, знаменитая писательница. Мы познакомились в Нью-Йорке, на экспертной дискуссии по библиотекам.

Да, вы не ослышались: экспертной дискуссии по библиотекам.

Жизнь писателя, как видите, донельзя гламурна.

Энн сразу привлекла мое внимание не только потому, что мне всегда нравились ее книги, она и при личном общении оказалась весьма примечательной особой. У Энн есть поразительная способность казаться маленькой и незаметной – почти невидимой – и наблюдать мир вокруг, оставаясь в безопасной анонимности, чтобы потом, оставшись незамеченной, о нем писать. Другими словами, ее сверхспособность заключается в том, чтобы скрывать свои сверхспособности.

Впервые встретив Энн, я, что неудивительно, не узнала в ней известного автора. Она выглядела такой непримечательной, маленькой и юной, что я приняла ее за чью-то ассистентку или даже ассистентку ассистентки. Потом я поняла, кто она такая. И подумала: *«О боже! Какая кроткая крошка!»*

Представьте, ей удалось меня одурачить.

Часом позже мисс Пэтчетт поднялась на кафедру и произнесла одну из самых мощных и ошеломительных речей, какие мне приходилось слышать. Она всколыхнула аудиторию и всколыхнула меня. И тогда я заметила, что она на самом деле довольно высокая женщина. И сильная. И ослепительно красивая. И страстная. И блистательная. Как будто она скинула плащ-невидимку и предстала перед нами настоящей богиней.

Я была поражена. До того мне не приходилось видеть, чтобы кто-то преображался таким образом буквально в одно мгновение. А поскольку у меня нет сдерживающих центров, то после мероприятия я подбежала к ней и схватила за руку, мне хотелось поймать это чудесное создание до того, пока оно снова не растворилось в невидимости.

Я сказала: «Энн, я понимаю, что мы только познакомились, но я должна сказать: ты замечательная, и я от тебя без ума!»

Вообще-то, Энн Пэтчетт – женщина, у которой *есть* сдерживающие центры. Неудивительно, что она покосилась на меня с подозрением.

Казалось, она принимает насчет меня какое-то решение. В какой-то момент я готова была провалиться сквозь землю. Но то, что она сделала после, было прекрасно. Она взяла в руки мое лицо и *расцеловала* меня. А потом произнесла: «А я без ума от тебя, Лиз Гилберт».

В этот самый момент вспыхнула наша дружба.

Однако это несколько необычная разновидность дружбы. Энн и я живем в разных штатах (я в Нью-Джерси, а она в Теннесси), так что мы не могли бы раз в неделю встречаться и общаться за ланчем. К тому же мы обе не любительницы долгих телефонных разговоров. Социальные сети тоже не стали для нас местом общения. Вместо этого мы решили ближе знакомиться друг с другом посредством забытого в наше время искусства написания писем.

Мы с Энн начали каждый месяц писать друг другу длинные вдумчивые письма, это стало традицией и продолжается по сей день. Настоящие письма, на бумаге, в конвертах с почтовыми марками и все такое. Это довольно старомодный способ дружить, но мы обе вообще довольно старомодны. Мы пишем друг другу о своих мужьях, семьях, друзьях и о своих злоключениях. Но больше всего пишем мы о своей литературной работе.

Вот так и получилось, что однажды – осенью 2008 года – Энн вскользь упомянула в письме, что недавно начала работать над новым романом и что он об амазонских джунглях.

По очевидным причинам это привлекло мое внимание.

В ответном письме я спросила, о чем конкретно будет роман. Я объяснила, что также работала над романом о джунглях Амазонки, но идея улизнула от меня, поскольку я ей пренебрегла (к тому времени я точно знала, что Энн поймет, о чем я). Энн ответила, что еще слишком рано и пока точно не знает, каков именно будет сюжет ее романа о джунглях. Все пока еще на ранних стадиях. Сюжет только обретает форму. Она будет держать меня в курсе того, как развивается процесс написания.

В феврале следующего года мы с Энн встретились во второй раз в жизни. Нам предстояло выступать вместе на мероприятии в Портлендле, штат Орегон.

Утром в день выступления мы вдвоем завтракали в гостиничном кафе. Энн сказала мне, что погрузилась в процесс написания своей новой книги – уже готово больше ста страниц.

Я сказала: «Хорошо, тогда придется тебе рассказать мне, о чем твой роман. Я умираю от любопытства».

«Сначала ты, – ответила Энн. – Ты ведь первая решила написать книгу.

Расскажи, о чем был твой роман про амазонские джунгли, тот, который ушел».

Я постаралась пересказать сюжет максимально сжато. Я сказала: «Он был о старой деве средних лет, которая живет в Миннесоте и много лет тайно влюблена в своего женатого босса. Он влезает в рискованный бизнес-проект, связанный с джунглями Амазонки. По ходу пропадают огромная сумма денег и человек, а мою героиню отправляют туда, чтобы со всем разобраться, и с этого момента ее тихая жизнь превращается в хаос. Да, и там еще любовная история».

Энн, сидящая напротив, смотрела на меня в упор долгую минуту.

Прежде чем я продолжу рассказ, хочу кое-что вам пояснить: в отличие от меня Энн Пэтчетт настоящая леди. У нее изысканные манеры. Она никогда не бывает грубой или вульгарной, и тем сильнее меня шокировало то, что она произнесла:

«Да ты, на хрен, шутишь!»

«Почему? – удивилась я. – О чем твой роман?»

Она ответила: «Он о старой деве из Миннесоты, которая много лет тайно влюблена в своего женатого босса. Он вовлечен в рискованную бизнес-схему в джунглях Амазонки. Куча денег и человек пропадают, и мою героиню посылают туда разобраться со всем, и с этого момента ее тихая жизнь превращается в хаос. А еще это любовная история».

Какого хрена?

Это же не *жанровая схема*, ребята!

Эта история – не скандинавский детектив о расследовании убийств и не роман о вампирах. Это не расхожий, весьма своеобразный сюжет. Нельзя же прийти в книжный магазин и попросить у консультанта показать вам раздел, где стоят книги о старых девах из Миннесоты, влюбленных в своих женатых боссов и отправляющихся в амазонские джунгли, чтобы найти пропавших людей и спасти обреченные проекты.

Так просто *не бывает!*

Признаться, когда мы разобрали все до мельчайших деталей, некоторые различия нашлись. Действие романа у меня происходит в 1960-е, а у Энн – в наши дни. Моя книга – о строительстве магистрали, а ее – о фармацевтической промышленности. Но в остальном? Это одна и та же книга.

Как вы можете представить, нам с Энн потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя после такого откровения. И тогда, как беременные женщины, которые хотят вспомнить момент зачатия, мы обе начали высчитывать на пальцах, пытаясь понять, когда я потеряла идею, а она ее нашла.

Выходило так, что эти события произошли примерно в одно время.

Фактически, так мы считаем, идея перешла от меня к ней в день, когда мы познакомились.

Фактически, мы думаем, она передалась с поцелуем.

Вот *это*, друзья мои, и есть Большое волшебство.

Небольшое отступление

Теперь – погодите радоваться – я бы хотела сделать небольшую паузу и попросить, чтобы вы представили себе, какие негативные выводы я могла бы сделать, будь у меня стремление разрушить свою жизнь.

Худшим и наиболее разрушительным было бы вообразить, что Энн украла у меня идею. Это, конечно, полный абсурд, потому что Энн никогда об этой идее не слышала, к тому же она самый нравственный человек, каких мне доводилось встречать. Но люди постоянно делают такие вот злобные выводы. Люди убеждают себя, будто их ограбили, хотя на самом деле никто их не грабил. Такие рассуждения базируются на гнусной иллюзии дефицита – веры в то, что в мире вечная нехватка всего, и никогда не будет так, чтобы всем всего хватало. Девиз такого мировоззрения – «Кто-то хапнул мое». Придерживайся я такой позиции, точно потеряла бы новую любимую подругу. Меня сожрали бы обида и зависть.

Как вариант я могла обозлиться на саму себя. Начала бы твердить себе: *Видишь, вот идеальное доказательство того, что ты неудачница, Лиз, ведь ты ничего не можешь добиться! Этот роман хотел стать твоим, а ты его упустила, потому что ты отстойная, ленивая и тупая и всегда обращаешь внимание не на то. Поэтому тебе никогда не стать великой.*

Наконец, можно было бы возненавидеть судьбу. Я могла сказать: *Сие свидетельствует о том, что Бог больше любит Энн Пэтчетт, чем меня. Ибо Энн избрана в качестве романиста, а я, как и подозревала в особо мрачные моменты уныния, лишь самозванка. Надо мной судьба насмехается, ее же чаша преисполнена. Я судьбою одурачена, она же ею избалована, и таковы вечное несчастье и трагедия моего проклятого существования.*

Но я не стала заниматься подобной ерундой.

Вместо этого я предпочла считать это событие потрясающим маленьким чудом. Я позволила себе почувствовать благодарность и изумление по поводу того, что сыграла хоть какую-то роль в этом странном происшествии. В этот момент я ощущала себя ближе к волшебству, чем когда-либо, и не собиралась мелочиться и пускать насмарку этот уникальный опыт. Я восприняла этот случай как редкое и ярчайшее свидетельство правдивости моих чудных представлений о творческом начале: идеи действительно живые, идеи действительно ищут человека,

наиболее подходящего для взаимодействия, у идей *есть* осознанная воля, идеи *действительно* перемещаются от одной души к другой, идеи всегда *будут* стремиться найти самого быстрого и эффективного «проводника» (так же, как это делают молнии).

Кроме того, теперь я склонна верить, что у идей есть чувство юмора, ведь то, что случилось между мной и Энн, было не только необычно и интересно, но и очень забавно.

Право собственности

Я полагаю, вдохновение сделает все возможное, чтобы работать с вами, но если вы не готовы или недоступны, оно может уйти от вас, чтобы найти партнера в лице кого-то другого.

На самом деле такое часто бывает.

Так случается, когда вы утром открываете газету и обнаруживаете, что кто-то другой написал вашу книгу, или поставил вашу пьесу, или выпустил ваш релиз, или снял ваш фильм, или начал ваш бизнес, или открыл ваш ресторан, или запатентовал ваше изобретение, или каким-то другим способом воплотил тот проблеск вдохновения, который был у вас много лет назад, но вы его так и не реализовали или просто не удосужились завершить работу. Это может вызвать у вас раздражение, но не должно бы, ведь это вы не справились! Это вы не были готовы в полной мере, оказались слишком неповоротливы или недостаточно открыты для того, чтобы приютить идею и воплотить ее. Поэтому идея отправилась на поиски нового партнера, и кто-то другой сделал то, что от него требовалось.

За годы, прошедшие с тех пор, как вышла книга «Есть, молиться, любить», не могу сказать (буквально – потому что я не в силах их сосчитать), сколько людей в гневе обвиняли меня в том, что я написала *их* книгу.

«Эта книга должна была быть моей, – рычали они, свирепо глядя на меня во время раздачи автографов на каком-нибудь книжном мероприятии в Хьюстоне, Торонто, Дублине или Мельбурне. – Я планировал когда-нибудь написать эту книгу. Вы описали мою жизнь!»

Но что я могу ответить? Откуда мне знать что-то о жизни этого незнакомца? На мой взгляд, я нашла лежащую поблизости бесхозную идею и подобрала ее. Это верно, мне очень повезло с «Есть, молиться, любить» (без сомнения, просто чрезвычайно повезло), но верно и то, что я работала над ней как одержимая. Я крутилась с этой затеей, как дервиш. Как только идея вошла в мое сознание, я ни на секунду не спускала с нее глаз, пока моя книга не была закончена.

Так что эту идею я удержала.

Но немало идей я и упустила за многие годы, а точнее, упущены были те идеи, которые я по ошибке приняла за предназначенные мне. Другие люди написали книги, которые я горячо желала написать. Другие люди работали над проектами, которые могли бы быть моими.

Вот, к примеру, в 2006 году я некоторое время играла с идеей написать масштабную документальную книгу о городе Ньюарке, штат Нью-Джерси, и назвать ее «Кирпичный город». Мой план состоял в том, чтобы повсюду ходить за новым харизматичным мэром Ньюарка, Кори Букером, и писать о его усилиях по преобразованию этого замечательного, но проблемного города. Классная идея, но я так и не приблизилась к ее реализации. (Если честно, она требовала много работы, а на тот момент у меня уже созрел другой замысел, так что я никогда так и не собралась с силами, чтобы за нее взяться.) И вот в 2009 году телевизионный канал Sundance снял и выпустил в эфир большую документальную программу о нелегкой истории Ньюарка, штат Нью-Джерси, и о стремлении Кори Букера изменить город к лучшему. Шоу называлось «Кирпичный город». Когда я это услышала, то почувствовала самое настоящее облегчение: «Ура! Мне не придется заниматься Ньюарком! Кто-то другой на это подписался!»

Вот еще одна история. В 1996 году я познакомилась с человеком, который, как оказалось, был близким другом Оззи Осборна. Он сказал, что семья Осборнов самая странная, забавная, дикая и необычная любящая семья из тех, какие ему приходилось видеть. Он сказал: «Ты должна о них написать! Тебе просто нужно провести с ними время и посмотреть, как они общаются. Не знаю точно, что тебе с этим сделать, но должен же *кто-нибудь* сделать какой-то проект про Осборнов, они такие фантастичные, поверить трудно».

Это меня заинтриговало. Но, опять же, я так и не взялась за дело; в итоге за Осборнов взялся кто-то другой, и это дало результат, заслуживающий внимания.

Было еще очень много идей, которые я так и не реализовала, и они стали чьими-то еще проектами. Другие люди рассказывали сюжеты, хорошо мне знакомые, истории, которые когда-то привлекли мое внимание, казались мне взятыми из моей собственной жизни или созданными моим воображением. Не всегда я так спокойно реагировала, если идеи переходили к другим авторам. Бывало, это воспринималось болезненно. Бывало, мне приходилось, кусая губы, смотреть, как другим людям достаются успех и победы, которые я когда-то предназначала себе.

Но они, а не я, воспользовались выпавшим шансом.

А значит, им по праву достались и чудесные тайны.

Множественное открытие

В дальнейшем, размышляя об этом, я поняла, что происшедшее между мной и Энн Пэтчетт можно считать художественной версией множественного открытия – этот термин используется в научном сообществе, когда двое или больше ученых в разных частях мира приходят к одной и той же идее одновременно. (Исчисление, кислород, лента Мебиуса, существование стратосферы, теория эволюции – все это лишь отдельные примеры идей, у которых было несколько открывателей.)

Почему так происходит? Этому нет логического объяснения. Как могут два человека, которые никогда не слышали о научной работе друг друга, прийти к одним и тем же научным заключениям в один и тот же исторический момент? И тем не менее это случается чаще, чем вы можете себе представить. Когда венгерский математик XIX века Янош Бойяи пришел к открытию неевклидовой геометрии, отец торопил его с публикацией материалов, пока кто-нибудь еще не реализовал ту же идею. Он говорил: «Для идей, как и для растений, настает время, и тогда они созревают одновременно в разных местах, точно так же, как ранней весной на солнечных местах повсюду вылезают подснежники».

Множественные открытия происходят и вне научной сферы. В мире бизнеса, к примеру, существует представление о том, что новая великая идея может «витать где-то поблизости», носиться в воздухе, и первый человек или компания, которые ее уловят, получают преимущество первооткрывателя. Иногда все хватаются за идею одновременно, в безумной борьбе за первенство. (Пример: возникновение персональных компьютеров в 1990-е годы.)

Множественные открытия порой можно наблюдать даже в романтических отношениях. Никто годами не проявлял к вам интереса, и вдруг – неожиданность: два ухажера одновременно! Это конечно же тоже множественное открытие!

На мой взгляд, множественное открытие похоже на то, как будто вдохновение колеблется, не может выбрать – и в конце концов решает использовать два канала одновременно. По правде говоря, вдохновение может позволить себе поступить так, если захочет, оно совершенно не обязано оправдываться перед нами и объяснять свои мотивы. (Я считаю, нам и так уже посчастливилось, что оно со всеми нами общается, а просить его еще и объяснять свои действия было бы чересчур.)

В конце концов, это же просто подснежники, которые пытаются вылезти на свет.

И не надо заморачиваться из-за странности и непредсказуемости всех этих событий. Просто примите их как данность. Таковы уж странные, мистические условия творческого существования. Тут не может быть ни краж, ни прав собственности, ни трагедий, ни проблем. Там, откуда приходит вдохновение, нет ни времени, ни пространства. Там не место соревновательности, эгоизму или каким-либо ограничениям. Есть только сама по себе идея и та настойчивость, с которой она без устали ищет, пока не найдет такого же упорного компаньона. (Или нескольких компаньонов, так тоже случается.)

Соглашайтесь сотрудничать с этой настойчивостью.

Трудитесь с ней бок о бок, со всей доступной вам открытостью, доверием и усердием.

Работайте, вкладывая свое сердце, потому что – я обещаю – если вы будете работать каждый день, день за днем, то в одно прекрасное утро вам посчастливится прорваться – и расцвести.

Хвост тигра

Одно из лучших когда-либо слышанных мной описаний этого феномена – того, что идеи приходят и уходят по своей прихоти, – принадлежит американской поэтессе Рут Стоун.

Я познакомилась со Стоун, когда ей было почти девяносто, и она потчевала меня рассказами о своем поразительном творческом процессе. Она поведала, что в детстве, проведенном на ферме в Вирджинии, она, бывало, работала в поле и вдруг *слышала* приближение своих будущих стихов – она слышала, как стихи несутся к ней, будто конь на всем скаку. Когда это случалось, Рут уже знала, что делать дальше: она «как угорелая» неслась домой наперегонки со стихотворением, надеясь, что вовремя схватит листок с карандашом и успеет его записать. Таким образом, когда стихи настигали и входили в нее, она успевала их ухватить и зафиксировать, как диктовку, как можно быстрее перенося слова на бумагу. В такие моменты она физически ощущала, как стихи влетают в ее тело и выходят с противоположной стороны. Иногда они задерживались в ее голове на какой-то миг, ища отклика, но потом уносились, уходили раньше, чем она успевала их схватить, и неслись галопом дальше, по всему земному шару, как сказала Рут, «в поисках другого поэта».

Но бывали случаи (и это самая потрясающая часть рассказа), когда она, *чуть было не* упустив стихотворение, все-таки в последний момент успевала ухватить его «за кончик хвоста». Это было все равно что поймать за хвост тигра. Потом она почти в буквальном смысле затаскивала стих обратно, тянула одной рукой, а другой записывала, как школьный диктант. В таких случаях стихи появлялись на бумаге от последнего до первого слова – в обратном порядке, но в остальном неповрежденные.

Так вот, друзья мои, это жутковатое, из прошлых времен шаманство, смахивающее на ритуалы вуду, тоже Большое волшебство.

И знаете, я ей поверила.

Тяжкий труд против волшебного порошка

Я верю ей, потому что не сомневаюсь: любой из нас может припомнить, как в его жизнь врывается чувство тайны и вдохновения. Конечно, не всем нам дано стать такими же безупречными божественными каналами, как Рут Стоун, почти ежедневно, без преград и сомнений, пропуская через себя подлинное творчество... но мы можем подойти к этому источнику ближе, чем думаем.

Скажу честно: большая часть моей литературной жизни не похожа на жуткую, из прошлых времен, смахивающую на шаманство вуду, Большое волшебство. В основном она состоит из малопривлекательного, дисциплинированного труда. Я сижу за письменным столом и пашу, как крестьянин, вот как это делается. Обычно волшебного порошка феи на меня не сыплют.

Но иногда... иногда волшебный порошок *появляется*. Иногда в разгар работы над книгой я вдруг чувствую, что как будто встала на движущуюся дорожку вроде тех, что есть в больших аэропортах. До моего терминала еще далеко, а чемодан оттягивает руки, но мне вдруг кажется, что некая внешняя сила мягко подхватывает и несет меня. Что-то несет меня вперед – какая-то мощная и щедрая сила, – и это явно не я.

Возможно, вам тоже знакомо это чувство. Чувство, которое испытываешь, когда что-то получилось очень удачно, а позже, когда смотришь на это свое произведение, можешь сказать только: «Сам не понимаю, откуда что взялось».

Вы не можете это повторить. Не можете объяснить. А ощущение такое, как будто вас кто-то вел.

Я испытываю это чувство только изредка, но это самое изумительное, самое грандиозное чувство, какое только можно себе представить. Не думаю, что в жизни есть более совершенное, более полное счастье, чем это, кроме, пожалуй, влюбленности. В Древней Греции такое состояние наивысшего блага называли словом *эвдемония*, что можно перевести, в том числе, и как «добрая энергия», и можно же допустить, что речь идет о некоем заботливом руководстве со стороны божественных созданий, духов. (Впрочем, современные специалисты, которым, видимо, неловко рассуждать о божественных тайнах, говорят иначе: «поймать волну» или «быть на кураже».)

Но и греки, и римляне верили в идею доброго духа творчества,

существующего вне тела человека, что-то вроде домового, если хотите, который живет в стенах дома и иногда помогает вам в трудах. У римлян для такого трудолюбивого домового было особое название. Он назывался гений – это божество-хранитель, проводник вдохновения. Другими словами, римляне не считали, что исключительно одаренный человек *является* гением, они верили, что у исключительно одаренного человека *есть* гений.

Это тонкое, но значительное отличие (быть или иметь) и, как я полагаю, мудрая психологическая концепция. Концепция внешнего гения помогает художнику держать в узде свое эго, не нагружая его бременем полной ответственности – приятной или, в случае провала, тягостной – за результаты его работы. Словом, если работа вышла удачной, вам следует благодарить за помощь внешнего духа, гения, и это поможет вам не впасть в самолюбование. Если же вы потерпели неудачу, это не только ваша ошибка. Вы можете сказать: «Эй, не смотрите на меня так – просто мой гений сегодня не казал ко мне носа!»

В обоих случаях уязвимое человеческое эго защищено.

Защищено от разъедающих душу похвал.

Защищено от разъедающего душу стыда.

Придавленные валуном

Мне кажется, что общество оказало художникам медвежью услугу, начав провозглашать, что кто-то из них *является* гением, вместо того чтобы говорить, что у этих людей *есть* гений. Это началось примерно в эпоху Возрождения, сопровождавшуюся всплеском более материалистического и антропоцентрического взгляда на мир. Боги и мистерии потеряли значение, куда-то подевались, и всю честь и ответственность за творчество вдруг возложили на самих художников – только вдуматься: ответственность за капризы вдохновения взвалили на слабые и хрупкие человеческие плечи.

Мы походя обожествили искусство и художников, вознес их на несуразно, неподобающе высокий уровень. Пиетет по отношению к людям, которые являются «гениями» (включая почести и положение, которые этому часто сопутствуют), вознес творцов на вершину, превратил в жрецов некоего культа, а то и в небожителей, почти богов. Как хотите, но это кажется мне перегибом и слишком тяжким бременем для простых смертных, какими бы талантливыми они ни были. Вот когда художники начинают сходить с ума, гнуться и ломаться под тяжестью своих необычных даров.

Когда художников обременяют титулом «гениев», они, по-моему, теряют способность относиться к себе легко, с иронией и свободно творить. Вот, к примеру, Харпер Ли, которая за долгие годы так ничего и не написала после феноменального успеха «Убить пересмешника». В 1962 году, когда Ли спросили, что она думает о перспективах написания какой-нибудь другой книги, она ответила: «Мне страшно». А еще она говаривала: «С каждой вершины есть только одна дорога».

Поскольку Ли никогда не высказывалась более определенно, можно только гадать, почему эта невероятно знаменитая писательница за свою долгую жизнь не подарила миру десятки прекрасных книг. Но я подозреваю, что ее мог придавить валун собственной популярности. Возможно, груз оказался слишком тяжелым, ответственность слишком пугающей, а ее художественное мастерство улетучилось, не выдержав страха – или, что даже хуже, – конкуренции с самой собой. (Если на то пошло, чего еще могла бояться Харпер Ли? Только одного: что она не сможет переплюнуть Харпер Ли.)

А насчет того, что с вершины, на которую взобрался, есть только один путь, Харпер Ли заметила очень верно, правда? То есть, если не можешь

повторить собственное, сотворенное раз в жизни чудо, если не уверен, что сможешь еще раз забраться на вершину, к чему тогда вообще напрягаться и творить что-то? Я, вообще-то, имею право об этом говорить, потому что и сама вроде как побывала однажды «на вершине» – когда моя книга три года оставалась в списке бестселлеров. Так вы не представляете, сколько народу тогда сочувственно интересовались: «И как же тебе теперь переплюнуть этот успех?» Эти люди говорили о моей великой удаче, о моем счастливом случае так, словно это было проклятие, а не милость богов. Они искренне сочувствовали мне, ведь, по их мнению, я должна была умирать со страху при мысли, что не в силах буду снова подняться на такую высоту.

Но помилуйте, такой подход подразумевает, что *есть* некая «вершина» и что единственное, ради чего люди занимаются творчеством, желание покорить эту вершину (и подольше на ней задержаться). Такой подход подразумевает, что к загадочному, полному тайн творческому началу можно подходить с теми же мерками, что и у нас – по человеческим меркам успеха и неудачи, победы и поражения, соперничества и состязаний, тиражей и объемов продаж. Такой подход подразумевает, что ты должен рваться к победе и постоянно побеждать, причем не только современников, но, увы, и ранние версии самого себя. Что опаснее всего, такой подход подразумевает, что если не рассчитываешь на победу, то нечего и продолжать игру.

Но какое отношение все это имеет к призванию? Какое отношение все это имеет к поискам любви? Какое отношение все это имеет к непостижимому союзу человека и волшебства? Какое отношение все это имеет к вере? Какое отношение все это может иметь к тихому блаженству от самого процесса *созидания* и далее – от того, что делишься его плодами с открытым сердцем, ни на что особое не рассчитывая?

Мне хотелось бы, чтобы Харпер Ли про должна писать. Мне хотелось бы, чтобы сразу после «Убить пересмешника» и получения Пулицеровской премии она выстрелила пятью дешевыми и простыми книжечками подряд – написала бы легкую любовную историю, полицейский детектив, детскую повесть, поваренную книгу, какой-нибудь бульварный приключенческий романчик, да хоть *что-нибудь*. Вы, может, думаете, что я шучу? Нисколько. Представьте только, что еще она могла бы создать при таком отношении. Самое малое, ей удалось бы заставить всех забыть, что она когда была «той самой» Харпер Ли. Она и *сама* сумела бы забыть, что когда-то была «той самой» Харпер Ли. И это помогло бы раскрепостить ее творческие силы.

К счастью, после стольких лет мы все-таки слышали творческий голос Харпер Ли. Недавно была обнаружена ее ранняя рукопись – роман, который она написала до «Убить пересмешника» (другими словами, книга,

которую она написала еще до того, как целый мир воззрился на нее в ожидании, сгорая от нетерпения). Но как хотелось бы мне, чтобы кто-то смог убедить Харпер Ли не оставлять своего дела, писать всю жизнь и продолжать публиковать написанное. Это было бы бесценным подарком миру. А каким подарком это стало бы для нее самой – остаться писателем и наслаждаться всеми радостями своей профессии для себя (потому что, как ни крути, творческое начало – это подарок для творца, а не только для его публики).

Я бы мечтала, чтобы кто-то дал подобный совет Ральфу Эллисону. Просто писать хоть что-нибудь и с беспечной легкостью откладывать в сторону. А также Ф. Скотту Фитцджеральду тоже. И всем остальным творцам, знаменитым или безвестным, которые когда-либо растворились в тени своей реальной или воображаемой репутации. Мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь велел им: заполни стопку листов *пустопорожней болтовней*, а потом опубликуй это, ради всего святого, и наплюй на результат.

Такое предложение кажется вам кощунством?

Отлично.

Само по себе то обстоятельство, что творчество мистично, не означает, что с него нельзя сорвать этот покров таинственности, особенно ради освобождения художника от оков собственного величия, паники и самомнения.

Пусть приходит и уходит

Однако самое важное для уяснения понятия эвдемонии – головокружительно радостной встречи человеческого существа с божественным творческим вдохновением – это то, что нельзя заставить его все время быть рядом.

Вдохновение приходит и уходит, и вы должны позволить ему это.

Я знаю это по собственному опыту, потому что мой гений, откуда бы он ни прилетал, не появляется по расписанию. Мой гений, если уж на то пошло, не работает по моему распорядку, он вообще не согласует со мной свое появление и не подстраивается под удобное мне время. Подозреваю даже, что он подхалтуривает на стороне в качестве чьего-то еще гения, а то и работает сразу на нескольких художников, этакий внештатный креативщик-фрилансер. Иногда я шарю в потемках, безуспешно пытаюсь уловить волшебный творческий импульс, а выуживаю что-то больше похожее на мокрую тряпку.

Потом вдруг – *раз!* – вдохновение накатывает внезапно, как гром среди ясного неба.

А потом – *раз!* – и снова пропадает.

Я как-то раз задремала в электричке, и во сне мне привиделся целый рассказ, совершенно готовый. Проснувшись, я схватила ручку и записала эту историю в лихорадочном припадке вдохновения. Тогда я, пожалуй, была ближе всего к переживаниям Рут Стоун. Какой-то портал открылся прямо во мне, и слова хлынули на бумагу, заполняя страницу за страницей без малейших усилий с моей стороны.

Закончив записывать тот рассказ, я практически ни слова в нем не переделала. Он был и без того хорош. Он казался таким, как надо, но еще он казался мне странно *чужим*, даже не похожим на то, что и как я обычно пишу. Несколько обозревателей потом отметили, что эта вещь стоит особняком, отличаясь от остальных моих сочинений. (А один критик эффектно выразился, описав его как «магический реализм янки».) Это была история о волшебстве, написанная волшебным способом, и даже непосвященный чувствовал на ней следы магического воздействия. Ни до, ни после я больше ничего не написала таким способом. Мне до сих пор кажется, что этот короткий рассказ – самое невероятно совершенное потаенное сокровище, какое я только в себе откапывала.

И это Большое волшебство в действии, двух мнений быть не может.

Но случилось это двадцать два года назад и больше ни разу не повторилось. (Хотя за это время мне, поверьте, часто приходилось засыпать в поездах.) С тех пор у меня бывали моменты творческих прозрений и изумительного партнерства с вдохновением, но по чистоте и силе ничто не может сравниться с тем фантастическим происшествием.

Вдохновение налетело, а потом ушло.

Так вот что я хочу сказать: реши я с тех пор сидеть и благоговейно ждать второго такого же незамутненного и страстного озарения, ждать пришлось бы слишком долго. Поэтому я не сижу сложа руки в надежде, что мой гений снова удостоит меня визитом и вот тогда-то я стану писать. Я пришла к выводу, что мой гений проводит много времени, дожидаясь *меня*: он хочет увидеть подтверждение тому, что я всерьез решила заниматься этим делом. Я представляю это так: мой гений сидит в углу и наблюдает меня за письменным столом, день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем, потому что хочет убедиться, что я серьезно настроена и не передумаю, хочет убедиться, что я действительно всей душой отдаюсь этим творческим усилиям. Когда мой гений поверит, что я не просто так здесь тусуюсь, он может появиться и предложить помощь. Бывает, что помощь приходит года через два после начала проекта. А иногда ждать приходится не больше десяти минут.

Если помощь наконец подоспеет, возникает чувство движущейся дорожки под ногами, а точнее, под написанными мной *словами*, и я с восторгом присоединяюсь к прогулке. В такие минуты я пишу так, словно это и не я вовсе. Я теряю представление о времени и пространстве и забываю себя. Я просто благодарна таинственной силе за помощь. А когда она уходит, я отпускаю тайну от себя и продолжаю прилежно делать свою работу, в надежде, что в один прекрасный день мой гений снова объявится.

Понимаете, я работаю в любом случае – и с помощью, и без нее, – потому что это необходимо, чтобы жить полноценной творческой жизнью. Работаю неуклонно и размеренно и всегда благодарна за это. Независимо от того, снизошло на меня вдохновение или нет, я благодарю творческое начало за то, что вообще позволяет мне этим заниматься.

Потому что так или иначе, это сродни чуду – все то, что мы можем делать, в чем можем себя пробовать, с чем нам *иногда* удастся сотрудничать.

Я всегда благодарна.

Благодарна всегда.

Ослепленная душа

Вам интересно, а как же Энн Пэтчетт отнеслась к тому, что между нами произошло?

Как она восприняла удивительное чудо о романе про амазонские джунгли, который выскочил у меня из головы и приземлился в ее голове?

Знаете, Энн смотрит на вещи куда более рационально, но в данном случае даже она почувствовала, что во всем в этом есть что-то сверхъестественное. Даже она поверила, что вдохновение тогда оставило меня и – с поцелуем – перешло к ней. В письмах, которые Энн писала мне потом, она великодушно называла свой роман об амазонских джунглях «нашим романом об амазонских джунглях», как будто была суррогатной матерью для зачатого мною замысла.

Это было очень благородно с ее стороны, но совершенно не соответствует истине. Те из вас, кто читал «На пороге чудес», прекрасно знают, что эта блестящая история целиком и полностью принадлежит Энн Пэтчетт. Никто не написал бы этот роман так, как написала его она. В крайнем случае, меня можно счесть кормилицей, которая заботилась о замысле пару лет, пока он подыскивал себе настоящего, верного партнера. Кто знает, скольких еще писателей посетила эта идея, пока наконец не отказалась от моих забот окончательно и не переместилась к Энн? (Борис Пастернак чудесно описал это явление, когда написал: «Ни у какой истинной книги нет первой страницы. Как лесной шум, она зарождается Бог весть где, и растет, и катится, будя заповедные дебри, и вдруг, в самый темный, ошеломительный и панический миг, заговаривает всеми вершинами сразу, докатившись».)

Наверняка я знаю только, что этот роман действительно хотел быть написанным и не переставал катиться и искать, пока не обрел автора, который был готов и хотел взять его себе – не со временем, не когда-нибудь, не через несколько лет, не в более подходящий момент, не когда жизнь станет полегче, а *прямо сейчас*.

Потому он и стал романом Энн.

Что оставило меня в состоянии оглушенности, с ослепленной душой и чувством, что я живу в потрясающем мире, полном тайн и чудес. Все это заставляет вспомнить английского астрофизика сэра Артура Эддингтона и его объяснение того, как действует Вселенная: «Нечто неизвестное делает неизвестно что».

Но лучшая часть такова: *«Мне и не обязательно знать»*.

Я не требую объяснений неведомого. Мне не обязательно понимать, что все это значит, откуда изначально берутся идеи и замыслы, почему творческое начало ведет себя так непредсказуемо. Мне не нужно знать, почему мы иногда способны свободно беседовать с вдохновением, а в другое время тяжело трудимся в одиночку и ничего не рождаем. Мне не нужно знать, почему какая-то идея пришла сегодня к вам, а не ко мне. Или почему она навестила нас обоих. Или почему она бросила нас обоих.

Никто из нас не понимает этих вещей, потому что великая тайна.

Все, что я знаю наверняка, это *как я хочу провести всю свою жизнь*, сотрудничая по мере своих сил с вдохновением, которое не могу ни увидеть, ни пощупать, которому не могу приказывать, которое не могу понять.

Странное направление в жизни и работе, я согласна.

Но не могу придумать ничего лучшего, чтобы заполнить свои дни.

Разрешение

Долой ящик для предложений

Я росла не среди творческих людей.

Мои предки зарабатывали себе на жизнь куда более обычным трудом.

Мой дед по материнской линии был фермером и разводил молочный скот, дедушка по отцу торговал каминами. Обе бабушки мои были домохозяйками, так же как их матери, сестры и тетушки.

Что касается моих родителей, то папа у меня инженер, а мама – медицинская сестра. И хотя родители жили в располагающее к этому время, они никогда не были хиппи – ни-ни! Слишком уж консервативны они были для подобных штук. Отец провел 1960-е годы в колледже и в военно-морском флоте, мама в те же годы училась в медицинском училище, а по ночам дежурила в больнице и добросовестно экономила деньги. Когда они поженились, папа получил работу в химической компании и проработал там тридцать лет. Мама работала с неполной нагрузкой, стала активисткой в нашей местной церкви, помогала в попечительском совете школы, была волонтером в библиотеке, навещала больных и стариков.

Это были ответственные люди. Налогоплательщики. Солидные. Голосовали за Рейгана. (Дважды!)

Я научилась у них, как бунтовать.

Потому что во всем, что не касалось их в основном ответственной социальной позиции, мои родители делали все, что только их душенька захочет, и были, вообразите, людьми восхитительно беззаботными. Папа, скажем, решил, что ему мало быть просто инженером-химиком, а хочется еще выращивать рождественские елки, и занялся этим. Он вывез нас из города на ферму, расчистил землю, посадил саженцы и начал свой проект. Для осуществления мечты он не отказался от своей основной работы – просто он завернул мечту в свою повседневную жизнь. Захотелось ему еще и разводить коз, и он прикупил коз. Привез их домой на заднем сиденье нашего «форда-пинто». Доводилось ему раньше заниматься козами? Нет, но он решил, что сообразит, как это делается. То же самое было, когда он заинтересовался пчеловодством: просто купил пчел и начал. Спустя тридцать пять лет у него еще сохранились те ульи.

Когда отца что-то начинало интересовать, он действовал. Он обладал непоколебимой верой в собственные возможности. А если моему папе что-то было нужно (что случалось крайне редко, ведь он был неприхотлив, как бродяга), он сам это делал, или сам чинил, или как-то мастерил это своими

руками, обычно не заглядывая в инструкции и не обращаясь за советом к знатокам и экспертам. Не очень-то он уважает всякие инструкции, да и экспертов тоже. Он не испытывает никакого пиетета перед званиями и рангами, а также перед строительными лицензиями и надписями ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. (Хорошо ли, плохо ли, но папа учил меня, что лучшее место для палатки всегда там, где красуется табличка «Лагерь не разбивать».)

Мой отец действительно не любит, когда ему указывают, что делать. Его чувство индивидуализма настолько сильно, что иногда доходит до смешного. В молодости, когда он служил на флоте, капитан однажды приказал сколотить ящик для предложений и поставить в столовой. Папа добросовестно смастерил ящик, прибил к стене, а потом написал первое предложение и просунул в прорезь. Там было написано: *Я предлагаю убрать ящик для предложений.*

Он, конечно, не без странностей, мой эксцентричный папочка, а его инстинктивное противление авторитаризму подчас граничит с патологией... но мне всегда казалось, что это довольно круто, даже в те годы, когда я была застенчивым ребенком и меня возили по городу в «форде-пинто», набитом козами.

Я понимала, что он делает что-то свое, идет своей собственной дорогой, и интуитивно я чувствовала, что именно это, по определению, делает отца интересным человеком. В то время я еще не могла это сформулировать, но сейчас вижу, что он вел жизнь, которую можно с полным основанием назвать творческой.

Мне это нравилось.

Я взяла это на заметку, когда подошло время задуматься и помечтать о собственной жизни. Не то чтобы я хотела выбрать для себя то же, что выбрал отец (у меня нет крестьянской жилки, и я не республиканка), но его пример вдохновил меня на то, чтобы идти по жизни тем путем, который нравится мне. Еще, так же как отец, я терпеть не могу, когда мне указывают, что я должна делать. Нет, я не скандалистка и вовсе не склонна к конфликтам, зато чудовищно упряма. Это упрямство и помогает мне, когда дело касается *творческой жизни.*

Что до моей мамы, она представляет собой слегка более цивилизованную и приглаженную версию отца. Волосы у нее всегда аккуратно забраны, на кухне царит порядок, а приветливые манеры дамы со Среднего Запада США безупречны. Но не следует недооценивать маму, так как ее воля выкована из титана, а дарования весьма разнообразны. Эта женщина никогда не сомневалась, что ей под силу построить, сшить, вырастить,

связать, починить, подштопать, выкрасить или задекорировать что угодно, если это было нужно ее семье. Мама нас стригла. Пекла нам хлеб. Она растила овощи, собирала урожай и делала заготовки. Она шила нам одежду. Принимала роды у наших коз. Она резала кур и подавала их нам на обед. Собственноручно она клеила обои и полировала пианино (купленное ею за пятьдесят баксов в местной церкви).

Нам не нужно было ходить к врачу: мама лечила нас сама. Она всем мило улыбалась, всегда и со всеми охотно сотрудничала, но при этом незаметно создавала собственный мир, творила его по своему вкусу.

Я думаю, что именно пример моих родителей – эта тихая, но дерзкая уверенность в себе – позволил мне решить, что я могу стать писателем или, по крайней мере, рискнуть *попробовать*.

Я не припомню, чтобы родители хоть раз выразили какие-то сомнения относительно моей мечты стать писательницей. Если они и беспокоились, то тщательно это скрывали, но, честно говоря, не думаю, чтобы это их волновало. Мне кажется, они верили, что я достаточно самостоятельна и в любом случае не пропаду, ведь они меня этому учили. (Вообще, золотое правило моей семьи гласит: если ты способен прожить на свои средства и не сидеть ни у кого на шее, то имеешь право делать со своей жизнью все что угодно.)

Может быть, как раз потому, что они особо обо мне не пеклись, я и сама за себя не слишком переживала.

Мне никогда не приходило в голову спрашивать разрешения стать писателем у какой-нибудь авторитетной фигуры. Я ни разу не видела, чтобы хоть кто-то в моей семье спрашивал у кого-нибудь разрешения на *что-либо*.

Они просто делали дело.

Вот поэтому и решила поступить так же: просто делать свое дело.

Ваш письменный допуск

Вот к чему я веду, друзья мои.

Вам не нужно просить ни у кого разрешения и вам не нужен ничей допуск, чтобы жить творческой жизнью.

Возможно, никто не сказал вам этого, когда вы росли. Возможно, ваши родители старались избегать риска во всем, чего бы это ни касалось. Возможно, ваши родители стремились неотступно следовать правилам или, может быть, были слишком заняты, предаваясь меланхолии и депрессии или каким-то пагубным пристрастиям, и потому им было не до фантазий и не до творчества. Возможно, они боялись, что их осудят соседи. А может, ваши родители просто были не из породы тех, кто творит, а только потребляли готовое. Возможно, вы росли там, где люди просто сидят часами перед телевизором и безучастно ждут, что с ними что-то произойдет.

Забудьте об этом. Теперь все это неважно.

Загляните чуть глубже в историю своей семьи. Посмотрите на дедушек и бабушек: довольно велика вероятность того, что *они-то были* творцами. Нет? Тоже нет?

Продолжайте заглядывать в прошлое. Вспомните своих прадедов. Более дальних предков. Доберитесь до тех из них, кто были иммигрантами или рабами, солдатами, крестьянами, моряками или жителями земель, к берегам которых причалили корабли с чужестранцами. Загляните в прошлое, и вы найдете людей, которые не были потребителями, которые не сидели сложа руки, дожидаясь, пока что-то случится. Вы обнаружите людей, которые всю жизнь делали свое дело.

Вот от них вы ведете свое начало.

От них мы все ведем свое начало.

Людям свойственна тяга к творчеству с незапамятных времен – с таких давних времен, что эту тягу вполне можно назвать естественной, свойственной нам от природы. Чтобы представить себе перспективу, достаточно осмыслить такой факт: древнейшим памятникам художественного творчества больше сорока тысячелетий. А самым ранним свидетельствам того, что люди начали заниматься сельским хозяйством, всего каких-то десять тысяч лет. Это значит, что где-то на заре нашей общей эволюционной истории мы, люди, решили, что создавать красивые, хотя и избыточные, вещи важнее, чем обеспечить себе надежный прокорм.

Разнообразие наших творческих проявлений поистине фантастично. Некоторые произведения искусства, из числа самых талантливых и любимых, безусловно, поражают воображение. Перед некоторыми из них хочется упасть на колени и плакать. А перед другими не хочется. Какие-то проявления художественного творчества, возможно, волнуют и потрясают вас, а мне кажутся смертельно скучными. Некоторые шедевры пережили века, а авторы, создавая их, были, наверное, исполнены благоговения и серьезности, но о большинстве этого не скажешь. Многие произведения – это просто плоды того, что люди развлекались, каждый на свой лад – кто лепит и расписывает глиняные горшки, кто сколачивает симпатичный стул, кто рисует пенисы на стенах, чтобы скоротать время. И отлично.

Хотите написать книгу? Сочинить песню? Снимать кино? Расписывать керамику? Учиться танцевать? Открывать новые земли? Хотите нарисовать пенис на стене? Сделайте это. Кому какое дело? Вы рождаетесь как человеческое существо, так сделайте это с радостью в сердце. (То есть я, конечно, имею в виду, что вы должны относиться к этому серьезно – только не относитесь к этому *слишком серьезно*.) Позвольте вдохновению вести вас куда заблагорассудится. Не забывайте, что на протяжении истории люди по большей части просто делали дело, но не раздували из этого какую-то ужасную проблему.

Мы что-то делаем потому, что нам *нравится* это делать.

Мы стремимся к интересному и новому, потому что нам *нравится* интересное и новое.

А вдохновение, похоже, работает в нас, потому что вдохновению *нравится* с нами возиться, потому что человеческие существа обладают чем-то особенным, удивительным, чем-то роскошно избыточным, чем-то, что американская писательница Мэрилин Робинсон зовет «волшебным изобилием».

Что же это за волшебное изобилие?

Это присущая вам от природы способность творить, тихо бурлящая и кипящая где-то под спудом.

Вы собираетесь стать творческим человеком? Поздно спохватились, вы уже творческий человек. Вообще, называть кого-то творческим человеком излишне, даже смешно, это почти тавтология, потому что способность к творчеству – фирменный знак нашего вида. Поэтому мы наделены чувствами; поэтому мы наделены любопытством; поэтому мы наделены противопоставленными большими пальцами; поэтому мы наделены чувством ритма; поэтому у нас есть речь, и чувство восхищения, и врожденная связь с божественным.

Пока вы живы, вы человек творческий. Вы, и я, и каждый, кого вы знаете, происходим от людей, делавших дело на протяжении десятков тысяч лет. Декораторы, жестянщики, сказочники, танцоры, исследователи, скрипачи, барабанщики, строители, садоводы, изобретатели, выдумщики – все это наши общие предки.

Хранители высокой культуры пытаются внушать вам, будто бы искусство – удел избранных, немногих, но ошибаются, да и вообще они зануды. Мы все немногие избранные. Мы все творцы по своей природе. Возможно, вы выросли, сидя перед телевизором, и не отрываясь смотрели только мультики, но даже и тогда где-то внутри вас таятся творческие силы. Они намного старше вас, намного старше любого из нас. Сам ваш организм, само ваше существо идеально приспособлены для того, чтобы жить в ладу с вдохновением, и вдохновение упорно пытается вас отыскать – точно так же оно охотилось и на ваших предков.

Вы, наверное, уже и сами поняли: *вам не нужно письменного допуска от директора школы, чтобы жить творческой жизнью.*

Или если вы все же считаете, что какой-то допуск вам нужен, СМОТРИТЕ, я же только что вам его выдала.

Написала прямо на обратной стороне старого списка покупок.

Считайте, что вы совершенно официально уполномочены.

Теперь начинайте что-то делать.

Украшайте себя

Есть у меня соседка, которая постоянно добавляет себе все новые татуировки.

Зовут ее Эйлин. Она приобретает татушки примерно так, как я могла бы прикупить новую пару дешевеньких сережек – просто под настроение, просто от нечего делать. Проснется иногда утром не в духе и объявляет: «А пойду-ка я сделаю себе новое тату». Если вы спросите Эйлин, какую именно татуировку она собирается сделать, она ответит: «Ой, да я не знаю. Придумаю что-нибудь, пока дойду до салона. А может, попрошу мастера сделать мне сюрприз».

А теперь внимание: Эйлин – не импульсивный подросток с психологическими проблемами. Это взрослая женщина, растит детей, управляет успешной фирмой. А еще она очень яркая, красивая и необычная – это один из самых свободных духом людей из тех, кого я знаю. Когда я спросила, как она может допустить, чтобы ее тело вот так метили несмываемой краской, Эйлин сказала: «Ой, ты не поняла! Это не навсегда. Это только на время».

Я смутилась и переспросила: «Хочешь сказать, что все твои татуировки временные?»

Эйлин улыбнулась: «Нет, Лиз. Татуировки у меня навсегда. *Тело* – вот что временно. Так же, как и твое. Мы на земле только на короткое время, вот я и решила – еще давно, – что хочу себя украсить как можно ярче и веселее, пока время еще есть».

Мне это так понравилось, я просто передать вам не могу.

Потому что я – как и Эйлин – тоже хочу, чтобы моя временная жизнь была как можно ярче украшена. Я не имею в виду физически, я имею в виду эмоционально, духовно, интеллектуально. Я не желаю бояться ярких красок, или новых звуков, или большой любви, или рискованных решений, или странных экспериментов, или дерзких проектов, или внезапных перемен, или даже провалов.

Впрочем, я не намерена покрыть себя разноцветными татуировками (ну просто это не мое), зато я *намерена* посвятить уйму времени тому, чтобы создавать из своего существования что-то симпатичное и прекрасное, потому что это выводит меня из дремотного состояния и именно это пробуждает во мне жизнь.

Я украшаю себе жизнь с помощью краски для принтера, а не красок

для татуировки. Но моя потребность писать происходит точно из того же источника, что и потребность Эйлин превращать, пока она еще здесь, собственную кожу в живописный холст.

Этот источник называется «Эй, а почему бы и нет?».

Потому что все это только временно.

Так должно быть

Но чтобы вести такую жизнь – свободную для творчества, для поиска, – у вас должно быть мощно развито чувство уверенности, что лично вы имеете на это полное право. Надеюсь, вы сумеете развить его в себе.

Я отдаю себе отчет в том, что эти слова воспринимаются крайне негативно, но все же хочу употребить их здесь и придать им позитивную коннотацию. Потому что вам нипочем не сотворить из своей жизни что-то интересное, если вы не поверите, что имеете полное право хотя бы попытаться. *Право* на творчество не означает, что нужно вести себя как капризная принцесса или действовать так, будто уверены, что мир вам что-то должен. Нет, это просто значит поверить, что *вам можно здесь находиться* и что – просто потому, что вы здесь находитесь, – у вас есть право голоса и собственного видения.

Поэт Дэвид Уайт называет это ощущение права на творчество «самоуверенностью причастности» и заявляет, что оно является жизненно важной привилегией, правом творить, более активно взаимодействовать с жизнью. Без такой самонадеянности, без чувства причастности вы никогда и ни за что не отважитесь на какое-то творческое дело. Без этого вы не сможете вырваться из удушливого кокона личной безопасности и устремиться туда, к границам прекрасного и неожиданного.

Самоуверенность причастности – это не эгоизм и не заикленность на себе. Как ни странно, это нечто противоположное – это божественная сила, она позволит *вам выбраться за пределы самого себя* и даст возможность более полной вовлеченности в жизнь. Поскольку очень часто от творческой жизни вас удерживает *именно* заикленность на себе (ваша неуверенность в себе, недовольство собой, самоосуждение и ваше всепоглощающее чувство самосохранения). Самоуверенность причастности вытаскивает вас из мрачных глубин нелюбви к себе, причем не словами «Я самый великий!», а совсем другими, простыми словами: «Я здесь!»

Я знаю, что эта позитивная самоуверенность – простое право на существование, а значит, на самовыражение – ваше единственное оружие, которым вы можете побеждать в отвратительном диалоге, который может снова и снова возникать у вас в мыслях, как только вы ощутите творческий порыв. Вы поняли, конечно, о каком мерзком диалоге я говорю? Вот как он примерно выглядит: «Да что ты о себе возомнил, кто ты вообще такой,

чтобы заниматься творчеством? Ты неудачник, тупица, бесталанный и никудышный. Ступай назад, в свою нору, и не высовывай носа».

И вы можете всю жизнь вот так потратить, покорно отвечая: «Да, ты прав. Я неудачник и тупица. Спасибо. Я пошел назад, к себе в нору».

А я добиваюсь, чтобы ваш разговор с самим собой стал куда более плодотворным и интересным. Бога ради, вы хоть попытайтесь защититься!

Отстаивайте себя как творческую личность, а ваша защита начинается с самоопределения. Она начинается с заявления о намерениях. Встаньте, распрямитесь и громко скажите что-то вроде этого:

Я писатель.

Я певец.

Я актриса.

Я садовник.

Я танцовщик.

Я изобретатель.

Я фотограф.

Я руководитель.

Я дизайнер.

Я это, и я то, а еще вот то, другое – это тоже я!

Я еще не знаю точно, кто я, но мне хватит любопытства это узнать!

Проговорите это вслух. Пусть знают, кто вы такой. Черт, да узнайте, наконец, *сами*, кто вы такой, потому что это заявление о намерениях вы делаете и для себя, так же как для Вселенной или кого-то еще. Услышав это заявление, ваша душа соберется и настроится соответственно. И эта мобилизация вызовет у нее *восторг*, потому что именно для этого ваша душа и была рождена. (Верьте мне, ваша душа годами только и ждет, чтобы вы проснулись и начали жить.)

Но этот разговор должны начать вы сами, потому что только после этого вы почувствуете себя вправе его продолжать.

Это заявление о намерениях и своих правах не то, что вы можете проделать один раз в жизни, а потом ожидать чудес. Это нужно проделывать ежедневно и всегда. Я должна заявлять об этом и отстаивать себя как писателя каждый день своей взрослой жизни – постоянно, снова и снова напоминать своей душе и космосу, что я очень серьезно отношусь к творческой жизни и никогда не перестану заниматься творчеством, независимо от результата и независимо от того, насколько глубокими могут

оказаться мои страхи и комплексы.

Со временем я к тому же подобрала верный тон голоса и интонацию для таких заявлений. Говорить лучше настойчиво, но не забывать об учтивости. Повторяйте свои слова, но не переходите на крик. Говорите со своими самыми темными, самыми негативными внутренними голосами так, как на переговорах об освобождении заложников говорят с озлобленным психопатом – спокойно, но твердо. Самое главное, никогда не отступайте.

Вы не можете себе этого позволить. В конце концов, на кону ваша жизнь.

– Что, черт побери, ты о себе возомнил? – будет вопрошать ваш темный внутренний голос.

– Забавно, что ты спрашиваешь, – можете ответить вы. – А я скажу тебе, кто я: я дитя Бога, как и любой другой человек. Я – часть этой Вселенной. У меня есть невидимые духи-хранители, они верят в меня и трудятся со мной бок об бок. Сам факт, что я сейчас здесь нахожусь, это же доказательство того, что я имею право быть здесь. Я имею право голоса и право на собственное видение. У меня есть право работать со своим творческим началом, потому что сам я – плод и результат Творения. Я здесь, чтобы исполнить миссию творческого раскрепощения, поэтому *руки прочь*.

Поняли?

А впоследствии эти разговоры будете вести сами.

Оригинальность против аутентичности

Возможно, вы боитесь, что недостаточно оригинальны. Может быть, в этом ваша проблема – вас беспокоит, что ваши идеи заурядны и банальны, а значит, не стоят творческих усилий.

Начинающие писатели часто делятся со мной сомнениями: «У меня есть идея, но, боюсь, это кем-то уже было сделано».

Что ж, вполне вероятно, что кто-то уже сделал это. За что ни возьмись, большая часть уже сделана, но ведь это еще не было сделано *вами*.

Ко времени, когда Шекспир закончил свой жизненный путь, он разработал практически все мыслимые в литературе сюжеты, но это не остановило писателей, и в последующие пять столетий они продолжали разрабатывать все те же сюжетные линии снова и снова. (И не забывайте, что большинство этих историй стали штампами еще задолго до того, как за них взялся Шекспир.) Рассказывают, что Пикассо, увидев древние наскальные изображения в пещере Ласко, сказал: «За двенадцать тысяч лет мы ничему новому не научились». Скорее всего, он прав, но что с того?

Что такого, если мы повторяем одни и те же темы? Что такого, если мы кружим вокруг одних и тех же идей, снова и снова, поколение за поколением? Что с того, что каждое новое поколение испытывает те же потребности и задает те же вопросы, которые годами испытывало и задавало человечество? Мы все связаны, в конце-то концов, так что речь о том, что у творческого инстинкта могут быть повторения. Что ни возьми, все нам о чем-нибудь напоминает. Но стоит вам выразить ту же идею самому, вложить в нее свою страсть, и идея становится *вашей*.

Вообще, чем старше я становлюсь, тем меньше впечатления производит на меня оригинальность. Искренность трогает меня сейчас куда больше. Потуги на оригинальность часто кажутся неестественными и претенциозными, но меня неизменно волнует тихая простота искренности.

Поэтому просто скажите то, что хотите сказать, – и скажите это от всего сердца.

Поделитесь тем, чем хотите поделиться.

Если это достаточно искренний порыв, поверьте мне, его *воспримут* как оригинальный.

Мотивы

Ах да, вот еще что: вы не должны спасать мир своим творчеством.

Другими словами, вашему искусству совсем не обязательно быть оригинальным – и ему не нужно быть *важным*.

Например, когда кто-то говорит мне, что хочет написать книгу, чтобы помочь людям, я всегда думаю: *ой, лучше не надо*.

Пожалуйста, не пытайтесь мне помочь.

То есть это, конечно, очень мило, что вы хотите помогать людям, но умоляю, не стоит делать это единственной побудительной причиной своего творчества, потому что мы сразу заметим тяжеловесность ваших намерений, и наши души прогнутся под их непосильным весом. (Мне вспомнилось чудесное высказывание английской колумнистки Кэтрин Уайтборн: «Вы легко узнаете людей, которые живут для других, по затравленным лицам этих других».) Я очень-очень надеюсь, что вы напишете книгу, чтобы развлечь себя, а не чтобы помочь мне. Или, если вы выбрали тему серьезную и печальную, я предпочла бы, чтобы вы занимались искусством, чтобы спасти себя или снять со своей души какое-то тяжелое психологическое бремя, а не спасать и не освобождать *нас*.

Я однажды написала книгу, чтобы спасти себя. В ней я описала свою поездку, чтобы как-то осмыслить путешествие и неразбериху в собственных чувствах. Единственное, что я пыталась сделать этой книгой, так это разобраться в себе самой. Мало-помалу, однако, получилась история, которая точно помогла разобраться в себе многим людям, но я не ставила себе такой цели. Если бы я села писать «Есть, молиться, любить» с единственной целью помочь другим, получилась бы совершенно другая книга. Могла даже получиться невыносимо нудная книга, которую невозможно было бы читать. (Ладно, ладно, признаюсь, многие критики и так называют «Есть, молиться, любить» невыносимо нудной книгой, которую читать невозможно, но я-то сейчас не об этом! Я о том, что писала эту книгу для своих целей, и, может быть, именно поэтому в ней ощущается подлинность, а в конце концов она даже оказалась полезной для многих читателей.)

Возьмем, кстати, хоть эту книгу, которую вы сейчас держите в руках. «Магия творчества» – это руководство по самосовершенствованию, согласны? Но, при всем уважении и даже любви, я и эту книгу писала не для вас. Я писала ее *для себя*. Я писала эту книгу для собственного

удовольствия, потому что мне правда страшно интересно размышлять о творчестве. Мне было приятно и полезно медитировать, обдумывать эту тему. Если то, что я написала, в конечном итоге поможет вам, буду счастлива. Превосходный побочный эффект – вот что это будет. Но по большому счету я делаю то, что делаю, потому что мне нравится это делать.

У меня есть подруга, она монахиня и всю жизнь работает, помогая бездомным в Филадельфии. Эта женщина просто святая. Всю жизнь она без усталости защищает бедняков, страдальцев, заблудших и неприкаянных. И знаете, почему ее деятельность так плодотворна? *Потому что ей нравится этим заниматься.* Потому что для нее это в удовольствие. Иначе ничего бы не получилось. Иначе это было бы тяжким бременем и мученичеством. Но сестра Мария Скаллион не мученица. У нее радостная душа, и она совершенно искренне получает удовольствие от такой жизни, которая наилучшим образом соответствует ее натуре. Так уж получилось, что попутно она заботится о множестве других людей, но каждый чувствует, что эта миссия приносит ей неподдельную радость, и на самом деле ее помощь именно потому так целительна.

Словом, если то, что вы делаете, вам в радость – это хорошо, вот что я пытаюсь сказать. Очень хорошо также, если то, что вы делаете, вас укрепляет и излечивает, восхищает или очищает вас, или, скажем, если это просто хобби, помогающее вам не съехать с катушек. Нормально, если то, что вы делаете, это совершенно поверхностные и легкомысленные пустяки. Такое вполне допустимо. Все это вполне допустимо.

Причины, по которым вы решили создать что-то, достаточные причины. Просто делая то, что вам нравится, вы можете и сами не заметить, как начнете нам помогать. («Нет такой любви, которая не стала бы помощью», – учил богослов Пауль Тиллих.) Так занимайтесь же тем, что помогает вам жить. Следуйте своим привязанностям, увлечениям и порывам. Доверяйте им. Создавайте то, от чего у вас в сердце происходит переворот.

Остальное уладится само.

Обучение

У меня нет никаких ученых степеней в области литературного творчества. Честно говоря, у меня вообще нет ученой степени. Я закончила бакалавриат Нью-Йоркского университета по специальности «политология» (просто потому, что надо было выбрать *какую-то* специальность) и до сих пор считаю большой удачей то, что получила превосходное, старого образца, либеральное, гуманитарное образование.

Я всегда знала, что хочу стать писательницей, и на последнем курсе даже прослушала небольшой курс литературного мастерства. Тем не менее, закончив университет, я все-таки решила не защищать магистерскую по литературному творчеству. Как-то я сомневалась, что лучшее место для поиска собственного голоса – это тесный класс, где еще пятнадцать писателей-новичков ищут *свои* голоса.

К тому же у меня не было уверенности, что ученая степень мне чем-то поможет. Учиться в школе искусств, видите ли, это не то же самое, что учиться в институте стоматологии, когда ты можешь быть совершенно уверен, что, закончив обучение, найдешь работу в выбранной области. Кроме того, хотя я всерьез считаю, что дантистам (так же, как летчикам пассажирских авиалиний, юристам или маникюршам) действительно очень важно иметь документ, официально подтверждающий их квалификацию, но совсем не уверена, что нам так уж нужны дипломированные романисты. Да и история меня в этом поддерживает. С 1901 года лауреатами Нобелевской премии стали двенадцать североамериканских писателей, но ни один из них не был магистром искусств. А у четверых вообще не было высшего образования.

В наши дни открыто множество элитных и невероятно дорогих учебных заведений, где вы можете изучать искусства. Некоторые из них просто великолепны, другие не так уж хороши. Если вы хотите идти по этому пути, так и сделайте, но имейте в виду, что это сделка, так что убедитесь прежде, что она выгодна для вас. Ясно, что получит в результате сделки школа: ваши деньги. Что получат студенты, зависит от их желания учиться, серьезности программы и качества преподавателей. Вы наверняка сможете научиться дисциплине, стилю, возможно, даже храбрости. Еще в школе искусств вы обзаведетесь товарищами – единомышленниками, которые снабдят вас ценными профессиональными связями и поддержат в начале карьеры. Если повезет, вы можете даже повстречаться с

наставником, о каком можно только мечтать, в лице особенно чуткого и увлеченного учителя. Но, боюсь, в наши дни студенты подобных факультетов чаще видят в высшем образовании средство получения некоего сертификата, подтверждающего их квалификацию, – доказательства, что они и в самом деле люди творческие (смотрите сами, так написано в их дипломах).

С одной стороны, я целиком и полностью понимаю эту потребность в легализации – это попытка избавиться от неуверенности на пути к творчеству. Но если вы занимаетесь своим ремеслом изо дня в день, самостоятельно, упорно, не забывая о дисциплине и любви, то вы уже реально являетесь творческой личностью, и не надо никому платить за подтверждение этого факта вам же.

Если вы опередили этот разговор и у вас уже имеется диплом в той или иной области, не переживайте! Пусть это пойдет на пользу вам и вашим произведениям, а в самом худшем случае, уверена, ничем вам не повредит. Вспоминайте все то, чему вас учили в школе, и используйте эти знания, чтобы совершенствоваться в своем деле. Возможно, вы сейчас как раз обучаетесь в школе искусств и можете без особых жертв себе это позволить – это тоже прекрасно. А если вам предоставили стипендию, и того лучше. Вам повезло здесь оказаться, так используйте этот шанс на сто процентов. Трудитесь изо всех сил, извлекайте максимум пользы из всех возможностей и растите, растите, растите. Это время может оказаться счастливейшим временем усердной учебы и творческого созидания. Но если вы только еще подумываете о дальнейшем обучении искусствам, а при этом не гребете денежки лопатой, я обращаюсь к вам – *вы спокойно можете обойтись без этого*. Не нужно вам для этого залезать в долги, потому что долги неизменно убивают мечту и творчество.

Один из лучших моих знакомых живописцев преподает в одной из самых знаменитых в мире художественных школ, но сам мой друг не имеет диплома о высшем художественном образовании. Он мастер, верно, но овладевал мастерством самостоятельно. Он стал прекрасным художником, потому что годами усердно трудился над тем, чтобы стать прекрасным художником. Сейчас он обучает других на таком уровне, на каком его самого никогда не учили. Это вроде как ставит под вопрос необходимость всей системы. Но студенты слетаются со всего мира, чтобы поучиться в этой школе, и многие из них (ребята из небогатых семей и те, кому не удалось получить полной стипендии от университета) по окончании программы остаются с десятками тысяч долларов долга. Мой друг очень заботится о своих учениках, и поэтому при виде того, в какие жуткие долги

они залезают (потому – и это парадокс – что им хочется как можно больше походить *на него*), у этого достойного человека сердце обливается кровью, и у меня тоже.

Я спросила своего друга, зачем они это делают – зачем студенты серьезно осложняют себе будущую жизнь ради нескольких лет обучения художественному творчеству, – и он ответил: «Ну, на самом деле, они это не всегда как следует продумывают. Большинство художников – люди импульсивные и не слишком дальновидные, такие не умеют строить планы на много лет вперед. Художники по своей природе игроки. А азартные игры – занятие опасное. Но, занимаясь искусством, всегда играешь в азартную игру. Бросаешь кости наудачу, слабо надеясь, что не зря тратишь время, силы и деньги и это когда-нибудь окупится сторицей – кто-то, может быть, купит твою работу, и ты, возможно, добьешься громкого успеха. Вот так и многие из моих студентов рискуют в надежде, что дорогостоящее обучение впоследствии окупится».

Я принимаю это. Я и сама всегда была творчески импульсивна. Это все завязано на любознательности и страсти. В работе я то и дело рискую и совершаю прыжки в неизвестное – по крайней мере, пытаюсь. И вам, если хотите жить творческой жизнью, необходимо будет рисковать, причем охотно. Но если вы собрались сделать ставку, *обдумайте, что ставите на кон*. Никогда не бросайте кости бездумно. Будьте готовы к тому, что придется платить по счету, и убедитесь, что сможете это сделать (как эмоционально, так и финансово).

Боюсь, что многие платят бешеные деньги за обучение в школах искусств, не отдавая себе отчета, что они, в сущности, испытывают судьбу, потому что – на первый взгляд – кажется, что они делают солидные инвестиции в свое будущее. В конце концов, ведь это же школа, где люди обучаются профессии, а профессия дело солидное и внушающее доверие – так разве это не стоит вложения денег? Но искусство – не *профессия* в привычном смысле. Творчество не гарантирует обеспечения работой, трудовую занятость, такого никогда не будет.

Если влезть в громадные долги, чтобы начать творить, потом это может обернуться стрессом и превратиться в непомерное бремя то, что, по идее, задумывалось как радость и освобождение. А если художники, вложившие столько сил и средств в свое образование, не сразу добиваются профессионального успеха (обычное дело для большинства художников), это может показаться им провалом и крушением. Ощувив себя неудачниками, они могут потерять уверенность в своих творческих силах и даже вообще перестанут заниматься творчеством. И вот представьте себе

эту ужасную ситуацию, когда мало того что от стыда и отчаяния опускаются руки, так еще и ежемесячно приходящие счета постоянно бередят рану.

Прошу понять меня правильно, я совершенно не против высшего образования! Я только против непосильных долговых обязательств, особенно для тех, кто хочет жить творческой жизнью. А в последнее время (по крайней мере, здесь, в Америке) высшее образование и непосильные долговые обязательства стали практически синонимами. Никому не нужны долги, но художникам особенно. Так что уж постарайтесь не угодить в этот капкан. А если вы уже в него угодили, попытайтесь выбраться из него любой ценой и как можно раньше. Выбирайтесь на волю, где можно свободнее жить и творить, как и предназначено вам природой.

Будьте осторожны с собой, вот что я хочу сказать.

Будьте осторожны и заботьтесь о своем будущем, но поберегите также и свою психику.

Попробуйте-ка лучше вот это

Вместо того чтобы набирать кредиты, чтобы оплатить учебу в школе искусств, попробуйте лучше ближе познакомиться с миром, исследовать его смелее. Или смелее отправляйтесь вглубь собственной души. Честно и всерьез оцените то образование, которое вы уже получили, – прожитые вами годы, выдержанные за это время испытания, навыки, которые вы приобрели.

Если вы молоды, откройте глаза пошире и позвольте миру научить вас всему, чему только возможно. («Нечего корпеть над учебниками!»^[2] – призывал Уолт Уитмен, и я к нему присоединяюсь. Слишком много есть способов учиться, и они совсем не обязательно связаны со школьными классами.) И смелее начинайте делиться своим пониманием творчества, пусть даже вы еще ребенок. Если вы молоды, вы видите все иначе, чем вижу я, и мне хочется знать, каким видите мир вы. Нам всем это интересно. Когда мы смотрим на ваши работы, что бы они собой ни представляли, мы хотим почувствовать вашу юность – свежее и острое восприятие недавно прибывшего в этот мир человека. Делитесь с нами щедро, позвольте нам это ощутить. В конце-то концов, все мы когда-то были на вашем месте – просто у многих это было уже очень давно.

Если вы человек старшего возраста, поверьте, мир не переставал учить вас все это время. Вы уже многое знаете, намного больше, чем себе представляете. Но это отнюдь не окончание: это всего лишь *зрелость*. После определенного возраста, независимо от того, на что вы тратили свое время, можете считать себя профессором в науке жизни. Если вы до сих пор здесь – если прожили такую долгую жизнь, – так только потому, что понимаете в ней толк. Мы очень нуждаемся в том, чтобы вы открыли свои секреты, поделились тем, что знаете, чему научились, что вы видели и чувствовали. Если вы немолоды, то, вполне возможно, уже приобрели, накопили то, что необходимо для более творческой жизни, – все, кроме уверенности, чтобы приступить уже наконец к работе. Но нам необходимо, чтобы вы ее начали!

Независимо от того, молоды вы или стары, мы нуждаемся в ваших произведениях, чтобы обогатить и осветить собственную жизнь.

Так что отбросьте сомнения и страхи (пусть они смиренно улягутся к вашим ногам) и стряхните все обременительные идеи о том, что вам нужно (и сколько следует за это заплатить), чтобы получить право на творчество.

Потому что, уверяю, вы уже *обладаете* этим правом, оно дано вам от природы самим фактом вашего присутствия здесь, в этом мире, среди нас.

Ваши учителя

Хотите учиться у великих? Правда?

Что ж, вы можете найти учителей повсюду. Они живут на полках вашей библиотеки, на стенах музеев, в музыкальных записях, сделанных десятки лет назад. Вашим учителям даже не нужно быть живыми, чтобы превосходно вас всему научить. Ни один ныне живущий сочинитель не смог бы так научить меня выстраиванию сюжета и прописыванию персонажей, как научил Чарлз Диккенс – излишне говорить, что я никогда с ним не встречалась и не проводила часы, все это с ним обсуждая. Все, что мне нужно было сделать, чтобы поучиться у Диккенса, – это годами читать и перечитывать его романы, изучать их, как священные писмена, а потом что есть мочи тренироваться писать самой.

Начинающие писатели находятся в выгодной позиции, потому что писательский труд был и остается делом очень личным (и дешевым). Что до других творческих специальностей, с ними дело обстоит сложнее, да и стоят они могут намного дороже. Если, к примеру, вы хотите получить профессию оперного певца или скрипача, тогда занятия с наставником вам просто необходимы. Люди на протяжении столетий обучались в консерваториях, балетных или художественных училищах. За это время из стен этих учебных заведений вышло множество изумительных творцов. Но заметим, что множество других изумительных творцов обошлось без этого. А сколько еще было талантливых людей, получивших это великолепное образование, но так никогда и не применивших его на практике.

Итак, истина в общем и целом такова: неважно, насколько великими были ваши учителя и насколько громкая репутация у вашего учебного заведения, работать в конечном итоге все равно придется вам самим. Рано или поздно наступит время, когда учителей под рукой не окажется. Школа тоже будет далеко, и придется вам действовать самостоятельно. Теперь только от вас будет зависеть, сколько времени тратить на тренировки и упражнения, изучение теории, а сколько на созидание и воплощение своих замыслов.

Чем скорее и вдохновеннее вы проникнетесь этой мыслью – что все целиком и полностью зависит только от вас, – тем лучше для вас.

«Толстые дети»

Знаете, чем я занималась, когда мне было двадцать с небольшим (помимо обучения писательскому мастерству)? Подрабатывала официанткой в маленьком ресторанчике.

Позже я еще и барменом работала. А также гувернанткой, частным репетитором, сезонным рабочим на ранчо, поварихой, учительницей, продавщицей на блошином рынке и администратором в книжном магазине. Я жила в дешевых квартирах, у меня не было машины, а одевалась я в комиссионках и секонд-хендах. Я хваталась за любую подработку, копила деньги, экономя на всем, а потом отправилась путешествовать, чтобы посмотреть мир. Мне было интересно знакомиться с людьми, слушать их истории. Говорят, что писатели могут писать о том, что знают, а я знала только, что пока еще знаю совсем мало, вот я и занималась набором материала. Работать официанткой было здорово, это позволяло ежедневно слышать десятки разных голосов. В боковых карманах я всегда носила две записные книжки: в одну записывала заказы, а в другую – диалоги моих клиентов. Еще интереснее оказалось работать в баре: тамошние персонажи частенько были под мухой и охотно делились сюжетами из своего опыта. (Когда-то, работая барменом, я и узнала: мало того что у каждого есть захватывающая история, но люди еще и жаждут ею с тобой поделиться.)

Я рассылала свои рассказы по разным редакциям и получала письма с отказами. Я продолжала писать, несмотря ни на что. Свои рассказы я переписывала и доделывала по вечерам в спальне, а также на железнодорожных вокзалах, на ступенях лестниц, в библиотеках, городских парках, а еще на квартирах у подруг, приятелей, возлюбленных и родственников. И снова я отправляла рассказы в редакции. И снова отказы, отказы, отказы.

Письма с отказами мне не нравились. А кому бы понравились? Но я не отчаивалась: впереди была целая жизнь, я была намерена посвятить ее писательскому делу – и точка. (В моей семье живут долго, даже очень – одной моей бабушке стукнуло сто два года! – поэтому я решила, что в двадцать с небольшим рановато впадать в панику из-за упущенного времени.) А раз так, издатели могли отказывать мне, сколько душе угодно: я не собиралась сдаваться. Получая очередной отказ, я позволяла своему самолюбию громко заявить тому, кто поставил под письмом свою подпись: «Думаете, испугали? Учтите, те люди, которые заставят меня

отказаться от своей цели, *еще не родились*, а до тех пор я собираюсь стоять на своем!»

После чего я выкидывала письмо и возвращалась к работе.

Письма-отказы стали для меня чем-то вроде вселенских масштабов теннисного матча: кто-то присылал мне отказ, а я отбивала его через сетку и в тот же день посылала новую заявку. Рассуждала я примерно так: *раз мне нанесли удар, надо его сразу же отбить – пусть летит куда-то в космос.*

Ничего другого мне не оставалось, потому что некому было пойти и забрать оттуда мои рассказы. У меня не было адвоката, агента, покровителя, не было связей и знакомств. (Я не только не была знакома ни с кем из издательского мира, у меня вообще почти не было знакомых, имеющих *работу*.) Я понимала, что никто не постучит однажды в дверь моей квартирки со словами: «Мы знаем, что здесь живет очень талантливая молодая писательница, и хотим помочь ей». Нет, мне предстояло заявить о себе самой, и я это делала. Непрестанно. Помню, как у меня возникло ясное ощущение, что я никогда их не переборю, этих безликих, безымянных стражей тех ворот, которые я без усталости атаковала. Они ни за что мне не сдадутся. Никогда не впустят меня внутрь. Ничего у меня не получится.

Неважно, решила я.

Я все равно не сдамся только из-за того, что «ничего не получается». Дело было не в том. Наградой не могло и не должно было стать признание извне – я это знала. Наградой должна была стать радость от самого процесса работы и от моего личного понимания, что я выбрала правильный путь и в этом мое призвание. Если когда-то мне повезет настолько, что за работу еще и заплатят, это отлично, но пока деньги можно зарабатывать и по-другому. Есть масса разных способов обеспечить себе безбедное существование, я испробовала некоторые из них, и неплохо справлялась.

Я была счастлива. Никому не известная, практически никто – но счастлива.

Я копила деньги, потом путешествовала и писала заметки. Ездил в Мексику, к пирамидам, и писала заметки. Каталась на автобусе по пригородам Нью-Джерси и писала заметки. Я отправилась в Восточную Европу и писала заметки. Ходила на вечеринки и писала заметки. Поехала в Вайоминг, устроилась на ранчо поварихой и писала заметки.

В двадцать с чем-то я собрала нескольких друзей, которые тоже хотели стать писателями, и мы создали свою мастерскую. По причинам, которые теряются в глубине истории, мы называли себя «Толстые дети». Это была

лучшая в мире литературная мастерская – во всяком случае, в наших глазах. Мы тщательно отбирали участников, присматривались друг к другу, чтобы не подпустить зануд и хамов, которые так часто навешиваются в разные мастерские с явной целью разрушать чьи-нибудь мечты. Мы напоминали друг другу о сроках (написания работ) и вдохновляли друг друга на то, чтобы отправить новый опус издателю. Мы узнавали друг друга по голосу, познакомились с привычками и помогали друг другу работать, преодолевая наши специфические привычные препятствия. Мы ели пиццу и много смеялись.

Мастерская «Толстые дети» была очень эффективной, вдохновляющей и веселой. Это было безопасное место, где не страшно было заниматься творчеством, признаваться в слабостях и экспериментировать, и все там было абсолютно и совершенно бесплатно. (Не считая пиццы, да-да, конечно. Но бросьте придирааться! Ведь вы же видите, к чему я веду, так? Ребята, вы можете сделать такое *сами!*)

В разговор вступает Вернер Херцог

У меня есть друг в Италии, независимый кинорежиссер. Много лет назад – тогда он еще был голодным молодым парнем – он написал письмо своему кумиру, великому немецкому режиссеру Вернеру Херцогу. Мой друг излил в письме свою душу, жаловался Херцогу, как неудачно складывается его карьера, как его фильмы никому не нравятся, как трудно стало снимать кино в этом равнодушном мире, где никому ни до чего нет дела, где все так дорого, где никто не хочет спонсировать искусство, где вкусы общества так вульгарны и подчинены коммерции...

Однако если мой приятель искал сочувствия, то обратился не по адресу. (И вообще я ума не приложу, как можно было из всех людей выбрать именно *Вернера Херцога*, чтобы поплакаться ему в жилетку.) Одним словом, Херцог написал моему другу длинный ответ, жесткий и вызывающий, где говорил примерно следующее:

«Хватит ныть. Этот мир не виноват в том, что ты решил стать художником. В обязанности этого мира не входит наслаждаться фильмами, которые ты снимаешь, и уж точно этот мир не должен оплачивать твои мечты. Никто об этом и слушать не захочет. Если нужна кинокамера, укради ее, только перестань хлюпать носом и принимайся за работу».

(Слушайте, а ведь до меня только что дошло – в этой истории Вернер Херцог сыграл роль моей мамы. Какая прелесть!)

Мой друг вставил письмо в рамочку и повесил у себя над столом – так и следовало сделать. Потому что, хотя отповедь Херцога похожа на нагоняй, нагоняем вовсе она не была. Это была помощь в освобождении. На мой взгляд, это настоящее проявление любви и гуманизма – напомнить людям, что они сами на что-то способны и не стоит им ждать поблажек от мира, что люди не так слабы и зависимы, как им, возможно, кажется.

Такие напоминания могут показаться резкими, и часто мы не хотим их слушать, но на повестке здесь стоит вопрос элементарного самоуважения. Есть что-то величественное в том, чтобы помочь кому-то шагнуть наконец вперед и обрести самоуважение, особенно если впереди человека ждет что-то новое и прекрасное.

Ну а то письмо?

Оно стало для моего друга письменным допуском.

Получив которое, он снова начал заниматься своим делом.

Хитрость

Так что да, вот в чем хитрость: бросайте жаловаться.

Доверьтесь в этом мне. И Вернеру Херцогу доверьтесь тоже.

Есть множество веских причин, по которым просто необходимо перестать жаловаться и ныть, если, конечно, вы заинтересованы в том, чтобы жить более творческой жизнью.

Первая причина: жалобы – это безумно скучно. Все художники жалуются, всем давно уже в зубах навязло их нытье. (Если судить по громкости жалоб, исходящих от представителей творческих профессий, можно подумать, что злой диктатор приговорил этих людей к их занятиям – бывает трудно поверить, что это их призвание и они избрали этот удел по доброй воле.)

Причина вторая: *конечно*, творить и создавать невероятно трудно. Если бы это не было так трудно, этим занимались бы все кому не лень и в творчестве не было бы ничего особенного и интересного.

Причина третья: по большому счету никто толком не слушает жалобы другого, потому что каждый из нас слишком сосредоточен на собственной священной войне, так что, по сути, жаловаться – это все равно что говорить с кирпичной стеной.

Четвертая и самая важная: *вы отпугиваете вдохновение*. Каждый раз, как вы вслух посетуете на то, как трудно и утомительно заниматься творчеством, вдохновение делает еще шаг назад, потому что оно обижено. Так и вижу, как вдохновение поднимает руки со словами: «Ну что ж, приятель, извини! Не думало, что мое присутствие – такая головная боль. Пойду-ка лучше туда, где мне будут рады».

Мне приходилось испытывать это на себе каждый раз, как я начинала жаловаться. Я чувствовала, как из-за моей жалости к себе вдохновение хлопает дверью, и комната внезапно кажется холодной и пустой. В таких случаях еще в молодости я делала вот что: начинала рассказывать себе на все лады, *какое наслаждение я получаю от работы*. Я рассказывала, что буквально каждый аспект творческого процесса для меня удовольствие – муки и восторги, успехи и падения, радость и разочарование, и периоды застоя, и повседневная рутина, и ошибки, и растерянность, и полная глупость всего этого.

Я даже отваживалась произносить все это вслух.

Я говорила Вселенной (и любому, кто мог услышать), что решила

заниматься творчеством не ради того, чтобы спасти мир, не чтобы выразить протест, не чтобы прославиться или стать классиком, не для того, чтобы бросить вызов системе, не чтобы вывести на чистую воду мерзавцев, не чтобы доказать родным, что я на что-то гожусь, даже не ради глубокого целительного эмоционального катарсиса, а просто потому, что *мне это нравится*.

Поэтому попробуйте произнести: я получаю удовольствие, делая что-то творческое.

А когда скажете, убедитесь, что для вас это действительно так.

Начнем с того, что это будет поражать людей. Я уверена, что всем сердцем любить свое дело – это самая провокационная позиция, какая только может быть в наше время у творческого человека. Это буквально взрыв какой-то, потому что сейчас мало кто отваживается даже упоминать о радости творчества из страха, что его не будут принимать всерьез как художника. А вы скажите. Окажитесь чудаком, который осмеливается получать удовольствие.

Но самое лучшее в этом вот что: когда вы признаетесь, что ловите кайф от своей работы, вдохновение снова к вам приблизится. Оно, вдохновение, с благодарностью будет слушать эти слова, вылетающие из ваших уст, потому что вдохновение, как и все мы, ценит, когда его ценят. Вдохновение отметит и оценит вашу радость, воодушевление и преданность и в награду станет присылать вам идеи.

Идей будет больше, чем вам удастся использовать.

Столько идей, что хватит жизней на десять.

Распределение по рангам

Кто-то недавно сказал мне: «Вы утверждаете, будто любой человек может заниматься творчеством, но разве нет разницы между людьми талантливыми и просто способными? Конечно, мы все можем что-то такое изобразить, но только единицы могут стать *великими*, верно?»

Я не знаю.

Честно говоря, ребята, меня это вообще не колышет.

Я даже не хочу морочить себе голову размышлениями на тему о разнице между высоким и низким искусством. Если кто-то начнет обсуждать со мной академические критерии различения истинных мастеров и простых ремесленников, я засну, упав лицом в тарелку. Честно, мне в жизни не хотелось объявить, что этого человека ждет будущее великого художника, а вот тот только зря тратит время.

Откуда мне знать? Откуда кому бы то ни было знать? Все это невероятно субъективно, не говоря уже о том, что в этом отношении жизнь слишком много раз меня удивляла. С одной стороны, я знавала просто блестящих людей, которые никогда не создали ничего, при всех их талантах. С другой стороны, бывали и случаи, когда я самонадеянно пренебрегала теми, кто впоследствии поражал меня значимостью и красотой своих произведений. Все это навсегда отбило у меня охоту судить о чем-то творческом потенциале и опрометчиво отметить кого-то.

Умоляю вас, не переживайте из-за ярлыков, хорошо? Все это только придавит вас, отяготит тревожными мыслями, а для того, чтобы вы могли и дальше творить, вы должны сохранять легкость, необремененность. Можете считать себя блестящим талантом или полным неудачником, только продолжайте делать то, к чему испытываете склонность, и все. Предоставьте окружающим определять ваш ранг, вешать ярлыки и расставлять по полочкам. А уж они непременно подвергнут вас этой процедуре, потому что людям это очень нравится. Собственно говоря, распределение по рангам *необходимо* некоторым людям для того, чтобы они могли почувствовать, что навели в хаосе бытия хоть какое-то подобие успокоительного порядка.

Так что, имейте в виду, будут и вас расставлять по всевозможным полочкам. Вас могут назвать гением или мошенником и аферистом, любителем или самозванцем, выскочкой или вышедшим в тираж, дилетантом или аутсайдером, а может быть, восходящей звездой или

мастером, придающим новые смыслы уже существующему.

О вас могут говорить лестные вещи или обливать презрением. Могут называть каким-то жалким беллетристом, каким-то иллюстратором детских книжечек, каким-то коммерческим фотографом или актером какого-то самодеятельного театра, всего-навсего музыкантом-любителем, обычным ремесленником, обычной домашней хозяйкой у плиты или всего-навсего пейзажистом – кем угодно.

Это не имеет вообще никакого значения. Пусть люди выносят свои суждения, не мешайте им. Больше того, не мешайте людям *восторгаться* собственными суждениями, точно так же, как вы или я восторгаемся своими. Но ни за что не позволяйте внушить себе, что вы нуждаетесь в чьем-то мнении, чьем-то одобрении (или даже чьем-то понимании), чтобы делать свое дело. И всегда помните, что людские суждения о вас совершенно не ваше дело.

Напомню, что сказал по этому поводу У. К. Филдс: «Дело не в том, как вас называют, а в том, что вы отвечаете».

Вообще-то, даже и отвечать не надо.

Просто продолжайте делать то, что делаете.

Кривые зеркала

Однажды я написала книгу, которая – так уж вышло – стала настоящим бестселлером, и несколько лет я как будто жила в комнате смеха с кривыми зеркалами.

Можете мне поверить, я никогда не планировала написать бестселлер. Если бы я собралась писать такой бестселлер, то не знала бы, с какого бока взяться за дело. (Замечу в скобках: у меня опубликовано шесть книг – все они писались с равной долей усердия и вдохновения, – но пять из них определенно бестселлерами *не являются*.)

Когда я писала «Есть, молиться, любить», у меня и в мыслях не было, что я тружусь над главным или самым значительным произведением в моей жизни. Знала я только, что мне несвойственно было писать что-то настолько личное, и поэтому предполагала, что меня могут осыпать насмешками за такую ужасную откровенность. Но я все же дописала эту книгу, потому что мне, по личным причинам, это было необходимо, а еще из любопытства, потому что хотела проверить, сумею ли я адекватно перенести свои переживания на бумагу. Могло ли мне прийти в голову, что мои собственные мысли и чувства могут так удивительно пересечься с мыслями и чувствами множества других людей?

Расскажу вам, насколько я ни о чем не догадывалась, когда работала над той книгой. Во время поездки, описанной в «Есть, молиться, любить», я влюбилась в бразильца по имени Фелипе, за которого сейчас вышла замуж, и в какой-то момент – в разгар нашего романа – спросила, не против ли он, если я опишу его в своих воспоминаниях. Он ответил: «Ну, не знаю. А чем я рискую?»

Я ответила: «Да ничем. Уверю тебя, мои книги *никто* не читает».

Дело кончилось тем, что книгу прочитали больше двенадцати миллионов человек.

И потому, что ее читали многие, и потому, что очень многие ее не приняли, в какой-то момент «Есть, молиться, любить» перестала быть просто книгой, а стала чем-то иным – гигантским экраном, на который проецируются сильнейшие эмоции миллионов. Эти эмоции варьировались от абсолютной ненависти до слепого преклонения. Я получала письма, где говорилось: «Вы отвратительны мне во всех проявлениях», и другие, где говорилось: «Ваша книга стала для меня библией».

Только представьте, что на основании всех этих реакций я попыталась

бы всерьез определить, чего я стою. Я и пытаться не стала. И только по этой единственной причине «Есть, молиться, любить» не встала у меня поперек дороги и не помешала мне писать и дальше – благодаря моему глубочайшему убеждению, что результат моей работы имеет ко мне очень мало отношения. Я могу отвечать только за то, чтобы собственно сделать работу. И это уже очень серьезная нагрузка. Увольте меня от всяких других нагрузок – например, от того, чтобы выяснять, кто что думает о моей работе, после того, как она покинула мой письменный стол.

Еще я поняла вот что: необоснованно и несерьезно ожидать, что если мне позволено поднять голос и выразить себя, то у других людей такого права нет. Если мне разрешили поделиться тем, что у меня за душой, то и мои критики с полным основанием могут сделать то же самое. Все по-честному. Уж если вы осмелились создать что-то и представить свое произведение вниманию публики, так будьте готовы к тому, что оно может вызвать реакцию. Таково естественное течение жизни: извечные вдох и выдох – действие и ответная реакция. Но вы не несете за эту реакцию никакой ответственности, даже если она окажется вызывающе причудливой и странной.

Однажды, например, женщина подошла ко мне подписать книгу «Есть, молиться, любить» и сказала: «Ваша книга изменила мою жизнь. Вы вдохновили меня на развод с мужем-насильником, и теперь я свободна. А все благодаря одному эпизоду в вашей книге, где вы описываете, как добились, что к вашему бывшему мужу применили защитное предписание, потому что не могли больше терпеть насилие».

Защитный ордер? Насилие?

Такого никогда не было! Ни в моей книге, ни в моей настоящей жизни! Невозможно даже вычитать такой сюжет между строк, настолько он далек от реальности. Но, как я догадываюсь, женщина подсознательно вставила эту историю – ее собственную – в мои воспоминания, потому что это было ей крайне необходимо. (Возможно, ей было легче это пережить, считая, что всплеск решимости и готовности к сопротивлению исходил от меня, а не от нее самой.) Однако, какими бы ни были ее мотивы, та женщина вплела себя в мой рассказ, а мой настоящий сюжет по ходу стерла. Выглядит более чем странно, но я признаю, что она имела полное право так поступить. Признаю, что у этой женщины есть Богом данное право неверно прочитывать мою книгу, если ей так хочется. Если на то пошло, как только книга попала к ней в руки, она стала принадлежать ей, уже не мне.

Распознать и признать этот неопровержимый факт, что реакция вам не принадлежит, только так можно не сойти с ума, занимаясь творчеством.

Если людям нравится то, что вы создаете, восторг. Если люди игнорируют то, что вы создаете, очень жалко. Если люди неправильно понимают то, что вы создаете, плюньте и не переживайте. А что, если люди яростно ненавидят то, что вы создаете? Если нападают на вас, брызжа ядовитой слюной, подвергая сомнению ваш ум, пороча ваши мотивы, полоща в грязи ваше доброе имя?

Просто мило улыбнитесь в ответ и предложите – любезно, насколько сможете, – им самим заняться искусством и создать, черт возьми, что-нибудь свое.

А затем упрямо продолжайте заниматься своим делом.

Мы были просто маленькой группой

Потому что в конечном итоге на самом-то деле все это не так уж важно.

Потому что в конечном итоге *это не просто творчество.*

Или как однажды Джон Леннон сказал о «Битлах»: «Мы были просто маленькой группой!»

Прошу, не поймите меня превратно, я прекрасно отношусь к творчеству. (И конечно, боготворю «Битлз».) Я посвятила всю свою жизнь творческим исканиям и потратила ох как много времени, убеждая и вдохновляя других заняться этим, потому что я уверена, что творческая жизнь – самая изумительная, какая только может быть.

Да, самые яркие, головокружительные мгновения я переживаю именно тогда, когда меня посещает вдохновение или когда я наслаждаюсь великолепными творениями других людей. И – да! – я безоговорочно верю в божественное или магическое происхождение наших творческих способностей. Впрочем, это не значит, что мы должны относиться к этому так уж серьезно, потому что в конечном счете мне все же кажется, что художественное самовыражение человека – это нечто восхитительно необязательное. И это ужасно приятно!

Вот что мне нравится во всем этом больше всего.

Радиоактивные канарейки

Считаете, я ошибаюсь? Вы из тех людей, кто верит, будто искусство – самая серьезная и важная штука в мире?

Если так, друг мой, нам с вами надо расстаться прямо здесь и сейчас.

Моя собственная жизнь – пример и неопровержимое доказательство того, что искусство мало что значит, хотя порой мы обманываем себя, внушая себе обратное. Но давайте же будем честны: нужно сильно постараться, чтобы найти дело, которое объективно менее ценилось бы в обществе, чем мое. Назовите профессию, любую профессию: учитель, врач, пожарный, таможенник, кровельщик, скотовод, охранник, политик, проститутка, даже бессмысленный «консультант», – любая из них неизмеримо важнее для поддержания человеческого общества, чем любой романист, во все времена.

Однажды в телесериале «Студия 30» я услышала забавный диалог, в котором была необыкновенно лаконично сформулирована та же идея. Джек Донаги высмеивал Лиз Лемон, утверждая, что писатель – это абсолютно бесполезный для социума элемент. Она же пыталась доказать свою важность и значимость.

Джек. В каком, например, качестве ты могла бы послужить людям в мире постапокалипсиса? Да ни в каком!

Лиз. Странствующего барда!

Джек (презрительно). Радиоактивной канарейки!

Думаю, Джек Донаги был прав, но это не обескураживает меня. Наоборот, все просто чудесно. Тот факт, что я провожу всю жизнь, занимаясь объективно бесполезными вещами, означает, что я живу *не* в постапокалиптической антиутопии. Он означает, что у меня нет необходимости заботиться только и исключительно о том, как выжить. Этот факт означает, что в нашем мире пока еще хватает места для такой роскоши, как воображение, красота и чувство – и даже для легкомыслия.

Чистое творческое начало безоговорочно прекрасно, *потому что* противоположно всему тому в жизни, что необходимо или неизбежно (еда, кров, лекарства, правовые нормы, социальное устройство, ответственность перед семьей и обществом, болезни, утраты, смерть, налоги и все такое). Чистое творческое начало – это нечто лучшее, чем необходимость. Это дар. Вишенка на торте. Наши творческие силы – это нежданный и безмерный бонус от Вселенной. Как если бы все боги и ангелы собрались вместе и

сказали: «Людам туговато приходится там внизу, мы знаем. Вот, отвлекитесь».

Другими словами, меня ничуть не приводит в уныние мысль о том, что дело моей жизни, возможно, бесполезно.

Из-за всего этого мне только больше хочется *играть*.

Высокие ставки против низких ставок

Конечно, следует сказать о том, что в мире есть мрачные и скверные места, где просто недостает легкости и чувства свободы, из которых могли бы развиваться творческие силы, а попытки личности выразить себя чреваты серьезными и весьма тяжелыми последствиями.

Если кому-то из вас выпало быть инакомыслящим журналистом в нигерийской тюрьме, или радикальным кинорежиссером под домашним арестом в Иране, или женщиной-поэтессой в Афганистане, борющейся за то, чтобы быть услышанной, или кем-то – практически кем угодно – в Северной Корее, это *именно те* случаи, когда ваше творческое самовыражение может стоить жизни. Это чрезвычайно высокая ставка. Есть люди, упорно и мужественно продолжающие создавать произведения искусства, несмотря на то что живут при жутких тоталитарных режимах. Эти люди – герои, низкий им поклон.

Но давайте честно взглянем правде в глаза: среди нас таких немного.

В безопасном мире, где, скорее всего, живу не только я, но и вы, за занятия творчеством и самовыражение приходится платить низкую *цену*. Порой смехотворно низкую. Например, если издателям не понравится моя книга, ее могут не напечатать, что меня огорчит, но никто не явится ко мне домой и не расстреляет меня за нее. Точно так же никто пока не умер из-за отрицательной рецензии в «Нью-Йорк таймс». Таяние полярных льдов не ускорится и не замедлится из-за того, что я не могу придумать убедительную концовку для своего романа.

Может быть, я не всегда буду добиваться творческого успеха, но мир из-за этого не погрязнет во зле. Может быть, я не всегда смогу зарабатывать на жизнь писательским трудом, но и это не конец света, потому что есть масса других способов заработать деньги, и многие из них куда проще, чем писать книги. И хотя неудачи и критика несомненно могут больно ударить по моему драгоценному эго, судьбы мира от моего драгоценного эго не зависят. (И слава богу.)

Так что давайте попытаемся усвоить эту истину: ни в вашей, ни в моей жизни, скорее всего, никогда не возникнет такого обстоятельства, как «крайняя необходимость заниматься творчеством».

А теперь, когда мы приняли это к сведению, почему бы не заняться творчеством?

В разговор вступает Том Уэйтс

Много лет назад я брала интервью у музыканта Тома Уэйтса для журнала «GQ». Я рассказывала об этом интервью раньше и, видимо, буду вспоминать его еще не раз, потому что не встречала никого, кто бы настолько же четко и мудро рассуждал о творческой жизни.

Во время нашей беседы Уэйтс разразился пафосной тирадой насчет разных форм, какие может принимать замысел, пока превращается в песню. Некоторые песни, говорил он, рождаются у него до нелепости легко, «как будто потягиваешь сны через соломинку». Над некоторыми, впрочем, приходится попотеть, «словно выкапываешь картошку из глины». Бывают и другие песни, клейкие и дурные, «прямо как жвачка, прилепленная снизу к старому столу», а еще песни, похожие на диких птиц, к ним ему приходится подкрадываться, тихонько заходить сбоку, а то спугнешь – и улетят.

Самые сложные и капризные песни, однако, повинуются только твердой руке и властному голосу. Бывает, продолжал Уэйтс, что они просто не желают появляться на свет, и из-за этого тормозится запись целого альбома. Уэйтс признался, что в таких случаях выгоняет из студии всех музыкантов и операторов, чтобы жестко поговорить с такой особо упрямой песней. В одиночестве он расхаживает по студии и кричит в полный голос: «Слушай, ты! Мы же собрались вместе покататься! Вся семья уже в машине сидит! У тебя пять минут на посадку – а не хочешь, альбом выйдет и без тебя!»

Иногда это срабатывает.

Иногда нет.

Иногда приходится махнуть рукой. Некоторые песни еще просто не дозрели и не хотят рождаться всерьез, сказал Уэйтс. Им бы только помучить тебя, заставить впустую тратить время и нервы, хотя, вполне возможно, они дожидаются другого артиста. В рассуждениях певца сквозила мудрость. Ему приходилось страдать и мучиться, теряя песни, рассказывал он, но теперь появилось *доверие*. Он верит, что, если песня всерьез решила родиться, она придет к нему такой, как надо, и в нужное время. А если нет, он отпускает ее восвояси без обид и с легким сердцем.

– Ступай мучай кого-нибудь другого, – говорит он докучливой песне-которая-не-желает-стать-песней. – Иди помучай Леонарда Коэна.

С годами Том Уэйтс обрел наконец чувство уверенности, смог

отпустить себя, позволил себе проще относиться к процессу творчества – не драматизируя, не боясь. Этой легкостью, рассказал Уэйтс, он обязан, в частности, своим детям. Наблюдая за ними, он поражался, насколько свободны дети в своих творческих проявлениях. Он обратил внимание на то, что его дети постоянно щебечут, напевают, выдумывают все новые песенки и мелодии. Для них это процесс естественный, как дыхание, а когда это занятие им надоедало, они легкомысленно отмахивались от своих сочинений, «просто отбрасывали, как фигурку оригами или бумажный самолетик».

В следующий момент они уже могли подхватить совсем другую песню, услышанную по радио. Казалось, их совершенно не пугает, что поток идей может иссякнуть. Их никогда не волновали мысли о собственных творческих силах, и еще они никогда не соперничали друг с другом – просто жили, купаясь во вдохновении, чувствуя себя естественно и комфортно.

У Уэйтса в свое время дела обстояли иначе. Он рассказал мне, что в юности всерьез боролся со своим творческим началом, потому что, подобно многим серьезным молодым людям, хотел, чтобы в нем видели человека основательного, значительного, солидного. Он хотел, чтобы его работы были лучше, чем у прочих. Стремился быть сложным и глубоким. А в результате были моральные страдания, мучения, было пьянство, душа блуждала во мраке. Муки творчества стали для него фетишем, он тонул в них, но называл эти муки другим словом: призвание.

Но, любуясь тем, как свободно творят его детишки, Уэйтс пережил прозрение. Все это, в сущности, не так уж важно, понял он. Он сказал мне: «Я понял, что единственное мое реальное дело как музыканта и автора песен – это изготавливать украшения для человеческих мозгов». Музыка не что иное, как декорации для воображения. И только-то. Осознав это, продолжал Уэйтс, он словно заново увидел мир вокруг. После этого писать песни стало не так мучительно.

Внутричерепная ювелирка! Какая прикольная работа!

А в общем-то, все мы занимаемся тем же – все мы, те, кто день за днем делает всякие любопытные вещи без какой-либо рациональной причины. Если вы творите, то можете создать любой дизайн ювелирных украшений для мозгов или души других людей (или просто для собственных мозгов и души). Можете сделать свое произведение провокационным, агрессивным, сакральным, авангардным, традиционным, серьезным, разящим, развлекательным, брутально-жестким, затейливо-вычурным... но, сделанное и высказанное, все это не более чем внутричерепная ювелирка.

Просто декоративные украшения. И они великолепны. Но скажем честно, разве стоит из-за этого себя изводить?

Расслабьтесь чуть-чуть – вот что я хочу сказать.

Ну, пожалуйста, постарайтесь расслабиться.

Иначе все это не имеет никакого смысла!

Главный парадокс

Итак, подводим итог: искусство абсолютно бессмысленно.

Однако одновременно оно наделено глубоким смыслом.

Это, конечно, парадокс, но мы с вами взрослые люди и, надеюсь, как-нибудь сможем это переварить. Я думаю, каждый из нас способен воспринять две взаимоисключающие мысли одновременно, и мозг при этом не взорвется. Вот и давайте попытаемся. Парадокс, который вам нужно спокойно воспринять, если вы хотите вести радостную творческую жизнь, звучит как-то так: «Мое самовыражение в творчестве должно быть для меня самой важной в мире вещью (если я хочу заниматься искусством), а еще оно не должно иметь никакого значения (если я хочу сохранить рассудок и жить нормально)».

Иногда вам придется буквально за минуты перескакивать из одного края этого парадоксального спектра в другой, а потом обратно. Работая над этой книгой, например, я вожусь с каждой фразой так, словно будущее человечества зависит от того, окажется ли фраза точной.

Мне не безразлично, потому что я хочу, чтобы книга получилась хорошей. Значит, фраза требует полной отдачи, любое другое отношение – позорная небрежность. Но когда я начинаю исправлять свою фразу – иногда сразу же после того, как она была написана, – мне хочется выбросить ее к свиньям, чтобы никогда больше не видеть. (Если только я не решу, что фраза мне все-таки нужна, – тогда, разумеется, придется вырыть ее косточки, реанимировать и снова взирать на нее как на сокровище.)

Это важно. / Это неважно.

Освободите в мыслях пространство для этого парадокса. Как можно больше пространства – сколько сможете.

А теперь еще больше.

Это вам потребуется.

А теперь войдите в это пространство – поглубже, насколько только сможете, – и делайте абсолютно все, что вам заблагорассудится.

И никого это не касается – это ваше личное дело.

Упорство

Принесение обета

Когда мне было лет шестнадцать, я дала обет стать писателем.

То есть *буквально* – так девушка с иным складом характера дала бы обет стать монахиней. Конечно, мне пришлось придумать для этого собственную церемонию, потому что до сих пор никто не создал соответствующего обряда для подростка, мечтающего стать литератором. Но я включила воображение, страстно взялась за дело – и все получилось. Однажды вечером я ушла к себе и выключила в комнате весь свет. Потом зажгла свечу, встала на колени и поклялась, что буду хранить верность выбранному делу и писать до конца своего земного бытия.

Это был весьма своеобразный обет, но вместе с тем, я уверена, достаточно разумный. Я не обещала, что добьюсь успеха, поскольку уже тогда чувствовала, что успех не будет зависеть от меня. Не обещала я и того, что стану талантливым писателем – откуда я знаю, есть у меня талант или нет. Я не поставила никаких временных ограничений и условий вроде: «Если к тридцати годам не издам ни одной книги, то откажусь от своей мечты и найду себе другую работу». По сути, я не ставила себе вообще никаких условий или ограничений. Никакого предельного срока.

Нет, я просто дала слово миру, что буду всегда писать, независимо от результата. Я пообещала, что постараюсь не трусить, буду благодарной и по возможности не стану ныть и жаловаться. Еще я обещала, что никогда не буду требовать от своих литературных занятий, чтобы они обеспечивали меня финансово. Наоборот, это я всегда буду о них заботиться – и в случае необходимости всегда смогу прокормить нас обоих, так или иначе. Я не просила никаких наград и поощрений за свое призвание: я просто хотела прожить жизнь, по возможности занимаясь писательским трудом – всегда находясь в непосредственной близости к этому источнику интереса и всяческой радости, – а следовательно, готова была выполнить любые условия и пойти на определенные ограничения, чтобы этого добиться.

Любопытно, что я сдержала слово и исполнила свои обещания. Я исполняла их годами. Я и сейчас их исполняю. За свою жизнь я нарушила множество обещаний (включая брачный обет), но эту клятву не нарушала никогда.

Я пронесла верность этому слову даже сквозь бури и хаос своей молодости – тогда, лет в двадцать с чем-то, я была до того постыдно безответственной, что трудно представить. Но несмотря на всю свою незрелость, беззаботность и бесшабашность, я, тем не менее, с твердостью святого праведника хранила верность обету писать.

Все те годы я упорно ежедневно писала. В какой-то момент у меня появился парень – он был музыкантом и занимался каждый день. Он играл гаммы, я сочиняла небольшие рассказы. Идея за этим стоит одна и та же: чтобы лучше освоить свое ремесло, надо постоянно набивать руку. Были скверные деньки, когда я совсем не ощущала вдохновения, тогда я ставила кухонный таймер на тридцать минут и заставляла себя сидеть и писать – царапать на бумаге *хоть что-нибудь*. Когда-то я прочитала интервью с Джоном Апдайком, где он говорит, что некоторые, самые блестящие романы писались по одному часу в день. Вот я и решила, что всегда могу выделить в день хоть полчаса, чтобы посвятить своему делу, и неважно, что там происходит вокруг, и неважно, если мне кажется, что пишу я из рук вон плохо.

По большому счету, работа и впрямь шла плохо. Я *правда* не понимала, что делаю. Иногда возникало ощущение, что, надев рабочие рукавицы, я занимаюсь тонкой резьбой по слоновой кости. На каждую мелочь уходила бездна времени. Ничего не получалось. На написание крохотного рассказика я могла ухлопать целый год. В основном я занималась подражанием любимым авторам. Прошла стадию Хемингуэя (у кого ее не было?), проходила весьма серьезный этап Энни Пру^[3] и довольно щекотливую стадию Кормака Маккарти^[4]. Но вообще-то вначале так бывает со всеми: все подражают, пока не почувствуют, что могут создать что-то свое, новое.

Некоторое время я пыталась писать в стиле южной готики^[5], так как чувствовала, что в этом куда больше новизны и своеобразия, чем в моих собственных новоанглийских впечатлениях. Впрочем, в качестве бытописателя американского Юга я оказалась не слишком убедительна, но

это лишь потому, что никогда не жила на Юге – ни одного дня. (Моя подружка, а она родом с Юга, прочтя один из моих рассказов, в сердцах бросила: «Расписываешь всех этих людей, как они сидят на крылечке, да щелкают арахис, а ведь сама-то в жизни не сидела на крыльце, жуя арахис! Да, девушка, нахальства тебе не занимать!» Да уж, что есть, то есть. Стараемся.)

Все это было непросто, но не в том суть. Я никогда не мечтала, чтобы писать было просто, я мечтала только, чтобы писать было *интересно*. И мне всегда было интересно этим заниматься. Даже когда я толком не знала, с какой стороны за это взяться, мне все равно было интересно. И мне интересно этим заниматься до сих пор. Нет ничего, что было бы мне интереснее. Это неиссякаемое ощущение заинтересованности помогало мне в работе, даже когда что-то не клеилось и не было видимых успехов.

И дело мало-помалу шло на лад.

Таков простой и великодушный закон жизни: чем-то упорно занимаясь, ты в этом совершенствуешься. Представьте, что лет с двадцати я каждый божий день играла бы в баскетбол, пекла на кухне печенье или возилась с автомобилями. Наверное, сейчас я бы лучше всех забрасывала мяч в корзину, была экспертом по круассанам или коробкам передач.

Ну а я вместо этого училась писать.

Предупреждение

Но это не означает, что если вы не начали заниматься творческой деятельностью в двадцатилетнем возрасте, то все потеряно!

Ни в коем случае! Не думайте так!

Ни в каком возрасте не поздно начать.

Я могла бы привести десятки поразительных примеров того, как люди довольно поздно – иногда очень поздно! – вставали на творческий путь. Но в целях экономии времени расскажу вам только об одной из них.

Ее звали Уинифред.

Я познакомилась с ней в 1990-х, в Гринвич-Виллидже. Наша первая встреча состоялась на вечеринке по поводу ее девяностолетия – кстати, очень бурной и разгульной. Она была подругой моего приятеля (парнишки, которому тогда было чуть за двадцать – у Уинифред было множество друзей, всех возрастов и с разным жизненным опытом). В тот день Уинифред буквально царила на Вашингтон-сквер. Она была местной знаменитостью, самой настоящей легендой, богемный Виллидж запомнил ее навсегда. Длинные рыжие волосы Уинифред укладывала в величественную башню на макушке, всегда драпировалась в ткани янтарных тонов. Пока был жив ее последний супруг (ученый), они ездили по всему свету и гонялись за тайфунами и ураганами – просто так, забавы ради. Она и сама была сродни урагану.

Уинифред была самой живой и яркой женщиной из всех, кого мне довелось встретить в юности. И однажды, в поисках вдохновляющих идей, я спросила у нее: «Какую книгу из всех прочитанных вы считаете лучшей?»

Уинифред ответила: «Ах, дорогуша. Мне ни за что не выбрать одну, уж слишком многие книги для меня важны и дороги. Но могу назвать тебе свою любимую тему. Десять лет назад я начала изучать историю Древней Месопотамии, и она стала моей страстью, так вот что я тебе скажу – *это полностью изменило мою жизнь*».

Мне, в мои двадцать пять лет, слышать, как девяностолетняя вдова рассказывает, что ее жизнь полностью переменялась благодаря страсти (и совсем недавно!), было настоящим откровением. Это был один из тех моментов, когда я почти *физически почувствовала*, как расширяются мои горизонты, словно в голове появилось множество дверей и открылся доступ к бесконечно разнообразным возможностям в жизни женщины.

Но когда я стала дальше слушать рассказ Уинифред о ее страсти, меня больше всего поразило то, что эта старушка была настоящим экспертом по истории Месопотамии. Она, что ни говори, посвятила этой области десяток лет, а если на протяжении десяти лет увлеченно отдаваться *чему-либо*, невозможно не стать экспертом в этой области. (За это время можно успеть защитить диплом и две диссертации.) Уинифред неоднократно участвовала в археологических раскопках на Среднем Востоке, она изучила клинопись, была на дружеской ноге с авторитетнейшими учеными и специалистами в этой области, никогда не пропускала соответствующие музейные выставки или лекции, проходившие в городе. Люди обращались к Уинифред за консультациями по Древней Месопотамии, потому что теперь уже *она* стала считаться авторитетом.

Я была совсем девчонкой, только что окончившей колледж. Где-то в глубине души я была уверена, что раз уж Нью-Йоркский университет выдал мне диплом, то на этом мое образование окончено. Встреча с Уинифред заставила меня понять, что образование не заканчивается, когда *кто-то* говорит, что оно закончено. Вот ведь Уинифред – когда была совсем еще девчонкой восьми – десяти лет – твердо решила: *еще ничего не кончено*.

Итак, когда же можно вступить в самый творческий, самый страстный период своей жизни?

Вы можете начинать в любой момент, когда захотите начать.

Пустое ведро

Я продолжала работать.

Я продолжала писать.

Меня продолжали не публиковать – ну и ладно, зато я продолжала учиться.

Самым большим плюсом этих лет, проведенных в полной собранности и уединенной работе, было вот что: я научилась распознавать некие закономерности творческого импульса, а точнее, начала распознавать закономерности, *присущие мне*. Я заметила, что у моего собственного творческого процесса есть определенные психологические циклы и эти циклы похожи один на другой.

Я научилась говорить себе:

«Подумаешь. Это неизбежный этап работы – когда начинает казаться, что лучше было вообще не начинать. Помню-помню. Я всегда прохожу эту стадию». Это когда я с энтузиазмом бралась за очередной проект, но через пару недель чувствовала, что начинаю падать духом.

Или: «Вот я и на этапе, когда говорю себе, что никогда больше не напишу связного предложения».

Или: «А это стадия, когда я ругаю себя за то, что я такая ленивая и никчемная».

Или: «Это стадия, когда я начинаю ужасаться, представляя, какими разгромными будут рецензии, даже если этот текст вообще когда-нибудь напечатают».

Или после окончания проекта: «А в это время я всегда паникую, что больше никогда не смогу ничего написать».

За годы усердного труда я обнаружила, что если не поддаваться панике и просто продолжать работать, то можно благополучно миновать каждую из стадий тревоги и перейти на следующий уровень. Я утешала себя напоминаниями, что такие страхи – это стандартная человеческая реакция на встречу с неизвестным. Если мне удавалось убедить себя, что надо продолжать, что мы *созданы* для встречи с вдохновением, что это вдохновение *хочет* с нами работать, то удавалось и пробраться по этим эмоциональным минным полям, не подорвавшись до окончания работы.

Иногда в такие моменты я почти слышала, как творческая сила говорит со мной, тонущей в пучине страха и сомнений.

Останься со мной, говорила она. Вернись ко мне. Доверься мне.

Я решила ей довериться.

И самое важное что у меня было, мое непоколебимое ощущение счастья, опиралось на прочность этой веры.

Особенно элегантный комментарий по поводу этого инстинкта принадлежит нобелевскому лауреату Шеймусу Хини^[6], который сказал, что, когда учишься писать стихи, не нужно ожидать, что сразу получится хорошо. Начинающий поэт опускает ведро только до середины колодца и раз за разом вынимает его пустым. Разочарование велико. Но все равно нужно продолжать. После долгих лет упорного труда, сказал Хини, «цепь вдруг неожиданно натянется, дернет, и вы погрузитесь в воду, вас потянет на глубину. И тогда старайтесь не утонуть в собственных глубинах».

Пирог с дерьмом

Тогда же, в двадцать с чем-то лет, я дружила с другим писателем-новичком, таким же, как я. Помню, как он погружался в мрачную пучину депрессии, стеная, что у него нет таланта, что его не публикуют. Он то хандрил, то впадал в ярость.

– Надоело сидеть и ждать у моря погоды, – рычал он. – Должны же все мои усилия к чему-то привести наконец. Я ведь хочу, чтобы это стало моей профессией!

Даже тогда мне казалось, что в своих рассуждениях он что-то упускает.

Судите сами, меня тоже не публиковали, да и жила я тоже впроголодь. Я была бы счастлива получить все то, чего хотел и он: успех, вознаграждение, признание. И мне не понаслышке были знакомы разочарование и чувство отчаяния. Но я думала, что уметь держать удар и справляться с разочарованием и безысходностью – это *тоже* часть творческой профессии. Я рассуждала так: если ты решил быть художником (в любой области), тогда умение справиться со своим отчаянием – важная часть твоей работы. Может быть, даже наиважнейшая часть – единственное, что вообще имеет значение. Отчаяние – это не помеха творческому процессу, оно *часть* процесса. Есть и приятная часть (которая вообще не воспринимается как труд) – это когда вы действительно создали что-то прекрасное, и все идет просто великолепно, всем ваша работа нравится, и вы парите в поднебесье. Но такие мгновения крайне редки. Вы не можете перескакивать от одного яркого момента к другому. Как вы справляетесь с собой *между* этими чудесными моментами, когда все идет не так замечательно, – вот истинная мера того, насколько вы преданы своему призванию и хорошо ли подготовлены к причудливым поворотам творческой жизни. Крепко держать себя в руках на всех этапах творческого процесса – вот что такое настоящий труд.

Совсем недавно я прочитала изумительный блог писателя Марка Мэнсона, где сказано, что секрет поиска своего призвания в жизни таится в ответе на вопрос: «Какой сорт пирога с дерьмом вы предпочитаете?»

Мэнсон имеет в виду вот что: каким бы чудесным, замечательным и блестящим ни казалось вам поначалу занятие – любое! – оно неизбежно имеет свои мерзкие побочные эффекты, свой, как выразился блогер, пирожок с дерьмом. Как дальше с глубокой мудростью пишет Мэнсон: «За

что ни возмись, любое дело отстой – по крайней мере, иногда». Так что проблема не столько в том, чем ты увлечен, сколько в другом: увлечен ли ты этим *настолько*, чтобы выдержать даже самые неприятные аспекты выбранного дела?

Мэнсон объясняет свою мысль: «Если ты хочешь стать профессиональным художником, но не готов к тому, что твои картины не будут признаны, что их отвергнут раз сто, если не тысячу, ты проиграл, даже не начав. Если ты решил заделаться крутым судебным юристом, но не собираешься пахать по восемьдесят часов в неделю, чувак, у меня для тебя скверные новости».

Потому что если любишь что-то и достаточно сильно чего-то хочешь – все равно чего, – не вороти нос от пирожка с дерьмом, когда до этого дойдет дело.

Если, например, вы действительно хотите ребенка, то не испугаетесь токсикоза с тошнотой по утрам.

Если вы серьезно намерены стать пастором, придется набраться терпения и выслушивать людей, которые делятся своими проблемами.

Если хотите стать актером, будьте готовы к бытовым неудобствам и дискомфорту во время гастролей.

Если решили посмотреть мир, помните: вы рискуете, что вас обчистят в поезде.

Если вы хотите всерьез заниматься фигурным катанием на коньках, придется ежедневно вскакивать ни свет ни заря и нестись на каток.

Тот друг моей юности постоянно повторял, что всем сердцем хочет стать писателем, но оказалось, что он не готов откусить от пирожка с дерьмом, который полагался в нагрузку. Не спорю, ему нравилось писать, но не *настолько*, чтобы вынести позор и бесславие, не добившись желаемых результатов сразу же, как ему того хотелось. Он не был готов усердно трудиться над чем-то бесполезным, пока не будет гарантии жизненного успеха, как он его понимал.

А это значит, думается мне, что он хотел стать писателем только *наполовину*.

И – что бы вы думали? – вскоре он и правда ушел.

А я осталась, пожирая голодными глазами его недоеденный пирог с дерьмом, и меня так и подмывало спросить: «Доедать будешь?»

Вот до чего я любила свое дело: я даже была готова съесть чужой дерьмовый пирог, если бы это помогло еще больше времени заниматься литературным трудом.

Основная работа

Все время пока я училась писательскому ремеслу, у меня была основная работа.

Даже после того, как меня начали печатать, я не бросала свою работу (или, точнее говоря, *свои работы*), даже когда написала три книги, и все три были опубликованы в крупных издательствах, а в «Нью-Йорк таймс» появились положительные рецензии. Одна из книг даже была номинирована на Национальную книжную премию. Глядя со стороны, можно было подумать, что я уже всего достигла. Но я не рисковала, потому не увольнялась с основной работы.

Так было до тех пор, пока у меня не вышла четвертая книга (это была, прости, Господи, та самая несчастная «Есть, молиться, любить»). Только тогда я наконец позволила себе отказаться от другой работы и стать литератором, который только пишет книги.

Я так долго сохраняла другие источники дохода, потому что не хотела обременять свое литературное призвание, вешать на него обязанность поддерживать меня финансово. Я так осторожничала, оберегая свое призвание, потому что не раз в жизни видела, как люди убивают в себе творческую силу, требуя, чтобы их мастерство платило по счетам. Я видела, как художники доводили себя до отчаяния и безумия из-за уверенности, что они ничего не стоят, если не смогут прокормить себя своим творчеством. А когда творчество не оправдывает ожиданий (оказывается, что его на хлеб не намажешь), художника охватывают обида и тревога, что может привести к краху. Хуже всего, что часто эти люди вовсе бросали занятия творчеством.

Мне лично всегда казалось, что это слишком жестоко по отношению к моему делу – требовать, чтобы оно регулярно оплачивало мои счета, будто творчество – это служба в госучреждении или банке. Слушайте, если вы можете позволить себе жить за счет своего творчества, это просто фантастика. О таком можно только мечтать! Но не позволяйте же этой мечте превратиться в кошмарный сон. Финансовые потребности могут оказаться слишком тяжким бременем для такой тонкой и капризной штуки, как вдохновение. В общем, лучше вам взять этот вопрос на себя. Заявить, что вы слишком творческая личность, чтобы заниматься прозой жизни и думать о деньгах, значило бы показать себя незрелым человеком – уверена, вы не хотите выглядеть незрелыми людьми, это унижительно. (Другими словами, очень здорово быть в душе ребенком, т. е. чистым и искренним в

своем деле, как дитя, но опасно быть инфантильным.)

Есть и другие инфантильные заморочки, а именно: мечта о выгодном браке ради денег, мечта о наследстве или выигрыше в лотерею, мечта о супруге-служанке (неважно какого пола), которая взвалит на себя все бытовые проблемы, пока вы на пару с вдохновением беззаботно занимаетесь чистым искусством.

Да вы что?

Тут вам *мир*, а не материнская утроба. Вы вполне можете позаботиться о себе, одновременно заботясь о своих творческих силах, как делают люди испокон века. Более того, если вы можете сами заботиться о себе, это позволяет уважать себя, а самоуважение полезно и для ваших произведений, оно придает им *силы*.

К тому же бывают времена, когда искусство может вас прокормить, но часто бывает иначе. Не надо отчаиваться, это не кризис – в потоке творческой жизни это совершенно нормальное явление. А может, случилось так, что вы пошли на риск, чтобы воплотить творческую мечту, но дело не окупилось, и теперь вы вынуждены работать «на дядю» и копить деньги, пока не настанет время для погони за новой мечтой. И правильно, так и надо. Но повышать голос на свое творческое начало и заявлять: «Ты должно зарабатывать мне деньги!» – все равно что кричать на кошку. Она не поймет, о чем вы говорите, и вы только отпугнете ее, потому что кошке не нравятся такие громкие звуки и злобно перекошенные физиономии.

Я так долго не отказывалась от основных заработков, потому что желала своему творческому началу свободы и безопасности. Источники дохода нужны были для того, чтобы, когда вдохновение не будет бить ключом, успокоить его: «Не волнуйся, дружище. Не торопись. Когда соберешься, позови, я здесь». Я всегда работала усердно и охотно, а творческому началу позволяла не напрягаться. Таким образом я стала *сама себе хозяйкой, сама себе служанкой*.

Сколько раз меня подмывало сказать раздраженным и вымотанным из-за безденежья художникам: «Расслабься, приятель, и просто иди работать!»

В том, чтобы работать, нет ничего позорного. Позорно другое: отпугивать собственный талант требованием взять себя на содержание. Вот почему каждый раз, как кто-то заявляет, что уходит с работы, чтобы писать роман, мне делается не по себе. И вот почему, когда кто-то сообщает, что намерен разделаться с долгами, выгодно продав свой первый сценарий, я прямо балдею, я думаю: ну-ну.

Давай пиши свой роман! Вперед, пытайся продать сценарий! Желаю от

чистого сердца, чтобы фортуна тебе улыбнулась и осыпала наградами. Но умоляю, не рассчитывай на выигрыш, потому что выигрыши исключительно редки, а ты рискуешь погубить свой творческий дар, предъявляя ему такие жесткие ультиматумы.

Вполне можно заниматься искусством в свободное от основной работы время. Так я написала целых три книги – и, если бы не чумовой успех «Есть, молиться, любить», поступала бы так же до сих пор. Так же поступала Тони Моррисон^[7]: вставала в пять утра, чтобы поработать над своим романом, а потом бежала на основную, реальную работу в издательстве. То же самое делала Дж. К. Роулинг – тогда еще неимущая мать-одиночка, – борясь за существование и попутно работая над книгами. И подруга моя, Энн Пэтчетт^[8], делала то же самое, когда работала официанткой в «Фрайдис», улучая свободные минуты, чтобы писать. А взять других моих приятелей, супружескую пару, – оба художники-иллюстраторы, но у обоих есть и другая, основная работа. Каждое утро они встают на час раньше своих детей, чтобы спокойно порисовать, сидя вдвоем в тесной студии.

Люди делают так не потому, что им некуда девать время и силы, а потому, что творчество для них важно и ради него они готовы на всяческие жертвы.

Именно так поступают все, кроме, конечно, богатых помещиков.

Укрась своего быка

На протяжении всей истории множество людей занимались искусством, улучив минутку, урывая эти крохи свободного времени, мало того, зачастую они еще и использовали ворованные материалы. (Ирландский поэт Патрик Каванах чудесно написал об этом: «Глянь только, эта краса / создана собственноручно / человеком обычным / из матерьяла подручного».)

Однажды в Индии я встретила бедняка, у которого не было ничего, кроме одного-единственного быка. Но у быка было целых два великолепных рога. В знак того, как он дорожит своим быком, бедняк выкрасил один рог пронзительно-розовой краской, а другой – бирюзовой. Потом приклеил на концы рогов маленькие колокольчики, так что стоило быку повернуть голову, и его ослепительные рога, розовый и голубой, начинали мелодично звенеть.

Тот индус был почти нищим, влачил жалкое существование, но он украсил быка по максимуму, в дело пошли все подручные материалы, все, что он смог раздобыть: строительная краска, тюбик клея и колокольчики. Он доверился своему творческому порыву – и стал обладателем самого красивого и необычного быка в городке. Зачем? *Да просто так.* Потому что украшенный бык лучше, ясно же! (Судите сами: тот фантастичный бык стал единственным животным, которое я отчетливо помню – через одиннадцать лет! – после поездки в ту индийскую деревушку. Какие вам еще нужны доказательства?)

Идеально ли это для занятий творчеством – поневоле создавать искусство урывками, из «матерьяла подручного»? Не особо. А может быть, *самое то*. Может быть, это вообще неважно, потому что именно так было всегда. У людей вечно не хватает времени и средств, у них, как правило, нет спонсоров, меценатов и наград... и все же они упорно занимаются своим делом. Продолжают создавать свои произведения, потому что им это небезразлично. Потому что они призваны быть творцами, чего бы это ни стоило.

Деньги помогают, кто с этим поспорит. Но если бы все дело упиралось только в них, представьте, какими великолепными художниками, какими оригинальными мыслителями стали бы миллионеры! Но так просто не бывает. Ведь предпосылки творчества одинаковы для всех: храбрость, волшебство, разрешение себе, упорство, вера, – и все они общедоступны.

Впрочем, это не значит, что творческая жизнь проста и легка. Это значит только одно: она в принципе всегда *возможна*.

Я читала потрясающее письмо Германа Мелвилла. В нем он жалуется своему другу Натаниелу Готорну, что никак не может выкроить время для работы над своей книгой про кита, потому что житейские мелочи так и рвут его на части. Мелвилл говорит, что мечтает иметь бездну свободного времени, чтобы писать (он называет это «настроением покоя, невозмутимости, безмолвия, в коем произрастают травы – только в таком настроении *должно* заниматься сочинительством»), но ему недоступна подобная роскошь. Он находился в стесненных обстоятельствах, в состоянии душевной смуты, и не мог спокойно писать часами напролет.

Не знаю ни одного художника (успешного или нет, любителя или профессионала), который не мечтал бы о таком времени для себя. Нет такой творческой души, которая не желала бы страстно того, чтобы работать дни напролет в покое, невозмутимости и безмолвии, в коем произрастают травы. Не знаю почему, но достичь этого, похоже, никому не удастся. Или если все же получается (получив, скажем, грант, некую помощь друга или попав в аспирантуру по специальности), то идиллия эта кратковременна, а потом все неизбежно возвращается на круги своя. Даже самые успешные творческие личности из тех, кого я знаю, постоянно сетуют, им *всегда* не хватает времени на то, чтобы уйти в спокойный, без давления и спешки, творческий поиск. Насущные потребности то и дело барабаниют в дверь, отвлекая их. Где-то «на планете иной», в каких-то других временах такая идиллическая ситуация, возможно, и существует, но только не на нашей земле.

Мелвилл, к примеру, так ничего подобного и не дождался.

Однако каким-то образом сумел-таки написать своего «Моби Дика».

Заведите роман

Почему люди продолжают творить, даже когда это трудно, неудобно и чаще всего не окупается материально?

Они продолжают, потому что влюблены.

Продолжают, потому что без ума от своего призвания.

Позвольте мне объяснить, что я имею в виду, говоря *без ума*.

Вы же знаете, как люди, заведя интрижку на стороне, всегда ищут возможности увидеться, чтобы заняться необузданным сексом? И что с того, что у них есть работа, а дома ждут семьи. Им все равно удастся улучшить свободную минутку, чтобы улизнуть на свидание с любимым – вопреки всем трудностям, с риском, любой ценой. И пусть это будет всего четверть часа, на лестнице, они не упустят это время и вопьются друг в друга как безумные. (Кстати, от мысли о том, что им дано лишь пятнадцать минут, страсть разгорается еще пуще.)

Когда у людей роман, они забывают про сон, забывают поесть. Они готовы все принести в жертву, преодолеть любые препятствия, лишь бы уединиться с предметом своей страсти и обожания, *потому что им это важно*.

Влюбитесь в свое призвание так же безоглядно, и вы увидите, что случится.

Перестаньте относиться к призванию как к давнему, нелюбимому, в зубах навязшему супругу и взгляните на него по-новому, глазами страстно влюбленного. Пусть вы можете провести наедине с призванием всего четверть часа на лестнице, не упускайте их. Бегите туда, на лестницу, и творите! (За пятнадцать минут можно много чего успеть, любой хитрюга подросток вам это подтвердит.) Ускользните от всех и заведите романчик с самой творческой стороной своего «я». Не говорите никому правды о том, чем занимаетесь в обеденный перерыв. Притворитесь, что уехали в отпуск или командировку, а сами спрячьтесь и занимайтесь живописью, пишите стихи, чертите план фермы, где будете разводить экологически чистые грибы. Скрывайте свои намерения от родных и друзей. Сбегайте от всех на вечеринке, чтобы танцевать в темноте, уединившись со своими идеями. Просыпайтесь среди ночи, чтобы побыть наедине с вдохновением, пока никто не видит. Плюньте на сон, вам сейчас не до него.

От чего еще вы готовы отказаться, чтобы остаться наедине с любимым?

Не относитесь к творчеству как к обузе, думайте о том, как все это вас волнует.

В разговор вступает Тристрам Шенди

А еще попробуйте добиться, чтобы ваше вдохновение сочло вас волнующим – человеком, стоящим того, чтобы тратить на него время. В этом смысле я всегда восторгаюсь романом «Тристрам Шенди» и его автором Лоренсом Стерном, английским писателем XVIII века, эссеистом, романистом и просто образованнейшим человеком. В романе Тристрам предлагает то, в чем и я вижу отличное средство для писателя, которому не пишется, – приодеться и прихорошиться, чтобы, представ нарядными, привлечь на свою сторону воображение и вдохновение.

Особенно важно помнить об этом в случаях, когда, по словам Тристрама, он чувствует, что «туп, и мысли рождаются трудно и туго сходят с пера»^[9]. Вместо того чтобы сидеть в прострации, уставившись на пустую страницу, он вскакивает со стула, берет бритву и как следует бреется. («Как мог Гомер писать с такой длинной бородой, мне непостижимо».) Затем начинается полное преобразование: «По окончании бритья я меняю рубашку, выбираю лучший кафтан, посылаю за самым свежим моим париком, надеваю на палец кольцо с топазом – словом, наряжаюсь с ног до головы самым тщательным образом».

Итак, раздевшись в пух и прах, Тристрам начинает затем расхаживать по комнате, стараясь предстать в максимально выгодном свете перед своим воображением – ни дать ни взять пылкий влюбленный и ухажер. Очаровательная уловка, но что самое удивительное – она срабатывает. Как восклицает Тристрам: «Мы не можем надеть на себя новое платье так, чтобы вместе с нами не приоделись и наши мысли; и если мы наряжаемся джентльменами, каждая из них предстает нашему воображению такой же нарядной, как и мы сами, так что нам остается только взять перо и писать вещи, похожие на нас самих».

Я предлагаю вам попытаться проделать этот трюк дома.

Я и сама иногда его проделываю, когда чувствую себя совершенно никчемной и бестолковой, так что начинает казаться, что воображение навсегда меня покинуло. Я подхожу к зеркалу и строго говорю: «Ну, и как же воображению от тебя не спрятаться, Гилберт? Полюбуйся, на кого ты похожа!»

Потом я начинаю чистить перышки. Первым делом стягиваю проклятую резинку с сальных волос. Сбрасываю несвежую пижаму и отправляюсь под душ. Потом брею – не бороду, конечно, но хотя бы ноги.

Надеваю что-нибудь пристойное. Чищу зубы, умываю лицо. Даже крашу губы, хотя я *никогда* не хожу с накрашенными губами. Расчищаю письменный стол от баракла, открываю окно настежь, могу даже зажечь ароматизированную свечу. Иногда, не поверите, я вспоминаю о духах! Я не пользуюсь ими даже по торжественным случаям, но готова надуться ради того, чтобы обольстить и вернуть собственное творческое начало. (Коко Шанель: «У женщины, которая не пользуется духами, нет будущего».)

Я всегда стараюсь напоминать себе, что у меня роман с вдохновением, я хочу, чтобы и ему захотелось закрутить *со мной*, а это вряд ли получится, когда неделями слоняешься по квартире в футболке мужа, потому что дело не идет и руки опускаются. Я собираюсь, «наряжаюсь с ног до головы» (словами Тристрама Шенди) – и возвращаюсь к работе. Это срабатывает без осечек. Признаюсь как на духу – будь у меня пудренный парик XVIII века, как у Тристрама, я иногда надевала бы и его.

«Играй роль, пока роль не станет тобой» – вот в чем хитрость.

«Оденься понаряднее, если *хочешь* писать» – то же самое, но другими словами.

Обольсти Магию творчества, и она непременно к тебе вернется – прилетит, как ворон, привлеченный яркой, блестящей вещицей.

Страх на высоких каблуках

Однажды я влюбилась в одаренного молодого человека, бывшего, я уверена, куда более талантливым писателем, чем я сама. Ему не было и тридцати, когда он отказался от мысли стать писателем, потому что никак не получалось перенести свои мысли на бумагу в точности так, как они складывались у него в голове. Это раздражало его и выбивало из колеи. Он не хотел осквернять сверкающий идеал, существующий в воображении, перенося его на бумагу в виде несовершенного подобия.

Пока я корпела над своими робкими, неуклюжими рассказиками, этот блестящий юноша отказывался написать хоть слово. Он и меня стыдил за эти пробы пера. Неужели, говорил он, эти кошмарные результаты не причиняют тебе боли и не кажутся позором? Подразумевалось, что он наделен более совершенным чувством художественного вкуса и интуиции. Любое несовершенство – даже его собственное – ранило чувствительную душу. Он считал свое решение никогда не писать книг проявлением благородства – зачем, если эта книга не станет великой?

Он заявлял: «Блистательный провал я предпочитаю бледному успеху». Блин, а я не согласна.

Трагический имидж художника, который готов отложить кисти, боясь не оправдать ожиданий и не сотворить идеала, меня не впечатляет. Такой путь не кажется мне героическим. По мне, больше чести в том, чтобы остаться в игре – даже когда ты явно в проигрышной позиции, – чем выйти из нее под благовидным предлогом, ссылаясь на тонкий вкус. Но ради того чтобы оставаться в игре, необходимо отказаться от фантазий о совершенстве.

Поэтому сперва давайте-ка проговорим момент с совершенством.

Известный американский романист Роберт Стоун пошутил как-то, что обладает двумя качествами, наихудшими для писателя: он лентяй и при этом перфекционист. И правда, как тут не впасть в ступор и отчаяние, причем немедленно. Если хотите жить радостной творческой жизнью, не стоит развивать в себе эти две черты, верьте слову. А надо развивать нечто противоположное: учитесь тому, как стать невероятно дисциплинированным пофигистом.

Для начала забудьте о совершенстве. Некогда нам о совершенстве рассуждать. Оно по-любому недостижимо: это миф, ловушка и беличье колесо, которое загоняет вас до смерти. Хорошо про это пишет поэтесса

Ребекка Солнит: «Многие из нас веруют в совершенство, а оно разрушает все вокруг, потому что лучшее не только враг хорошего – оно еще и враг реального, возможного и радостного».

Перфекционизм мешает людям закончить работу, да, но еще хуже, часто он мешает людям *начать* работать. Перфекционисты часто заранее решают, что их произведение ни за что не будет удовлетворять всем требованиям, потому решают вообще не напрягаться.

Но самая противная черта перфекционизма – он выдает себя за доблесть. При приеме на работу, например, люди часто говорят о своем перфекционизме, когда хотят показать свои самые сильные стороны – они гордятся тем, что мешает им наслаждаться в полноте творческой жизнью. Они несут свой перфекционизм как почетный знак, как заслугу, как свидетельство о тонком вкусе и высоких требованиях.

Но я смотрю на это иначе. Я считаю, что перфекционизм – тот же страх, элитный, гламурный, но страх. Да, это просто страх в шикарных туфлях и норковом манто, претендующий на элегантность, а на самом деле неуверенный и запуганный. Потому что за роскошной наружностью перфекционизма стоит глубокий экзистенциальный ужас, твердящий одно: «Я недостаточно хорош и никогда этого не добьюсь».

Приманка перфекционизма особо опасна для женщин, которые, по моему, склонны судить себя более строго, чем мужчины. Есть много объяснений тому, почему голоса женщин не так уж широко представлены в современном творчестве. Отчасти дело в старом привычном женоненавистничестве, но правда и то, что – слишком часто – женщины не спешат выставлять свои работы на суд публики. Женщины держат при себе свои идеи, не так охотно делятся достижениями и талантами, не рвутся в лидеры. Многие женщины свято верят, что нельзя вылезать вперед, пока они сами и их работа не будут полным совершенством и окажутся вне критики.

Между тем то, что работы *мужчин* весьма далеки от совершенства, *обычно не мешает* им продвигать их и участвовать в культурном диалоге. Без обид! К тому же я говорю это не для того, чтобы покритиковать мужчин. Мне *нравится* в мужчинах эта черта – их порой абсурдная уверенность в себе, с которой они могут заявить: «О'кей, я на 41 процент разобрался в этом деле, так что возьмите меня на работу!» Да, иногда результаты бывают нелепыми и провальными, но иногда, как ни странно, это работает – человек, который вроде бы не подходил для какого-то дела, был не готов, недостаточно хорош для него, каким-то образом раскручивает свой потенциал и совершает резкий скачок благодаря неколебимой вере в

себя.

Мне просто хочется, чтобы некоторые женщины тоже не боялись совершать такие невероятные скачки.

Но чаще приходится видеть в женщинах совсем другое. Я встречала столько блестящих, творчески одаренных женщин, которые бормочут: «Я в этом деле разбираюсь на 99,8 процента, но пока не достигну полного совершенства, лучше побуду на втором плане, так безопаснее».

Знаете, я даже *представить себе* не могу, чтобы хоть одной женщине пришла в голову мысль, что ей нужно стать идеальной, а иначе ей не добиться любви и успеха. (Ха-ха-ха! Вы поняли, это шутка! Как раз эту картину я прекрасно себе представляю. *Более того, общество постоянно внушает нам эту мысль!* Спасибо за это всей истории человечества!) Но, дорогие женщины, мы с вами должны сами разрушить этот стереотип – только мы и можем это сделать. Мы должны понять, что перфекционизм, эта погоня за совершенством, – губительная трата времени, потому что критики избежать все равно невозможно. Сколько бы часов вы ни провели в попытках сделать что-то безупречное, все равно кто-нибудь да найдет изъян. (Бывают же люди, которым кажется, что симфонии Бетховена немного, знаете ли, *громковаты*.) Наступает неизбежный момент, когда реально нужно закончить свою работу и оставить все как есть – и тогда вы сможете с радостью и спокойным сердцем начать заниматься чем-то еще.

А в этом вся суть.

По крайней мере, так должно быть.

В разговор вступает Марк Аврелий

С юных лет меня вдохновляли дневники римского императора II века Марка Аврелия. Мудрый правитель-философ при жизни вовсе не собирался публиковать свои личные заметки, но я благодарна за то, что они увидели свет. Это настоящий источник воодушевления и бодрости – наблюдать, как две тысячи лет назад этот блестящий человек, государственный деятель, старался поддерживать в себе творческий дух, мужество и интерес к жизни. Его провалы, разочарования и то, как он себя утешает, все это звучит на удивление современно (наверное, это вечные и универсальные темы). Можно видеть, как он ломает голову над теми же вопросами, что и мы сегодня. *Для чего я рожден? Зачем приведен на свет? Верно ли я выбрал путь? Как мне исполнить свое предназначение?*

Особенно я люблю наблюдать, как Марк Аврелий сражается со своим перфекционизмом, чтобы вернуться к литературному труду, несмотря на результат. «Знаешь ли, друг, – пишет он, – ты делай-ка то, чего от тебя сейчас требует природа. Устремляйся, если дается, и не гляди кругом, знают ли. И на Платоново государство не надейся, довольствуйся, если самую малость продвинется. И когда хоть такое получится – за малое не почитай»^[10].

Только не говорите мне, что я единственная, кого трогает и восхищает то, как этот легендарный римский философ и мыслитель убеждает себя, что *это нормально, если он не Платон*.

Да, Марк, это совершенно нормально!

Только продолжай работать.

Просто делая что-то – что угодно! – вы можете нечаянно сотворить нечто величественное, вечное или значительное (как в конечном итоге вышло у Марка Аврелия с его «Размышлениями»). Но этого может и не случиться. Если же ваше призвание в том, чтобы что-то делать, вам все равно обязательно нужно продолжать, чтобы максимально реализовать свой творческий потенциал, а еще для того, чтобы с ума не сойти. В конце концов, творческий склад ума – это что-то вроде овчарки дома: с ней нужно много работать, если не хотите, чтобы она натворила бед. Занимайте свой ум, давайте ему работу, а не то он начнет сам себя загружать, и вам может не понравиться, чем он займется (сгрызет диван, пророе дыру в паркете в гостиной, укусит почтальона и тому подобное). У меня годы ушли на то, чтобы разобраться, зато теперь я знаю точно: если я не создаю что-то

активно, то, скорее всего, активно что-то разрушаю (себя, отношения, собственный душевный покой).

Я твердо верю, что нам всем в жизни нужно найти какое-то дело, которое помешает нам грызть диван. Можно делать это профессией или нет – неважно, каждому необходимо занятие вне повседневности, которое выводило бы нас за пределы наших установленных и ограничивающих социальных ролей (матери, служащего, соседки, брата, босса и так далее).

Мы все нуждаемся в чем-то, что поможет на время забыть себя – мгновенно забыть про свой возраст, пол, социально-экономическое положение, забыть о своих обязанностях, неудачах, потерях и проигрышах. Нам необходимо, чтобы какое-то дело унесло в такие дали, увлекло до того, чтобы мы забывали поесть, сходить в туалет, постричь газон, забывали о ненависти к врагам и даже о собственных комплексах. Кому-то в этом помогает молитва, кому-то социальное служение, секс или физические упражнения, алкоголь или наркотики (правда, с ужасающими последствиями), но и творческая жизнь также способна помочь. Может, именно в том и заключается главная благодать творчества: полностью поглощая наше внимание, оно позволяет нам на краткий, но дивный отрезок времени забыть обо всем, сбросить тяжкий груз. И главное: когда творческое путешествие подходит к концу, у вас остается сувенир – *дело ваших рук*, он всегда будет напоминать вам о краткой, но преображающей встрече с вдохновением.

Вот что для меня мои книги: память о путешествиях, в которых мне (о счастье!) удавалось ненадолго удрать от самой себя.

Стойкий стереотип гласит, что творчество сводит людей с ума. Я не согласна: можно сойти с ума от *невозможности* творить. «Когда вы рождаете это в себе, то, что вы имеете в себе, спасет вас. Если вы не имеете в себе, то, чего вы не имеете в себе, умертвит вас» (Евангелие от Фомы). Так рождайте же то, что внутри вас, и неважно, добьетесь вы успеха или нет. Делайте это, и неважно, окажется конечный продукт (ваш сувенир) золотом или черепком. Делайте это, независимо от любви или ненависти критиков, и даже если критики о вас слыхом не слыхивали, а может, никогда и не услышат. Делайте это, нравится это людям вокруг или не нравится.

Вы не должны создавать совершенство и не обязаны быть Платоном.

Главное в этом – порыв, и опыт, и загадка, так что за дело!

А если на вас вдруг неожиданно упадет признание, пусть застанет вас по уши в работе.

В работе и здравом рассудке.

Никто о вас не думает

Давным-давно, в годы полной сомнений молодости, я встретила умную, независимую, талантливую и интересную женщину лет семидесяти пяти, и она поделилась со мной потрясающей житейской мудростью.

Она сказала: «Лет в двадцать – тридцать мы изо всех сил стараемся стать совершенными, потому что нам очень важно, что подумают о нас люди. После пятидесяти, наконец, мы чувствуем себя свободнее, решив, что нам неважно, кто там что о нас думает. Но освободиться полностью не удастся, пока не исполнится шестьдесят и даже семьдесят, когда осознаешь наконец раскрепощающую истину – *никто о вас не думал и не думает вообще*».

Не думали. Не думают. Никогда не будут думать.

Люди думают прежде всего о самих себе. Их не волнует, *что* ты делаешь и *хорошо ли* ты это делаешь, им просто некогда об этом беспокоиться. Они поглощены собственными переживаниями. Вы можете на миг привлечь к себе их внимание (например, добившись громкого публичного успеха или потерпев такое же громкое поражение), но очень скоро они отвлекутся на то, что им интересно всегда – на *самих себя*. Хотя сначала может показаться, будто это ужасно и печально, что никому до вас нет дела, но это принесет еще и освобождение. Вы свободны, потому что все кругом слишком заняты собой.

Так, значит, можно делать, что хочешь.

Можно быть, кем захочешь.

Пробуйте то, что вам нравится, что вдохновляет.

Творите и создайте, что пожелаете, и пусть ваши произведения будут вопиюще несовершенными, ведь с очень большой долей вероятности этого никто даже не заметит.

И это просто *шикарно*.

Важнее сделать до конца, чем сделать хорошо

Единственным, что помогло мне закончить первый роман, было то, что я позволила книге быть вопиюще несовершенной. Я заставляла себя писать дальше, даже когда была страшно недовольна тем, что получалось. Книга оставляла желать лучшего – до такой степени, что я сходила из-за этого с ума. Помню, как во время работы я изо дня в день мерила шагами комнату и собирала волю в кулак, чтобы вернуться к этому бесцветному манускрипту. Хотя рукопись была ужасна, я твердила себе: «Я никогда не обещала Вселенной, что стану *великим* писателем, – нет, черт возьми! Я обещала только, что стану *писателем*!»

Написав семьдесят пять страниц, я наконец остановилась. Продолжать этот ужас я не могла, было стыдно. Но я преодолела стыд, перешагнула через него только потому, что поняла, что *не желаю* сойти в могилу, оставив по себе семьдесят пять страниц недописанной рукописи в ящике стола. Это меня не устраивало. Слишком много в мире недописанных книг, и я была не намерена добавлять к этой непостижимо высокой пачке еще и свою книгу. Поэтому, каким бездарным ни казалось мне мое творение, я продолжила работу.

Еще помню, как моя мама всегда повторяла: «Важнее сделать до конца, чем сделать хорошо».

Я часто слышала от мамы эту нехитрую сентенцию, пока росла. И не потому, что Кэрол Гилберт была халтурщицей. Совсем наоборот, мама была чрезвычайно энергичной и прилежной, но прежде всего она была прагматичной. В конце концов, каждый день не бесконечен. И год когда-то кончается, и целая жизнь тоже. Вы делаете, что в ваших силах, по возможности грамотно, стараясь уложиться в разумные сроки, а потом сдаете работу. О чем бы ни заходила речь, от мытья посуды до украшения подарков на Рождество, мама рассуждала примерно, как генерал Пэттон: «Хороший план сегодня лучше безупречного плана завтра».

Или перефразируя: «Приличный роман сегодня лучше изумительного романа, не написанного вообще».

Я думаю, мама была бы согласна еще и с мыслью, что завершение дела уже само по себе достойно уважения. И заметьте, встречается совсем не часто. Потому как – такова горькая правда – чаще всего люди не заканчивают начатое! Посмотрите вокруг, это же очевидно: *люди не доводят дело до конца*. Они с лучшими намерениями начинают громкие

проекты, потом приостанавливают, охваченные сомнениями и неуверенностью... а потом бросают.

Так что если вы завершили что-то – просто довели это до конца! – вы уже на много миль опередили прочих, вот так-то.

Словом, полируйте свое изделие до блеска, если хотите. Что касается моего, я просто хочу его закончить.

Хвала кривобокому дому

Я могла бы сейчас сесть рядом с вами и пройтись по каждой из своих книг, страница за страницей, рассказывая, что с ними не так и что у меня не вышло. Мы с вами умерли бы со скуки, но я могла бы. Я могла бы показать все, что я решила не исправлять, не менять, не улучшать и не шлифовать. Я показала бы, в каких местах сокращала текст, потому что не знала, как иначе решить проблему со сложным поворотом сюжета. Честно перечислила бы персонажей, которых убила, потому что не знала, что с ними дальше делать. Я обратила бы ваше внимание на логические несоответствия и небрежность при сборе материала. Вы увидели бы, на чем держатся эти сметанные на живую нитку проекты.

Чтобы попусту не тратить время, позвольте, я приведу только один показательный пример. В одном из последних моих романов «Происхождение всех вещей» есть персонаж, к сожалению непроработанный. Она (это женщина) до смешного недостоверна, в книгу она введена почти исключительно ради сюжетного поворота. В душе я чувствовала – уже когда писала, – что она получается у меня скверно, но у меня не получалось ее оживить, хоть и надо было бы. Я рассчитывала, что это как-то рассосется. Иногда такие штуки сходят с рук. У меня была надежда, что никто не заметит. Но вот я дала книгу, еще в рукописи, первым читателям, и все в один голос указали на проблемы с этим персонажем.

Я решила было поправить дело. Но пришлось бы возвращаться чуть ли не к началу, и все ради того, чтобы переписать один персонаж? Ну нет, слишком много усилий. Во-первых, пришлось бы ради нее дополнительно вставить пятьдесят, а то и семьдесят страниц, а в рукописи и так уже было больше семисот страниц – так нельзя, надо иметь жалость к читателю и в какой-то момент решительно ставить точку. Во-вторых, я чувствовала, что слишком рискую. Чтобы решить проблему с этим персонажем, надо было бы вернуться к первым главам и начать плести сюжет заново – я боялась, что, начав радикальную переделку, могу вообще загубить книгу, уже почти законченную и, главное, довольно неплохую. Представьте, что плотник развалил бы по бревнышку построенный дом и начал заново, потому что заметил – под конец работы, – что при закладке фундамента ошибся на несколько дюймов. Конечно, со второй попытки фундамент получился бы ровнее, но очарование первоначальной постройки могло быть утрачено

безвозвратно, а многомесячный труд пошел бы насмарку.

Я решила этого не делать.

Понимаете, я без усталости работала над этой книгой четыре года! Я вложила в нее невероятно много сил, любви и веры, и мне она уже нравилась такая, как есть. Да, она не лишена кривобокости, но стены вышли крепкими, крыша не протекала, из окон не дуло, да и вообще, не знаю, как вы, а я не против жить в кривом доме. (Я росла в кривобоком доме, не так уж они плохи.) Я чувствовала, что мой роман – это интересный и завершённый продукт, и несколько неровные углы даже придавали ему очарования, и я решилась.

И знаете, что случилось потом, когда я отпустила свою заведомо несовершенную книгу в плавание?

А ничего особенного.

Земля не сошла со своей оси. Реки не потекли вспять. Птицы не падали замертво с небес. Было несколько хороших рецензий, несколько плохих, несколько нейтральных. Кому-то роман понравился, кому-то – нет. Слесарь, которого я вызвала починить кухонную мойку, заметил на столе книгу и сказал: «Скажу вам одно, леди, эта книжка продаваться не будет – с *таким-то* названием». Кое-кто говорил, что роман надо бы подсократить, другие заявляли, что его необходимо сделать длиннее. Некоторым читателям хотелось, чтобы в истории было больше про собак и меньше про мастурбацию. Лишь отдельные критики указали на то, что один персонаж недостаточно проработан, но никого, кажется, это сильно не смутило.

Вывод: масса народу высказалась по поводу моего романа, а потом жизнь благополучно пошла дальше, потому что люди заняты и у них хватает своих забот. Но я, пока писала «Происхождение всех вещей», приобрела немалый интеллектуальный и эмоциональный опыт, и этого никто у меня не отнимет, лучшие воспоминания навсегда останутся со мной. Я прожила эти четыре года просто дивно. Когда я закончила роман, он не был совершенным, но я все равно чувствовала себя так, словно это лучшее мое творение, и верила, что теперь пишу намного лучше, чем до начала работы над ним. Я ни на что не променяла бы ни одной минуты этого большого приключения.

Но вот я окончила работу, и пришла пора переключить внимание и заняться чем-то новым, а в свое время и новую книгу тоже отпустить от себя, решив, что получилось *приемлемо*. Так я всегда поступала, поступаю и буду поступать, пока хватит сил.

Потому что это – гимн моего народа.

Это Песнь Дисциплинированных Пофигистов.

Успех

Все эти годы, пока я прилежно трудилась, днем на работе, вечером за письменным столом, я сознавала, что нет никаких гарантий, что все это окупится.

Я всегда знала, что могу не получить того, о чем мечтала, что мои книги никогда не станут печатать. Не каждому, кто занимается искусством, удастся добиться успеха и зажить безбедно. Чаще всего не удастся. И хотя я всегда была фантазеркой, но дурочкой все-таки не была – я понимала, что одного желания мало. И таланта бывает мало. И преданности своему делу. Даже хороших профессиональных связей – которых, впрочем, у меня не было – тоже может оказаться мало.

Творческая жизнь странная, она отличается от других, более приземленных вариантов. Обычные правила к ней неприменимы. В обычной жизни, если у тебя что-то хорошо получается и ты усердно трудишься, то преуспеешь. Людям творческих профессий никто не может этого гарантировать. Скажем, ты добьешься громкого успеха, но потом он никогда не повторится. Тебе могут принести награду на серебряной тарелочке – и что с того, что одновременно из-под ног у тебя выдернут коврик. Тебя могут обожать, но недолго, а потом ты выйдешь из моды. Другие люди, не такие талантливые, займут твоё место и станут кумирами.

Богиня – покровительница творческого успеха иногда похожа на вздорную богатую старуху – она живет себе в громадном особняке на дальнем холме и чудит, принимая нелепые решения о том, кому достанется её наследство. Поощряет шарлатанов, а истинный талант игнорирует. Отстраняет тех, кто всю жизнь служил ей верой и правдой, а потом дарит «мерседес» смазливому пареньку, который разок подстриг у нее газон. Она постоянно меняет свои решения. Мы пытаемся угадать её мотивы, намерения, но тщетно. Она не обязана объяснять нам причины своих поступков. Короче говоря, богиня творческого успеха может вас заметить, а может и отвернуться. Поэтому не советую вам на нее рассчитывать или связывать с её капризами свои представления о личном счастье.

Уж лучше пересмотреть своё определение успеха – и точка.

Я, со своей стороны, довольно рано решила, что самое главное для меня – в первую очередь сосредоточиться на приверженности работе. Это стало для меня мерилом успеха. Я знала, что условный успех зависит от трех факторов – таланта, везения и дисциплины – и понимала: два из трех

этих условий невозможно проконтролировать. Случайное распределение генов уже определило, сколько таланта пришлось на мою душу, случайная судьба определит, какова у меня доля везения. Оставалось единственное, что зависело от меня, – это дисциплина. Поняв это, я решила, что самый лучший план – это вкалывать, как раб на галерах. Я могла разыграть только одну карту, и я разыграла ее по полной.

Конечно, в творческом ведомстве каторжный труд *ничего* не гарантирует. (В творческом ведомстве вообще ничто ничего не гарантирует.) Но я все же думаю, что самоотверженный труд – лучший подход. Делайте то, что вы любите делать, причем делайте это одновременно серьезно и с легкостью. По крайней мере, будете знать, что попытались и что, каким бы ни был результат, вы шли благородным путем.

У моей подруги, начинающего музыканта, есть сестра, которая как-то задала ей законный вопрос: «Что будет, если у тебя ничего из этого не получится? Вдруг ты всю жизнь будешь заниматься, а успех так и не придет? Каково тебе будет понять, что ты всю жизнь потратила зря?»

Подруга моя ответила, тоже с полным основанием: «Если ты до сих пор не заметила, что я уже от этого получаю, то я никогда не смогу тебе этого объяснить».

Когда делаешь что-то не ради выгоды, все равно получаешь награду, так или иначе.

Карьера против призвания

Именно по этим причинам (трудности, непредсказуемость) я всегда убеждаю людей не смотреть на творчество как на карьеру – и всегда буду убеждать, потому что, за редкими исключениями, в творческих областях невозможно сделать успешную карьеру. (Паршивую там можно сделать карьеру, если под карьерой понимать приличную материальную поддержку в обозримом будущем – по-моему, очень разумное определение карьеры.)

Даже если в искусстве у вас все сложится благополучно, все равно с большой вероятностью это будет дрянь, а не карьера. Вы можете невзлюбить своего издателя, галериста, своего барабанщика или кинорежиссера. Вас может не устраивать расписание концертных туров, или агрессивные фанаты, или критики. Вас может выводить из терпения необходимость постоянно отвечать на одни и те же вопросы интервью. Или вы сами, потому что не оправдали собственных ожиданий. Поверьте, если человеку хочется жаловаться, то всегда найдется масса причин, даже если фортуна начнет осыпать его своими милостями.

Но творческая жизнь может обернуться удивительным *призванием*, если вам хватит любви, мужества и упорства посмотреть на нее в таком ракурсе. Я подозреваю, что это вообще единственный способ заниматься творчеством и не сойти с ума при этом. Потому что никто и никогда не говорил нам, что это простой путь, и мы соглашаемся на неопределенность, когда заявляем, что хотим жить творческой жизнью.

Сейчас, например, все в панике от того, как Интернет и цифровые технологии меняют творческий мир. Все судачат о том, как выживать художникам и найдутся ли для них работа и деньги в этом переменчивом новом мире.

Но позволю себе заметить – задолго до появления Интернета и цифровых технологий искусство все равно не обещало крутой карьеры. Что-то я не помню, чтобы в 1989 году кто-то говорил мне: «Ты что, не знаешь, как денег заработать? *Пиши книги!*» Такого никто никому не посоветовал бы ни в 1889 году, ни в 1789-м, и не посоветует в 2089-м. И все же люди пытаются стать писателями, потому что это их призвание и оно им по душе. Люди все равно становятся живописцами, скульпторами, музыкантами, актерами, поэтами, режиссерами, стеклодувами, гончарами, занимаются лоскутным шитьем или каллиграфией, вяжут, обрабатывают металл, создают коллажи, а также делают маникюр, танцуют ирландские

танцы и играют на кельтской арфе. Не слушая никаких практичных советов, люди упрямо *занимаются* приятными вещами без особых на то причин – так было и будет.

Много ли трудностей на этом пути? Конечно.

Делает ли это жизнь более интересной? По большей части.

Будете ли вы мучиться и страдать из-за трудностей и невзгод, неизбежных в творческой жизни? А это – вот провалиться мне на этом месте – зависит только от вас.

Разговор с лосем

Хочу рассказать вам историю об упорстве и терпении. Все тогда же, лет в двадцать с небольшим, написала я короткий рассказ под названием «Разговор с лосем». Родился он из воспоминания о времени, когда я работала поварихой на ранчо в Вайоминге. Как-то вечером я засиделась допоздна с ковбоями за пивом и анекдотами. Ребята были все как на подбор охотники, и разговор зашел о подманивании лосей – о разных способах имитировать брачный зов лося, чтобы подманить животных. Один из ковбоев, Хэнк, признался, что недавно купил кассету с записью лосиного голоса, сделанную величайшим мастером имитации лосиного зова за всю историю охоты на лосей. Звали этого гения (никогда не забуду) Ларри Д. Джонс.

По неведомой причине – допускаю, что этой причиной было пиво, – мне тогда показалось, что ничего уморительнее я в жизни не слыхала. Мне дико понравилось, что есть в мире чувак по имени Ларри Д. Джонс, который зарабатывает на жизнь тем, что подражает брачному крику лосей и записывает это на магнитофон. Мне страшно понравилось, что находятся люди – и среди них мой приятель Хэнк, – которые покупают эти записи, чтобы самим отрабатывать брачный зов. Я уломала Хэнка сбегать за учебной записью брачных воплей лося в исполнении Ларри Д. Джонса, а потом заставила проигрывать ее снова и снова, пока я умирала со смеху. Веселил меня не сам звук лосиного призыва (этот дикий, пронзительный визг, больше всего похожий на скрип пенопласта по пенопласту). Меня впечатлил серьезнейший комментарий Ларри Д. Джонса, объясняющего, как делать это правильно. Все вместе, на мой взгляд, было абсолютно угарно.

Потом почему-то (думаю, пиво и в этом сыграло роль) мне в голову пришло, что нам с Хэнком обязательно нужно провести испытания – я настаивала, что мы должны среди ночи зайти поглубже в лес с кассетником и записью Ларри Д. Джонса и посмотреть, что из этого выйдет. Сказано – сделано. Пьяные, едва держась на ногах, мы с шумом и гамом продирались по лесу в горах Вайоминга. Хэнк нес на плече магнитофон, включив запись на полную мощность, я продолжала хохотать, и на всю округу разносились оглушительные, нелепые крики самца лося попеременно с монотонными назиданиями Ларри Д. Джонса.

Не скажу, что в тот момент мы были в полной гармонии с природой, но

природа, тем не менее, нас нашла. Внезапно раздался громовой топот копыт (никогда раньше не слышала, чтобы копыта реально грохотали, как гром, – это страшно), затрещали ветки, и на поляну перед нами выбрался самый громадный лось, какого можно себе представить. Он стоял в лунном свете в сотне ярдов от нас. Яростно храпя и фыркая, он наставил на нас рога и бил копытом: *Где соперник, кто тут осмелился призывать подругу на моей земле?*

Неожиданно я почувствовала, что Ларри Д. Джонс больше не кажется таким уж комичным.

Никогда люди не трезвели так стремительно, как мы с Хэнком. Мы-то шутили, а вот зверь весом семьсот фунтов явно и не думал шутить. Он был в боевой готовности. Все равно как если бы решили провести безобидный спиритический сеанс и, сами того не желая, призвали бы по-настоящему опасного призрака. Мы стали заигрывать с силами, заигрывать с которыми не рекомендуется, и вели себя недостойно.

Первым моим порывом было склониться перед лосем до земли и, дрожа, просить о прощении. Хэнку пришло в голову кое-что получше – он забросил кассетник подальше в кусты, точно бомбу, которая вот-вот взорвется, чтобы хоть так оказаться подальше от фальшивого голоса, который мы притащили сюда, в этот совсем не сказочный, а слишком даже подлинный лес. Мы съежились, прячась за валуном, и открыв рот смотрели, как лось, выдыхая клубы морозного дыхания, яростно озирался в поисках противника, в клочья разрывая копытами землю. Если человек посмотрит в лицо Богу, он испытает священный ужас и трепет, и именно такое чувство вселило в нас это величественное создание.

Когда лось наконец удалился, мы ползком вернулись на ранчо, присмиревшие, потрясенные, осознавшие, насколько мы смертны. Мы испытали *благоговейный ужас* – в полном смысле слова.

Вот про это я и написала. Я не стала пересказывать в точности всю историю, но хотела уловить то чувство («юнцы смиренно склоняются перед богоподобным проявлением стихии») и, используя его как основу, написать что-то более серьезное и значительное о человеке и природе. Я собиралась взять потрясшее меня личное переживание и превратить его в небольшое произведение с вымышленными персонажами. У меня ушел не один месяц на то, чтобы довести рассказ до ума – или, по крайней мере, приблизить к задуманному, насколько могла, с учетом моего возраста и способностей. Закончив рассказ, я дала ему название «Разговор с лосем». Потом я стала рассылать в редакции журналов в надежде, что кто-нибудь да напечатает его.

В числе прочих я послала рукопись «Разговора с лосем» в ныне уже не существующий прекрасный литературный журнал «Стори». Многие мои литературные кумиры – американские писатели Чивер, Колдуэлл, Сэлинджер, Хеллер – десятилетиями печатали в нем свои произведения, и для меня было бы честью оказаться на его страницах. Через пару недель мне пришло неизбежное письмо с отказом. Но это письмо было совершенно особенным.

Надо вам сказать, что письма-отказы бывают очень разными, а слово «нет» может иметь огромный диапазон оттенков. Существуют не только стандартные отказы на бланках с крохотной припиской внизу, где от руки нацарапаны какие-то слова, например «Интересно, но нам не подходит!». Даже такая крошка признания окрыляет невероятно, и в юности я была известна тем, что носилась с письмами, радостно сообщая друзьям: «Я только что получила *необыкновенный* отказ!»

Но конкретно это письмо было от уважаемого главного редактора журнала «Стори», самой Лоис Розенталь. Ее ответ был глубоким и вдохновляющим. Ей понравился рассказ, писала миссис Розенталь. Ей вообще больше нравятся рассказы о животных, чем о людях. Правда, на ее взгляд, концовка недотягивает. Поэтому они не станут публиковать его. Но она пожелала мне удачи.

Для не издававшегося писателя получить настолько любезный отказ – от самого главного редактора! – это почти то же, что выиграть Пулицеровскую премию. Я ликовала. Это был самый необыкновенный из всех полученных мной отказов. А потом я сделала то, что делала тогда постоянно: вынула отвергнутый рассказ из конверта с марками и моим адресом (такие конверты я посылала в редакции вместе с рукописью) и отправила его следующему издателю, надеясь получить еще один отказ, возможно еще более необыкновенный. Потому что таковы правила игры. Только вперед и ни шагу назад.

Прошло несколько лет. Я продолжала работать днем и писать в свободное время. Меня наконец напечатали – правда, опубликован был другой рассказ и в другом журнале. Благодаря этому счастливому случаю я смогла позволить себе обзавестись профессиональным литературным агентом. Теперь уже этот агент, Сара, рассылала от моего имени рукописи издателям. (И никаких забот с копированием – у моего агента был собственный ксерокс!) Через несколько месяцев совместной работы Сара сообщила мне приятную новость: мой старый рассказ «Разговор с лосем» будет опубликован.

– Чудесно, – обрадовалась я. – А кто его купил?

– Журнал «Стори». Он понравился Лоис Розенталь.

Хм.

Интересно.

Через пару дней я говорила по телефону с Лоис, и она была невероятно приветлива. Сказала, что ей безумно нравится «Разговор с лосем» и не терпится его опубликовать.

– Даже концовка вам нравится? – уточнила я.

– Конечно, – сказала она. – Я просто восхищена концовкой.

Пока мы разговаривали, я крутила в руках письмо, написанное ею же несколько лет назад. Определенно, Лоис вообще не помнила, что уже читала «Разговор с лосем» раньше. Я его не переделывала. Мне было очень приятно, что она принимает мою работу, и я не хотела показаться дерзкой, злопамятной или неблагодарной. Но любопытство меня мучило, и я спросила: «Могу я поинтересоваться, а что именно вам нравится в моем рассказе?»

Она ответила: «Он очень экспрессивен. В нем есть что-то от сказки, мифа. И еще он напоминает мне что-то, только я не могу понять что же...»

Я сочла за благо промолчать, но у меня на языке вертелось: «Он напоминает вам *самое себя*».

Прекрасный зверь

Как же нам истолковать эту историю?

Интерпретация скептика звучала бы так: «Это неоспоримое свидетельство того, что этот мир глубоко несправедлив».

Потому что факты ведь таковы: Лоис Розенталь отвергла «Разговор с лосем», когда рассказ ей предложил незнакомый автор, но потом приняла рассказ, когда его представил известный литературный агент. Следовательно, важно не то, что видишь, а то, кого знаешь. Талант – ничто, зато связи – все, в мире творчества, да и в большом мире творится несправедливость, жить страшно.

Если вам нравится такой взгляд, дело ваше.

Но сама я смотрю на вещи иначе. Наоборот, мне здесь видится очередное проявление Большого волшебства – и снова очень мудрое. Я вижу в этом доказательство того, что нельзя сдаваться, что «нет» далеко не всегда значит *нет* и что чудесные повороты судьбы ждут тех, кто не сдает своих позиций.

Кроме того, вы только попробуйте представить, какое множество коротких рассказов за день прочитывала Лоис Розенталь тогда, в начале 1990-х. (Я-то видела в редакциях эти горы – вообразите вавилонские башни из конвертов с рукописями, высотой до неба.) Нам всем хочется думать, что наша работа оригинальна и незабываема, но в какой-то момент все они неизбежно сливаются, даже рассказы про животных. Больше того, я не знаю, какое настроение было у Лоис, когда она читала «Разговор с лосем» в первый раз. Может, он попал ей в конце трудного дня или после ссоры с коллегой, а может, ей надо было ехать в аэропорт, встречать нелюбимого родственника. Не знаем мы и того, в каком настроении она читала его во второй раз. Возможно, вернулась отдохнувшая из отпуска. Или получила хорошие новости – ну, может, подтвердилось наконец, что любимый человек не болен раком! Да мало ли что там еще. Кто знает? Я только знаю, что, когда Лоис Розенталь прочитала мой рассказ во второй раз, он отозвался в ее душе и задел какие-то струны. Но этот росток пророс в ее сердце только потому, что я *заронила семя* несколько лет назад, отправив свой рассказ в журнал. А еще потому, что я осталась в игре, невзирая на первоначальный отказ.

Этот случай научил меня еще одному: те люди, что решают судьбы нашей мечты, не роботы. Они просто *люди*. Такие же, как мы. Они

чудаковаты и эксцентричны. У них день на день не приходится, точно так же, как у нас с вами. Нет никакой четкой формулы, которая бы указала, что поразит воображение человека или когда это случится – нужно просто подойти к нему точно в нужный момент. Но поскольку определить правильный момент невозможно, вы должны повышать свои шансы. Рискуйте. Не позволяйте себе пасть духом – и повторяйте попытки снова, и снова, и снова...

Дело того стоит, потому что когда наконец добьешься своего и попадешь в цель – о, это неземное наслаждение высшего порядка. Потому что именно это и есть настоящая творческая жизнь: когда пробуешь, стараешься – и ничего не выходит. Но ты продолжаешь стараться, ищешь, бьешься об стенку головой, а потом иногда, когда ты меньше всего ожидаешь, бабах. Соединение установлено. Вдруг, ни с того ни с сего, все сходится. Иногда кажется, что заниматься искусством – все равно что проводить спиритический сеанс или ночью подзывать дикое животное, подражая его брачному крику. Занятие кажется глуповатым, и ясно, что ничего не выйдет, но потом вы вдруг слышите, как грохочут копыта, и на поляну выбегает великолепный зверь и устремляется к вам – так же, как вы стремились к нему.

Так что не оставляйте попыток, шлите зов в эту темную чащу своему собственному Большому волшебству. Вы обязаны продолжать, без усталости, беззаветно, надеясь на чудо, на то, что в один прекрасный день это произойдет и вы испытаете божественное чувство причастности к миру искусства – впервые или в очередной раз.

Потому что, когда все вдруг сходится, это же поразительно. Когда все вдруг сходится, вам остается только склониться в знак благодарности, как будто вас удостоили встречи с божественным.

Ведь вас удостоили.

Да, и вот еще что

Много лет назад мой дядя Ник побывал на встрече с выдающимся американским писателем Ричардом Фордом в одном из вашингтонских книжных магазинов. Когда после выступления писатель отвечал на вопросы, со своего места поднялся человек средних лет и сказал примерно следующее:

– Мистер Форд, а у нас с вами много общего. Я, как и вы, всю жизнь пишу рассказы и повести. Возраст и образование у нас примерно одинаковы, и пишем мы на одни темы. Разница только в том, что вы стали знаменитым писателем, а меня, несмотря на десятки лет упорной работы, так ни разу и не напечатали. Это рвет мне сердце. Я впал в уныние из-за бесконечных отказов и несбывшихся надежд. Что бы вы мне посоветовали? Только умоляю, сэр, не призывайте меня к упорству, потому что все кругом только об этом мне и твердят, а мне от этого только хуже.

Нет, сама я при этом не присутствовала. И с Ричардом Фордом не знакома. Но, по словам дяди, а у него отличная память, писатель ответил: «Сэр, я сочувствую вам. Поверьте, я ни за что не оскорбил бы вас простым призывом быть упорным. Я даже представить себе не могу, каково слышать такое после стольких лет неприятия. Собственно, я хочу сказать вам совсем другое – возможно, вас это удивит. Я хочу предложить вам бросить это занятие».

Публика оцепенела: ничего себе слова ободрения!

Форд продолжал: «Я говорю это лишь потому, что литературный труд явно больше не приносит вам удовольствия. Он несет только боль. Наши дни на земле коротки, и надо прожить их в радости. Вам нужно отбросить эту мечту и попытаться найти, чему еще посвятить жизнь. Съездите куда-нибудь, попробуйте новые хобби, общайтесь с семьей, друзьями, дайте себе отдых. Но не пишите больше, потому что это явно вас убивает».

Он закончил, и повисло долгое молчание.

Тогда Форд улыбнулся и добавил, как будто это только что пришло ему в голову: «Да, и вот еще что. Если вы бросите писать, а через несколько лет поймете, что так и не нашли этому никакой замены, ничего, что бы так же восторгало вас, трогало ваше сердце или вдохновляло... что ж, сэр, боюсь, что тогда у вас не останется другого выхода, как набраться терпения и упорно продолжать».

Bepa

Она вас любит?

Моя подруга, доктор Робин Уолл Киммерер, преподает биологию окружающей среды в колледже экологии и лесного хозяйства в городе Сиракузы, штат Нью-Йорк. Она ботаник по образованию и пишет книги. Ее студенты, как на подбор, пылкие защитники окружающей среды, все они серьезны донельзя и так и рвутся спасти мир.

Но перед тем как доверить студентам спасение мира, Робин задает им два вопроса.

Первый вопрос такой: «Вы любите природу?»

В аудитории лес рук.

Тогда звучит второй вопрос: «Верите ли вы, что это взаимно и природа тоже любит вас?»

Руки неуверенно опускаются.

Тогда Робин говорит: «Значит, у нас проблема».

Проблема вот в чем: эти серьезные юные спасители мира искренне считают, что живая природа к ним безразлична. Они уверены, что люди – всего лишь пассивные потребители, а наше присутствие на планете – разрушительная сила. (Мы берем, берем, берем и не предлагаем природе ничего взамен.) Они уверены, что люди появились здесь, на Земле, по несчастливой случайности и потому на фиг не нужны планете.

Надо ли говорить, что в древности люди смотрели на это совсем иначе. Наши предки всегда пребывали во взаимном эмоциональном общении с окружающей средой. Благоволила к ним Мать-Природа или карала, не так важно – главное, что между ними и природой шел непрерывный *диалог*.

Робин считает, что современные люди утратили способность к такому диалогу – потеряли чуткость, умение слышать голос Земли, которая обращается к *нам* точно так же, как мы обращаемся к *ней*. Современных людей приучают думать, что природа слепа и глуха – может, потому что мы не допускаем, что у природы может иметься сознание. А это странно и неверно, так как отвергает всякую возможность взаимодействия. (Даже представление о карающей Матери-Земле и то лучше, чем представление о Земле безразличной: гнев подразумевает хоть какой-то уровень энергетического обмена.)

Не имея этого чувства взаимодействия, говорит Робин студентам, они упускают кое-что крайне важное: шанс стать *сотворцами* жизни. Робин объясняет это так: «Обмениваясь любовью, природа и люди получают

творческие дары. Природа не безразлична к нам, она взывает к нам и просит, чтобы мы что-то подарили ей в обмен на ее дары. Такой обоюдный обмен лежит в основе жизни и созидания».

Или проще выражаясь: природа дарит семя – человек дарит сад. Оба благодарны друг другу за помощь.

Робин всегда начинает с этого. Она объясняет студентам, что нельзя приступать к исправлению мира, пока не исправишь *собственное представление о мире*. Она заставляет их задуматься – а имеют ли они право здесь находиться? (Это нам знакомо: гордыня собственников.) Потом она подводит их к мысли, что они могут рассчитывать на ответную любовь со стороны той самой сущности, которую они так боготворят, – самой природы, той сущности, что создала и их.

А иначе ничего не получится.

А иначе никому – ни природе, ни студентам, ни нам с вами – пользы не будет.

Самая скверная подружка

Вдохновившись этой мыслью, я теперь часто задаю те же вопросы молодым начинающим писателям.

«Вы любите свое дело?» – спрашиваю.

Конечно же все любят. *Странный вопрос.*

Тогда я задаю следующий: «Как вы думаете, а ваше дело вас любит в ответ?»

Они смотрят на меня так, будто мне место в психушке.

«Конечно нет», – отвечают они. Большинство добавляют, что литературный труд к ним безразличен. А если кто-то вдруг и чувствует взаимное притяжение со своим призванием, то это, как правило, очень нездоровые отношения. Часто писатели-новички жалуются, что ощущают с той стороны вспышки открытой ненависти. Любимое ремесло сводит их с ума. Оно мучит их и прячется от них. Наказывает их. Разрушает их. Унижает и изводит всеми возможными способами.

Один молодой писатель выразил это так: «По мне, писательский труд похож на такую стервозную красивую девочку в школе, в которую ты безумно влюблен, а она только издевается и вертит тобой, как хочет. В глубине души ты понимаешь, что она противная и лучше бросить это, пока не поздно, но она каждый раз ухитряется снова заманить тебя в свои сети. А когда ты уже начинаешь считать ее своей подружкой, она вдруг приходит на школьную вечеринку с капитаном футбольной команды, а тебя вроде как и не узнает. И тебе ничего не остается, как тихонько хныкать, запершись в туалете. Писательское ремесло – штука злая».

«В таком случае, – спросила я, – чему ты собираешься посвятить жизнь?»

«Хочу быть писателем», – ответил парень.

Зависимость от страданий

Начинаете понимать, как тут все непросто?

И ведь такое чувствуют не только новички. Взрослые, солидные авторы говорят о своей работе так же мрачно. (А от кого, по-вашему, молодежь этому учиться?) Норман Мейлер заявлял, что каждая написанная им книга его немного убивает. Филип Рот постоянно твердил о средневековых пытках, которые испытывал на всем протяжении своей мучительной карьеры. Оскар Уайльд назвал жизнь художника «долгим и прекрасным самоубийством». (Я боготворю Уайльда, но плохо понимаю, что прекрасного в самоубийстве. Я вообще плохо понимаю, что прекрасного во всех этих муках.)

И так не только у писателей. У художников, представьте, точно такие же ощущения. Вот что говорит живописец Фрэнсис Бэкон^[11]: «Художнику куда полезнее чувствовать горе и отчаяние, нежели довольство, потому что горе и отчаяние обостряют чувствительность». И у актеров то же самое, и у музыкантов конечно же тоже. Руфус Уэйнрайт^[12] однажды признался, что до жути боится счастливых отношений, потому что без эмоциональной бури, вызванной несчастной любовью, он опасается потерять доступ «к темному озеру боли», столь необходимый для его музыки.

Что касается поэтов, тут лучше даже не начинать.

Сказанного и так достаточно, чтобы убедиться, что творчество современных художников – от самых юных искателей до признанных мастеров – неотделимо от боли, опустошенности и надлома. Кажется, все они надрываются, таща свое бремя в полном эмоциональном и физическом одиночестве, отлученные не только от других людей, но и от самого источника творческих сил.

Еще хуже то, что их отношения с творческими силами часто напоминают эмоциональное насилие. Хочешь что-то создать? Так вскрой себе вены и истеки кровью, говорят им. Нужно время, чтобы поработать над своим произведением? Иди раздайся с теми, кого любишь. Спросите писателя, как идет работа над книгой, и можете услышать в ответ: «На этой неделе я наконец переломил ей хребет».

И это в случае, если у него выдалась удачная неделя.

Назидательная история

Кэти Арнольд-Рэтлифф входит в число наиболее интересных, подающих большие надежды молодых писателей. Это очень одаренная молодая женщина, и пишет она просто сказочно. Так вот однажды она призналась мне, что несколько лет не могла писать, потому что преподаватель литературного творчества сказал ей: «Если в процессе работы ты не испытываешь эмоционального дискомфорта, тебе не написать ничего стоящего».

Что ж, я, конечно, могу попытаться понять, какую мысль пытался донести до Кэти ее профессор. Возможно, он имел в виду: «Не бойся, ты еще не скоро достигнешь творческого потолка» или «Ни в коем случае не бойся дискомфорта, который можешь испытать в процессе работы». Такие предупреждения мне кажутся совершенно справедливыми. Но заявить, что никто не способен создать путного, если не впадет в состояние эмоционального коллапса, не просто неправда, это нездорово.

Но Кэти ему поверила.

Искренне уважая и почитая профессора, Кэти приняла эти слова близко к сердцу и смирилась с мыслью, что, раз творческий процесс не приносит ей страданий, значит, она что-то делает не так.

Не прольешь кровь, не прославишься, так ведь?

Трудность заключалась в том, что Кэти задумала роман, и это невероятно ее вдохновляло. Книга, которую она собиралась написать, казалась такой крутой, лихо закрученной и необычной, что работа над ней сулила сплошное удовольствие. Столько удовольствия, что Кэти поневоле почувствовала себя виноватой. Ведь если писать для нее – радость, то произведение не может представлять художественной ценности!

Вот она и отложила написание этого клевого, лихо закрученного романа на несколько лет, считая, что испытываемое ею удовольствие незаконно.

Рада сообщить, что в конце концов она преодолела это внутреннее препятствие и написала книгу. И что же? Писать было не так уж легко, но Кэти все равно получала громадное удовольствие, работая над ней. А роман получился блестящим.

Но как жаль, что были потеряны годы – и все из-за страха, что работа не сделает ее достаточно несчастной!

Вот так-то.

Боже вас упаси получать удовольствие от своего призвания.

Обучение боли

К несчастью, история Кэти не единична.

Множеству талантливых людей внушают мысль, что удовольствие не заслуживает доверия, а творчество – это только борьба. Множество художников до сих пор уверены в том, что единственно подлинное эмоциональное переживание – это душевная боль. Эту мрачную идею они могут почерпнуть в разных источниках; она стала общим местом в нашем западном мире с его суровым – от христианской жертвенности до германского романтизма – эмоциональным наследием.

Однако ни во что не верить, кроме страдания, – опасная дорожка. У страдания дурная репутация, оно убивает художников. А если даже не убьет, привычка к боли иногда ведет художников к таким серьезным психическим расстройствам, что они совсем не могут работать. (Мой любимый магнетик на холодильнике: «Я страдал достаточно. Ну, скоро уже мои произведения станут талантливыми?»)

Возможно, вас тоже приучили верить тьме.

Может, вас даже учили этому талантливые люди, предмет вашей любви и уважения. Со мной тоже так было. В старших классах мой любимый учитель английского сказал мне: «Ты талантливая девочка, Лиз, и хорошо пишешь. Но, к сожалению, у тебя ничего не получится, потому что ты недостаточно страдала».

Ну разве так можно?!

Во-первых, что может знать мужчина среднего возраста о страданиях девочки-подростка? Я, может, больше страдала в тот день *во время обеда*, чем он за всю свою жизнь. Но кроме того, когда это творчество превратилось в соревнование страдающих?

Я обожала того учителя. Вообразите только, что я приняла бы его слова всерьез и отправилась в какое-нибудь путешествие в мир тьмы, на поиски настоящих страданий. Счастье, что мне хватило ума этого не делать. Моя интуиция тянула в другую сторону – к свету, игре и веселью, в более подходящую для творчества обстановку. Но мне просто повезло. Другие отправляются в эти мрачные крестовые походы и нередко делают это *намеренно*. «Все мои музыкальные герои были нариками, а я только хотела стать такой, как они», – рассказывает моя близкая подруга Райя Элиас, которая более десяти лет боролась с героиновой зависимостью. Ей пришлось побывать в тюрьме, жить на улице, лежать в психиатрической

больнице, и в эти периоды она переставала писать музыку.

Райя не единственная творческая личность, перепутавшая саморазрушение с серьезной преданностью искусству. Джазовый саксофонист Джеки Маклин говорил, что видел – дело было в 1950-е годы в Гринвич-Виллидже, – как десятки начинающих музыкантов садятся на героин, подражая своему кумиру Чарли Паркеру. Еще более выразительная деталь: по словам Маклина, он видел, что многие молодые музыканты *притворялись*, будто подсели на героин («...сидели в такой характерной позе, скорчившись и полузакрыв глаза»), и это притом что сам Паркер умолял не повторять его трагической ошибки. Но, возможно, проще подсесть на героин – или даже трогательно притворяться, что подсел, – чем полностью отдаваться своему делу.

Вредные привычки не делают человека художником. Раймонд Карвер^[13], например, прекрасно это знал. Сам он был алкоголиком и никак не мог начать писать в полную силу – даже на тему алкоголизма, – пока не бросил пить. Вот что он говорил: «Художник, если он пьет, всегда создает свои произведения не благодаря своему алкоголизму, а *вопреки* ему».

Я согласна. Я считаю, что наши творческие силы растут, как придорожная трава, пробиваясь сквозь щели между нашими слабостями, а сами слабости не служат им питательной почвой. Но как же много тех, кто верит в обратное! Поэтому вам часто будут встречаться художники, которые двумя руками держатся за свои слабости и зависимости, за страдания и страхи, за своих демонов.

Им страшно, что, отказавшись от страданий, они могут потерять лицо. Вспомните Рильке и его знаменитое: «Если мои демоны меня оставят, то боюсь, мои ангелы тоже разлетятся кто куда».

Рильке был великим поэтом, и фраза очень красивая, но в ней сильнейшее эмоциональное искажение. К сожалению, я слышу, что эти слова без конца цитируют творческие люди в качестве оправдания, объясняя, почему не могут бросить пить, отказываются обратиться к психиатру, почему не лечатся от депрессии, не борются с сексуальными или интимными проблемами, почему они вообще ничего не предпринимают для своего исцеления и роста, – *да просто они не хотят остаться без своих страданий*, почему-то перепутав их с творческими силами.

Да уж, удивительно крепка у людей странная вера в своих демонов.

Наши добрые ангелы

Хочу, чтобы меня поняли правильно: я не отрицаю реальность страданий – ни ваших, ни своих, ни человечества в целом. Но я решительно отказываюсь *превращать их в фетиш*. Я отказываюсь специально искать страдания во имя художественного самовыражения. Уэнделл Берри^[14] предостерегал: «Приписывая Музе особую любовь к боли, вы рискуете оказаться на волоске от того, чтобы желать боли и культивировать ее».

Разумеется, Художник с Истерзанным Сердцем – не выдумка, такие конечно же существуют. И конечно же многие творческие души страдают всевозможными психическими расстройствами. (Но, повторю, кроме них, есть и сотни тысяч душ с психическими расстройствами, не проявившие выдающихся художественных дарований, так что я не стала бы автоматически ставить знак равенства между гениальностью и безумием – по-моему, это явная логическая ошибка.) Но надо быть начеку и не поддаваться соблазну стать Художником – Истерзанное Сердце, потому что иногда это только *маска* – имиджевая роль, которую люди привыкают играть. Эта фигура может быть обольстительно живописной, с мрачным и романтическим ореолом. Вдобавок к ней прилагается полезный бонус, а именно встроенное разрешение отвратительно вести себя.

Если вы Страдающий Художник, это как бы позволяет вам по-свински обращаться с возлюбленными или супругами, с самим собой, с собственными детьми, да с кем угодно. Вам дозволяется быть капризным, высокомерным, грубым, жестоким, антисоциальным, запальчивым, бесцеремонным, развязным, безответственным и/или эгоистичным. Можете пить хоть весь день и драться хоть всю ночь. Если бы вы были дворником или фармацевтом и повели себя так, люди отвернулись бы от вас и справедливо нарекли придурком. Но, как Художник с Истерзанным Сердцем, вы получаете карт-бланш, потому что вы особый. Потому что вы тонко чувствуете и наделены способностями. Потому что иногда вам удается создать что-то симпатичное.

Не верю я в это. Я уверена, что вы способны вести творческую жизнь и все же стараться вести себя достойно. В этом я согласна с английским психоаналитиком Адамом Филипсом, когда он замечает: «Если искусство оправдывает жестокость, лучше, по-моему, обойтись без такого искусства».

Меня никогда не привлекал образ Художника-Страдальца, даже в подростковом возрасте, когда эта фигура может казаться особенно

притягательной для романтически настроенных девочек вроде меня. И все же мне она никогда не была интересна – ни тогда, ни сейчас. Насмотрелась я этого вдоволь – спасибо, сыта по горло. Хватило на моем веку и людей с психическими расстройствами, для того чтобы не идеализировать безумие. Более того, я сама не раз переживала депрессию, тревожные состояния и не могу сказать, что они вызывали у меня особый творческий подъем. Я не испытываю ни любви, ни преданности по отношению к своим внутренним демонам, потому что они никогда не служили мне как следует. Во время периодов нестабильности и упадка я замечала, что творческий дух стеснен, он задыхается. Я обнаружила, что мне с трудом пишется, когда скверно на душе, и уж совсем невозможно при этом писать художественную прозу. (Другими словами: я могу либо переживать драматические события, либо их описывать – невозможно делать то и другое.)

Душевная боль не делает меня глубоким человеком, наоборот, жизнь при этом становится одинокой, вялой и ограниченной. Все эти переживания сужают непостижимую, необъятную Вселенную до размера моей собственной несчастной головушки.

Я чувствую: когда мои личные демоны берут верх, мои творческие ангелы отступают. Они следят за борьбой с безопасного расстояния, волнуясь и переживая. И проявляют нетерпение. Так и слышу их голоса: «Дорогая, ну, пожалуйста, соберись! Нам с тобой еще столько всего нужно сделать!»

Желание работать (желание как можно теснее и свободнее общаться со своими творческими силами) – это самый сильный мой стимул бороться с болью любыми средствами. В моих интересах сделать свою жизнь по возможности разумной, здоровой и стабильной.

А все потому, что я выбрала, чему буду доверять в жизни. Что же это? Это просто: *любовь*.

Любовь выше страданий, всегда.

Выбирай, чему доверять

Если вы все же выберете другой путь (решите доверять страданиям больше, чем любви), помните, что вы возводите свой дом на поле сражения. А если такое множество народу воспринимает свое творчество как военную зону, неудивительно, что мы имеем столько серьезных жертв. Кругом столько мрака и безнадеги. И какой ценой!

Я даже не буду пытаться перечислять имена всех писателей, поэтов, художников, танцовщиков, композиторов, актеров и музыкантов, покончивших жизнь самоубийством за последние сто лет, или тех, чья жизнь оборвалась безвременно из-за самой медленной формы самоубийства – алкоголизма. (Вас интересуют цифры? Интернет вам их предоставит. Но поверьте, это страшная жатва.) Эти потерянные таланты были несчастны по бесконечно разным причинам, но держу пари, все они – хотя бы в краткий период расцвета – любили свое дело, свою работу. Однако, если бы мы спросили любого из этих богато одаренных, но измученных бедами людей, была ли, на их взгляд, *эта любовь взаимной*, подозреваю, ответ был бы отрицательным.

Но почему?

Хочу задать вопрос, как мне кажется, вполне справедливый: почему бы вашему творческому началу вас *не* любить? Оно ведь пришло к вам, так? Приблизилось к вам. Оно работало в вашей душе, добиваясь вашего внимания и ответа. Оно наполнило вас желанием трудиться и создавать что-то прекрасное. Творческое начало искало встречи с вами. Почему? Должна же у него быть какая-то причина? Вы серьезно думаете, что вдохновение искало бы способа выйти с вами на связь только потому, что хотело вас угробить?

Бессмыслица какая-то! Ну какая ему с того польза? Умер Дилан Томас – и нет больше стихов Дилана Томаса, еще один канал закрылся навеки – это же страшно. Я не могу представить себе мир, в котором творческие силы стремились бы к такому исходу. В моем понимании творческое начало предпочло бы другой мир, где Дилан Томас продолжал жить и творить еще долгие годы. Дилан Томас и еще тысячи других. В нашей Вселенной зияют дыры на тех местах, которые эти люди не заполнили своими несозданными произведениями – и *в нас* зияют дыры от этих потерь, – и я не могу представить, чтобы этот ужас был чьим-то великим замыслом.

Вы только подумайте: мысль хочет только одного – быть выраженной,

так зачем же ей, мысли, вредить *вам*, если только вы можете дать ей рождение? (Природа дарит семя – человек дарит сад. Оба благодарны друг другу за помощь.)

В таком случае, возможно, творческое начало вовсе не пытается нас угробить, а мы пытаемся угробить его?

Упрямая радость

Одно я могу сказать с уверенностью: вся моя жизнь сформировалась благодаря рано принятому решению отказаться от культа мученичества художников и взамен опираться на сумасшедшую идею, что *моя работа любит меня так же сильно, как я люблю ее*, что она хочет играть со мной так же, как я хочу играть с ней, и что этот источник любви и игры неисчерпаем.

Я предпочла верить, что желание заниматься творчеством по каким-то неведомым причинам закодировано в моей ДНК, и творческое начало не покинет меня, если только я сама не оттолкну его или не уморю до смерти. Каждая частичка моего тела всегда была нацелена на это – на язык, повествование, расследования, разработку сюжета. Думаю, если судьба не хотела, чтобы я была писателем, она и не сделала бы так, что я стала писать. Но она вывела меня именно на этот путь, и я решила, что такую судьбу надо встретить с радостью и поменьше ныть, потому что как именно я стану писателем – зависит только от меня. Могу превратить свое творческое начало в поле боя, а могу – в захватывающе интересное собрание редкостей.

Я могу даже превратить его в молитву.

Стало быть, мой окончательный выбор – что бы ни случилось, всегда браться за работу с упрямой радостью.

Я упрямо-радостно работала много лет, пока не была напечатана. Я упрямо-радостно писала, оставаясь безвестным молодым автором, первая книга пылилась на полках магазинов (куплены были лишь несколько экземпляров – в основном членами моей семьи). Я упрямо-радостно работала, когда неожиданно оказалась на гребне успеха. Я упрямо-радостно работала, когда успех схлынул и мои последующие книги не расходились миллионными тиражами. Я упрямо-радостно работала, когда критики меня хвалили и когда они же надо мной насмехались. Я не отказывалась от упрямой радости, когда работа шла туго и когда она шла хорошо.

Я никогда не позволяла себе верить, что плутаю в дебрях творчества в полном одиночестве или что мне надо бить тревогу по поводу своих книг. Я предпочитаю верить, что вдохновение всегда рядом, пока я работаю, что оно из всех сил старается помочь. Просто вдохновение, видите ли, родом из другого мира и говорит на незнакомом языке, поэтому мы не всегда

понимаем друг друга. Но все равно оно сидит рядом со мной и *старается*. Вдохновение шлет мне сообщения в разных формах – через сны, знаки и предзнаменования, совпадения и дежавю, через судьбу, через поразительные всплески притяжения и влечения, через мурашки на коже, через волосы, когда они встают дыбом у меня на затылке, через восторг от чего-то нового и неожиданного, через навязчивую мысль, которая не дает уснуть всю ночь... *что-нибудь да сработает*.

Вдохновение всегда старается сотрудничать со мной.

Поэтому я сажусь и тоже работаю.

Такой у нас договор.

Я доверяю ему, оно доверяет мне.

Выбери себе бред

Это бредовые фантазии?

Это бред и наваждение – полностью довериться силе, которую я не могу увидеть или пощупать – силе, которая, возможно, не существует?

Ладно, ради определенности давайте назовем это полным бредом.

Но разве не такой же бред верить, что только боль и страдания чего-то стоят? Или что ты *один* – и никак не контактируешь с миром, тебя сотворившим? Или что на тебе печать рока, вроде заклęcia? Или что таланты даны тебе только для того, чтобы тебя погубить?

Я говорю вот о чем. Если вы собираетесь прожить жизнь, опираясь на бредовые фантазии (а вы собираетесь, потому что мы все делаем так же), так почему бы, по крайней мере, не выбрать полезный и конструктивный бред?

Например, такой.

Это дело хочет, чтобы его сделали, причем настаивает, чтобы это сделали именно вы.

Мученик против плута

Но чтобы избавиться от вредной привычки к творческому мученичеству, вы должны отбросить путь мученика и принять путь плута.

Мы все немного плуты, и в каждом есть немного от мученика (ладно, сдаюсь, кое в ком есть много от мученика), но на каком-то этапе своего творческого путешествия вам придется сделать выбор и решить, какой лагерь вам ближе, какую часть себя вы будете подкармливать, культивировать и реализовывать. Выбирайте тщательно. Моя подруга, радиоведущая Кэролайн Кейси, любит повторять: «Уж лучше в жулики, чем в мученики».

Спросите, какая разница между плутом и мучеником.

Вот вам краткое пособие.

Энергия мученика темная, напыщенная, брутальная, иерархичная, суrowая, она безжалостна, фанатична и напрочь лишена гибкости.

Энергия плута легкая, лукавая, духовная, бунтарская, мятежная, первородная, она попирает стереотипы, идет наперекор, бесконечно творит и принимает новые формы.

Мученик говорит: «Я все принесу в жертву ради участия в этой войне без победителей, даже если колесо страданий раздавит и убьет меня».

Плут говорит: «Ну, раз тебе нравится, я не против! Что касается меня, я постою в уголке и проверну пока небольшую аферу, пока у вас война без победителей».

Мученик говорит: «Жизнь есть боль».

Плут говорит: «Жизнь – это так интересно!»

Мученик говорит: «Система прогнила, не осталось ничего хорошего и святого».

Плут говорит: «Нет никакой системы, все отлично, и обойдемся без святынь».

Мученик говорит: «Меня никто не понимает».

Плут говорит: «Сними карту, люблю!»

Мученик говорит: «Мир невозможно объяснить».

Плут говорит: «Может, и нет, зато можно его одурачить».

Мученик говорит: «Истина приоткроется благодаря моим страданиям».

Плут говорит: «Эй, приятель, я сюда не мучиться пришел!»

Мученик говорит: «Лучше смерть, чем бесчестие!»

Плут говорит: «Давай совершим сделку».

Мученик = сэр Томас Мор.

Плут = Багз Банни.

Плутовская вера

Я уверена, что изначально человеческое побуждение к творчеству было порождено чистой плутовской энергией. А как иначе! Творческое начало хочет перевернуть мир будней, поставить его с ног на голову, а именно такие шутовские трюки лучше всего удаются плуту. Но пару веков назад творчество умыкнули мученики, присвоили и теперь держат его в заложниках на своей территории страданий. Думаю, такой поворот событий не порадовал и само искусство, о художниках и говорить нечего.

Пора вернуть творчество плутам и трикстерам, вот что я вам скажу.

Очевидно, что плут – обаятельный провокатор. Но, по-моему, самое замечательное в нем то, что он *доверяет*. Это может показаться парадоксальным, потому что плут кажется таким ненадежным и скользким пронырой, но он полон доверия. Конечно, он верит самому себе. Верит в свою хитрость и изворотливость, в свое право находиться здесь и в то, что в любой ситуации он выйдет сухим из воды. В какой-то мере, конечно, верит он и в других людей (хотя бы как в объект своих проделок). Но главное, плут верит Вселенной, в ее неповторимость, непокорность и восхитительную непредсказуемость – и потому не переживает попусту. Он верит, что Вселенная вечно играет, и совершенно уверен, что она хочет играть *с ним*.

Настоящий плут знает, что если весело запулить в космос мячиком, то его бросят обратно. Возможно, ответный удар будет очень мощным или крученым или прилетит в окружении фейерверков, как в мультиках, а может быть, ответ задержится до будущего года, но рано или поздно мяч вам вернут, не сомневайтесь. Плут ждет его, а когда дождется, снова бросает мячик в пустоту – просто посмотреть, что получится. И ему нравится это делать, потому что плут (с присущей ему мудростью) постиг одну великую истину космического масштаба, до которой мученику (с присущей ему серьезностью) никогда не дойти: *все это игра и не более того*.

Большая, сумасбродная, чудесная игра.

И это прекрасно, потому что плуту по нраву сумасбродство.

Сумасбродство – его стихия.

Мученики этого не любят. Они сражаются с сумасбродством. И в процессе этой борьбы нередко кончают тем, что убивают себя.

Ход настоящего плута

Мы дружим с писательницей и психологом Брене Браун, автором «Великих дерзаний» и других книг, посвященных человеческой уязвимости. Брене замечательно пишет, но книги даются ей непросто. Она корпит, сражается с собой, мучается во время их написания, и так было всегда. Но недавно я поделилась с Брене своей идеей о том, что творчество – удел плутов, а не мучеников. Раньше она никогда об этом не задумывалась. (Она сказала: «Да ты что, я ведь из научной среды, а там все по уши увязли в мученичестве. Ну, сама знаешь: годами трудиться и молча страдать, чтобы произвести на свет научный труд, который, возможно, когда-нибудь прочтут, дай бог, человека четыре».)

Брене сразу уловила идею и, взглянув с этой позиции на собственные рабочие привычки, поняла, что ее творческий процесс занимает слишком мрачное и тяжелое место в ее душе. Она написала уже несколько успешных книг, и каждая давалась ей как средневековый поход, полный испытаний, – страх, боль и надрыв сопровождали ее с начала до конца. И ведь она считала, что так и должно быть. А как же, ведь любой серьезный художник может доказать, что он на что-то годен, претерпев боль и страдания. Как и многие до нее, Брене была уверена: боль превыше всего.

Но вот она изменила взгляд, попыталась обратиться к задорной и лукавой энергии плута – и произошел прорыв. Женщина поняла, что ей действительно очень трудно дается написание текстов... зато ей очень нравится *рассказывать истории*. Брене просто фантастическая рассказчица и любит выступать на публике. Жительница Техаса в четвертом поколении (а техасец может сострять рассказ из ничего), Брене знала, что, когда она рассказывает о чем-то вслух, речь течет, как река. Но стоит ей начать записывать свои мысли, и дело стопорится.

И она задумала, как бы ей сплутовать, чтобы ускорить процесс.

Работая над последней книгой, Брене придумала кое-что новенькое; я бы сказала, что это был плутовской ход высшего порядка. Она пригласила двух доверенных подруг из числа коллег в загородный дом на берегу Мексиканского залива, чтобы помочь ей закончить работу над книгой, которую она не успевала сдать в срок.

Она усадила девушек на диван и попросила подробно конспектировать, пока она будет рассказывать им, о чем идет речь в книге. Закончив каждую тему, она собирала у них записи, бежала в соседнюю

комнату, закрывала дверь и почти дословно записывала то, что только что рассказывала коллегам, а они тем временем спокойно ждали ее в гостиной. Так Брене удалось ухватить естественную интонацию собственного голоса и перенести ее на страницы – очень похоже на то, как поэтесса Рут Стоун, по ее описанию, ловила проплывающие мимо строчки. Закончив, Брене возвращалась в гостиную и прочитывала то, что написала. Коллеги помогали ей раскрывать сюжет дальше, прося ее пояснять мысль все новыми шутками и байками, а сами продолжали конспектировать. И снова Брене, собрав записи, удалялась в кабинет, чтобы перенести рассказ на бумагу.

Поставив плутовской капкан на собственные рассказы, Брене сумела поймать тигра за хвост.

Весь процесс шел под взрывы смеха и порой напоминал театр абсурда. А почему бы нет? В конце концов, они же молодые женщины, одни в загородном доме. Они жевали лепешки такос, бегали купаться на залив. Они радовались жизни. Все это в корне отличалось от представлений об одиноком страдальце, согнувшемся над столом в своей комнатушке. Брене сказала мне: «Все это я уже проходила. Что за глупость писать на тему человеческих взаимоотношений, страдая в изоляции. Никогда ее не повторю». Ее плутовской трюк сработал как освобождающее заклинание. Никогда еще Брене не писала быстрее и лучше, никогда она не писала с такой верой.

Заметьте, писала она вовсе не юмористическую повесть. Легкость при написании совсем не означает, что на выходе вы получите легковесный результат. Между прочим, Брене Браун известный психолог и социолог, признанный специалист по изучению стыда. Книга была посвящена уязвимости, тревожности, отчаянию, неудачам и столь трудно достижимой эмоциональной реабилитации. Ее книга получилась глубокой и серьезной, как и нужно было. Дело лишь в том, что автору было легко и приятно работать, потому что она наконец придумала, как обыграть систему. Сделав это, она наконец добралась до собственного щедрого источника Большого волшебства.

Именно так плут выполняет свою работу.

Проворно, легко.

С легким сердцем.

Твори с легким сердцем

Первый мой рассказ, который был напечатан, вышел в свет в 1993 году в журнале «Эсквайр». Назывался он «Первые поселенцы», повествовал о девушке, работавшей в Вайоминге на ранчо, и, разумеется, был навеян моими собственными впечатлениями от работы на ранчо в Вайоминге. Как обычно, я разослала рукопись сразу в несколько редакций, что называется, самотеком. Как обычно, отовсюду пришли письма с отказами. Кроме одного журнала.

Младший редактор «Эсквайра» Тони Фройнд выудил мой рассказ из рыхлой стопки рукописей и показал главному редактору, Терри Макдонеллу. Тони показалось, что его боссу может понравиться рассказ, потому что он знал, что Терри питает слабость ко всему, что связано с американским Западом. «Первые поселенцы» понравились Терри, и он их купил – так состоялся мой первый прорыв и писательский дебют. Неповторимое, уникальное событие. Рассказ поставили в план в ноябрьский номер, с Майклом Джорданом на обложке.

Однако за месяц до того, как номер должен был пойти в печать, Тони позвонил мне и сказал, что есть проблема. У «Эсквайра» слетел основной рекламодатель, и в результате ноябрьский номер придется выпускать в сильно урезанной версии. Нужно чем-то жертвовать, они ищут добровольцев. Мне предложили выбор: либо сократить рассказ на треть, чтобы втиснуть в отощавший ноябрьский номер, либо забрать рукопись совсем в надежде, что удастся поставить ее – неизмененную – в один из будущих номеров.

«Я не могу дать вам совета, – сказал Тони. – Я пойму, если вы откажетесь кромсать свое произведение. Мне кажется, рассказ проиграет от подобной ампутации. Возможно, для вас лучше подождать еще несколько месяцев и издать его в исходном варианте. Но, с другой стороны, хочу предостеречь, что журнальный мир непредсказуем, и не исключено, что синица в руке лучше. Рассказ ведь могут больше и не взять в печать. Вдруг ваш защитник Терри потеряет интерес к теме или – кто знает – вообще уйдет с поста главного. Перейдет в другой журнал – и шанс упущен. Даже не знаю, что вам посоветовать. Выбор за вами».

Вы представляете, что такое сократить на треть десятистраничный рассказик? Я работала над ним полтора года. Когда им заинтересовался «Эсквайр», текст был цельным, как кусок полированного гранита. В нем,

как мне казалось, не было ни единого лишнего словечка. Более того, я считала «Первых поселенцев» лучшим, что написала в жизни (и не была уверена, что когда-то смогу написать так же хорошо). Это было мое любимое дитя, кровь от крови. После такой безжалостной ампутации от рассказа останутся рожки да ножки! Я уж молчу о том, насколько это вообще оскорбительно для художника: уродовать дело своей жизни только потому, что автомобильная компания не разместит рекламу в журнале для мужчин! А как же принципиальность? Честь? Гордость?

Если не художникам поддерживать идеалы неподкупности в этом гнусном мире, *то кому?*

А с другой стороны, да ладно вам.

Будем честны: речь все-таки не о трагедии Шекспира. Это просто рассказик про девушку и ковбоя.

Я схватила красный карандаш и стала яростно чекрыжить текст.

Первоначальные опустошения повергли в шок меня саму. В рассказе не осталось ни смысла, ни логики. Это была кровавая бойня, но тут-то и началось самое интересное. Глядя на порубанное в лоскуты безобразие, я вдруг восприняла это как небывалый вызов: сумею ли я все-таки сделать из этого что-то осмысленное? Я принялась латать сюжет, возвращая ему смысл. Перекраивая и соединяя фразы, я поняла вдруг, что сокращения в самом деле меняют общий тон повествования, но это еще не значит, что оно становится хуже. Новая версия была не лучше и не хуже старой – она получилась совершенно другой. Рассказ стал лаконичным, более жестким, но не примитивным.

Сама по себе я никогда не написала бы так, потому что и не знала, что *умею* так писать, и это показалось мне любопытным. (Было похоже на сон, в котором находишь у себя в доме комнату, где раньше не был, и возникает такое роскошное ощущение, что в жизни куда больше возможностей, чем ты считал.) Я и не ожидала, что с работой можно так грубо обходиться – резать на куски, кромсать, перетасовывать, – а она все это переживает и даже, может быть, расцветет, заиграет новыми красками.

Не обязательно, осознала я, носиться со своим творением, как со священной коровой, даже если сам считаешь его таковой. На самом деле *священно* время, которое ты проводишь в работе над ним, и то, что это время помогает расширить границы фантазии, и еще то, что эта обновленная фантазия делает с твоей жизнью.

Чем с более легким сердцем ты проведешь это время, тем ярче и прекраснее станет жизнь.

Они не дети

Рассказывая о своих творческих работах, люди часто называют их своими «детьми». Такой взгляд – полная противоположность отношению, к которому я вас призываю.

Одна подруга за полгода до выхода ее нового романа сказала: «У меня такое чувство, будто я первый раз встречаю ребенка из школы – и боюсь услышать, что его обидели хулиганы». (Трумен Капоте высказался еще жестче: «Закончить книгу – это как вывести ребенка во двор и пристрелить».)

Друзья, умоляю, не путайте свои художественные произведения с настоящими человеческими детьми!

Такие представления только заведут вас в глухой психологический тупик, полный боли. Говоря это, я серьезна, как никогда. Потому что, если считать это создание своим ребенком, у вас не поднимается рука сократить его на треть, а ведь иногда бывает очень полезно это сделать. Вам будет невыносимо слушать, как чужие люди критикуют или поправляют ваше дитя, заявляют, что оно нуждается в обновлении, даже пытаются купить и продать ваше чадо. Вы не сможете отпустить работу от себя, поделиться ею с кем-то, ведь незащищенный ребенок не выживет без вашей помощи и поддержки!

Ваша творческая работа – не ребенок! Если уж на то пошло, это *вы* ее ребенок. Все, что я в жизни писала, меня растило и помогало развиваться. С каждым проектом я набиралась нового опыта. Я стала тем, кто я есть, именно потому, что я делала в процессе работы и что моя работа делала со мной. Творчество меня воспитывало, благодаря ему я выросла, начиная с того опыта работы над «Первыми поселенцами», когда я научилась *не* вести себя по-детски.

Чтобы уж закончить с этим, скажу: каким-то чудом мне удалось-таки втиснуть сокращенный рассказ в тот номер «Эсквайра». Через пару месяцев после этого – Тони как в воду глядел – мой защитник Терри Макдонелл действительно ушел с поста главного редактора журнала. Ранее отобранные им статьи и рассказы так никогда и не увидели света. И мой рассказ разделил бы их судьбу, покоясь в братской могиле, не решишь я тогда его сократить.

Но я, слава богу, его сократила, и все пошло по-другому, и у истории был счастливый конец – мой дебют состоялся. Рассказ привлек внимание

литературного агента, она мне написала и с тех пор уже больше двадцати лет доброжелательно и умело направляет мою карьеру.

Вспоминая тот случай, я ежусь, думая о том, чего могла тогда лишиться. Взыграй во мне гордыня, возможно, и где-то (скорее всего, в ящике моего стола) существовал бы рассказ «Первые поселенцы» длиной десять страниц, никогда никем не прочитанный. Он остался бы первозданным и блестящим, как полированный гранит, ну а я бы до сих смешивала коктейли в баре.

Еще интересная штука: с тех пор как «Первые поселенцы» появились в «Эсквайре», я всерьез о них не вспоминала. Этот рассказ не был лучшим, что я в жизни написала. Даже близко не лежал. Мне много что предстояло сделать, и я окунулась в работу с головой. В конце концов, это были всего лишь «Первые поселенцы», а не священная реликвия. Рассказ был просто *вещью* – вещью, я сделала ее сама и полюбила ее, но потом переделала и снова полюбила, а потом напечатала и отложила, чтобы иметь возможность перейти к другим вещам.

Слава богу, я не позволила рассказу покончить со мной. Это было бы унылым и саморазрушительным актом мученичества – объявить свой текст неприкосновенным и отстаивать его нерушимость до самой его смерти. А я вместо этого сделала ставку на игру, уступчивость, гибкость, плутовство. Потому что хотела легкости в работе, хотела, чтобы короткий рассказ не превратился в могильный холмик, а стал дверью, ведущей в чудесную, большую новую жизнь.

Аккуратнее с чувством собственного достоинства, вот что я вам скажу. Оно не всегда вам друг.

Страсть против любопытства

А еще я осмелюсь просить вас забыть о страсти.

Может, вам странно слышать это от меня, но в чем-то я против страсти. Или, по крайней мере, против *разглагольствований* о страсти. Не верю я, когда говорят: «Вам нужно одно – следовать за своей страстью, и все будет просто отлично». Бесполезный, а иногда и жестокий совет, как мне кажется.

Во-первых, такой совет не нужен потому, что, если какой-то человек горит пылкой страстью, сто процентов за то, что он и так уже идет за ней, и не нужны ему эти наставления. (Само понятие страсти, вообще-то, подразумевает это: влечение на грани одержимости, которому почти невозможно противиться.) Но есть и те, кто не знает в точности, к чему питают страсть, других страстно влечет сразу к нескольким объектам, а может быть, они на перепутье, когда объект страсти кардинально меняется – этих людей подобный совет может повергнуть в состояние замешательства, тревоги и неуверенности.

Если вы не испытываете страсти, а вас призывают следовать за ней, смело посылайте советчика куда подальше. По-моему, вы имеете на это полное право. Потому что это то же самое что сказать: для того чтобы сбросить вес, надо похудеть, или: чтобы наладить сексуальную жизнь, надо испытывать множественный оргазм – *польза от таких советов нулевая!*

Я человек достаточно страстный, но не каждый день. Иногда мне и самой непонятно, куда девалась вся страсть. Далеко не всегда я горю вдохновением и часто понятия не имею, что делать дальше.

Но я не сижу сложа руки в ожидании, когда же на меня снизойдет пылкая страсть. Я просто упорно продолжаю работать, потому что верю – мне, человеку разумному, дано почетное право что-то создавать, пока я живу. Ну, и еще потому, что мне нравится что-то создавать. А главное, потому что верю: вдохновение всегда старается найти меня, даже если мы временно потеряли друг друга из виду.

Но как же найти вдохновение, если страсть охладела?

И здесь на сцену выходит любознательность.

Беззастенчивое любопытство

Я убеждена, что любопытство – это тайна. Любопытство – это истина и путь творческой жизни. Любопытство – альфа и омега, начало и конец. Кроме того, любопытство доступно каждому. Страсть порой может оказаться пугающе недостижимой – далекий сполох огня, – доступной только гениям и тем, кого коснулась рука Бога. А любопытство не такое возвышенное, оно куда более мягкое, спокойное, приветливое и демократичное. Любопытство куда непритязательнее страсти. Страсть – это то, что заставляет подать на развод, продать все имущество, обрить голову и двинуть в Непал. Любопытство не требует от вас таких жертв.

По сути, любопытство задает всегда только один вопрос, маленький такой вопросик: «Есть *что-то*, что тебе интересно?»

Что-нибудь?

Хоть чуточку?

Пусть хоть самое простое или обыденное?

Ответ не должен перевернуть всю вашу жизнь или заставить вас уйти с работы или сменить религию, он не вызовет тяжелой психической травмы. Он только на миг привлечет ваше внимание. Но в этот момент, если вы сможете сделать паузу и опознать *хотя бы крошечную* искорку интереса к чему-то, любопытство попросит вас повернуть голову – всего-то на сантиметр! – и поближе присмотреться к этому предмету.

Сделайте это.

Это ключ к разгадке тайны. Казалось бы, совсем ерунда, но это путеводная нить. Следуйте за ней. Доверьтесь. Посмотрите, куда приведет вас любопытство. А потом идите за следующей, и еще одной, и еще. Помните, это не тяжкий и опасный поход, а только безобидная игра, искалка. Идя следом за любопытством по этому маршруту, можно оказаться в удивительных и неожиданных местах. Рано или поздно вы можете даже ненароком набрести на свою страсть – блуждая по странным, неуловимым проулкам и подземным пещерам, проходя в потайные двери.

А можете ни на что не набрести.

Можно всю жизнь следовать своей любознательности и так до конца и не достичь никаких результатов, кроме одного. Удовлетворения от того, что вы посвятили свое земное существование служению благородной человеческой добродетели – любопытству.

Одного этого уже достаточно, чтобы сказать, что человек прожил

отменную жизнь, яркую и разнообразную.

На поиски

Хочу привести вам пример того, куда может завести вас квест любопытства.

Я уже рассказывала о грандиозном романе, который я так и не написала, – речь о той самой книге про амазонские джунгли, которую я не довела до ума и которая в конце концов перескочила от меня к Энн Пэтчетт. *Эта* книга была замешана на страсти. Ее замысел пришел ко мне на гребне волны чувственности и воодушевления. Но стоило жизненным обстоятельствам отвлечь меня, как я прекратила работу, и книга меня покинула.

Такие дела, бывает.

И вот я распрощалась с амазонским проектом, но новая волна чувственности и воодушевления сразу не нахлынула. Я ждала, пока меня осенит новая грандиозная идея, отправляла в космос сигналы о том, что готова к восприятию большой идеи, но идея не приходила. Не бежали мурашки по спине, не вставали дыбом волосы на затылке, не екало сердце. Чудеса не происходили. Как если бы апостол Павел ехал-ехал в Дамаск, доехал и ничего с ним по пути не случилось, ну разве что дождиком намочило.

Чаще всего жизнь бывает именно такой.

Я надолго ушла с головой в повседневные заботы – писала письма по электронной почте, покупала носки, решала мелкие неотложные проблемы, рассылала поздравления с днями рождений. Я вела тихую, упорядоченную жизнь. Время шло, меня так и не посещали вдохновенные замыслы, но я не впала в панику. Вместо этого я сделала то, что уже не раз проделывала и раньше: перевела стрелки со страсти на любопытство.

Я спросила себя: *а есть что-то, Лиз, что тебе интересно сейчас?*

Что-нибудь?

Хоть чуточку?

Пусть хоть самое простое или обыденное?

Оказалось, что есть: садоводство.

(Все понимаю – но тихо, держите себя в руках! *Садоводство!*)

Я тогда только-только переехала в провинциальный городишко в сельской части Нью-Джерси. Я купила старый дом, а при нем был симпатичный задний дворик. И вот я вдруг загорелась желанием разбить там сад.

Этот порыв удивил даже меня саму. Я росла в саду – огромном саду, за которым очень успешно ухаживала мама, – но он никогда меня не интересовал. Я была ленивой девчонкой и прилагала много стараний, чтобы не осваивать садоводство, как мама ни старалась меня хоть чему-то научить. Я сроду не чувствовала тяги к земле. В детстве мне совсем не нравилась сельская жизнь (работа на ферме казалась скучной, тяжелой и однообразной), да и став взрослой, я не изменила своего мнения. Именно тяжелый деревенский труд побудил меня переехать в Нью-Йорк, да и путешествовать я стала в большой степени из-за этого – потому что категорически не хотела стать фермером. И вот на тебе, я перебралась жить в захолустный уголок, еще меньше родного городка, да еще и собираюсь обзавестись садом.

Не то чтобы я *умирала* по этому саду, сами понимаете. Я не собиралась умирать ни из-за сада, ни из-за чего другого. Просто подумала, что садик – это было бы неплохо.

Любопытно.

Желание, шевельнувшееся во мне, было таким слабеньким, что я могла и не заметить. Оно едва теплилось. Но я его заметила. И не проигнорировала. Наоборот, ухватила за эту тонкую ниточку и что-то такое ткнула в землю.

А когда я это сделала, оказалось, что я знаю про садоводство намного больше, чем мне казалось. Видимо, несмотря на все свои усилия, я в детстве нечаянно усвоила-таки кое-какие мамнины уроки. Честно скажу, было приятно обнаружить это дремлющее знание. Я посадила еще несколько растений. В памяти всплыли новые детские воспоминания. Я размышляла о маме, бабушке, прабабушке и о дальних прародительницах – женщинах, трудившихся на земле. Это было славно.

Когда сезон прошел, я поняла, что смотрю на свой сад совсем другими глазами. То, что я растила, совсем не было похоже на мамин сад, это начинало походить на мой собственный сад. Например, в отличие от своей мамы, опытной огородницы, я совсем не интересовалась овощами. Зато меня привлекали все самые яркие, самые нарядные цветы, до каких я только могла дотянуться. Потом оказалось, что мне мало просто выращивать цветы – я захотела что-нибудь о них узнать. Например, откуда они родом.

Вот, скажем, те ирисы, которые изначально росли по всему саду, – каково их происхождение? Я потратила ровно одну минуту на поиски в Интернете и узнала, что эти ирисы совсем не уроженцы Нью-Джерси. Они оказались родом из далекой Сирии.

Надо же, любопытное открытие.

Я продолжила изыскания. Предки кустов сирени, окружавших мой участок, когда-то цвели в Турции. Мои тюльпаны тоже были из Турции, хотя, как выяснилось, между дикими турецкими тюльпанами и моими изысканными одомашненными красавцами не раз вклинивались голландцы. Растущий у меня кизил был местным. Зато форзиция прибыла аж из Японии. Глициния тоже оказалась чужестранкой – английский моряк привез растение из Китая в Европу, а позднее британские колонисты прихватили его с собой в Новый Свет – сравнительно недавно, в сущности.

Я начала выяснять происхождение каждого растения в саду. Узнавала, записывала. Мой интерес рос. Как я вскоре поняла, мне был не столько интересен собственно сад, как то, что за этим стояло: безумные и малоизвестные истории, полные путешествий, приключений и интриг.

Об этом вполне можно написать, вам не кажется?

А что, если?

Продолжая двигаться дорогой любопытства, я полностью доверилась своей фантазии. Я решила поверить, что вся эта ботаническая викторина заинтересовала меня не просто так. Соответственно, я тут же стала замечать знаки и совпадения, связанные с вновь обретенным интересом к истории растений. Мне встречались нужные книги, нужные люди, подворачивались нужные возможности. Например, эксперт по истории мхов, чья консультация мне была страшно нужна, жил, как оказалось, в нескольких минутах от дома моего дедушки, в сельском районе штата Нью-Йорк. А в старинной книге, перешедшей ко мне от прадеда, отыскалось то, за чем я охотилась: живой исторический персонаж, достойный того, чтобы вставить в роман.

Все это проходило прямо передо мной.

И тогда я стала слегка сходить с ума на эту тему.

В поисках информации по поводу ботанических исследований я в конце концов совершила долгое путешествие – из своего садика в Нью-Джерси в библиотеки по растениеводству в Англии, оттуда – в средневековые аптекарские огороды в Голландии, а из голландских аптекарских огородов – до заросших мхами пещер Французской Полинезии.

Спустя три года исследовательской работы и путешествий я наконец села писать «Происхождение всех вещей» – роман о вымышленной семье исследователей-ботаников в XIX веке.

Совершенно непредвиденная книга. Начиналась она практически с *пустого места*. Я не вскочила в этот сюжет опрометью, сгорая от

нетерпения. Я подбиралась к нему медленно, дюйм за дюймом. Но к тому времени, как я оторвалась от увлекательного квеста и начала писать, меня уже поглотила жаркая страсть к ботаническим приключениям в XIX веке. За три года до этого я даже не *слыхала* об исследователях XIX века и хотела всего-навсего разбить скромный садик за домом, но вот я засела за внушительных размеров историю о растениях, науке и эволюции, об отмене рабства, о любви и утратах и о путешествии одной женщины за пределы сознания.

Вот так все вышло. Но получилось у меня только потому, что я отвечала *да* каждой крошечной зацепке любопытства, какую замечала рядом с собой.

И это тоже Большое волшебство, вы же поняли.

Да, это Магия несколько спокойнее, медленнее, более приглушенная, но никаких сомнений – это все равно Большое волшебство.

Сейчас я постаралась научить вас доверять ей.

Весь смысл в том, чтобы сказать «да».

Это интересно

Среди творческих людей, особенно меня вдохновляющих, далеко не все до страсти увлечены своим делом, зато почти все любопытны.

Любопытство побуждает вас работать неуклонно и постоянно, а более пылкие эмоции приходят и уходят. Мне нравится Джойс Кэрол Оутс^[15], которая пишет примерно по роману в день – и на совершенно разные темы, – потому что все эти, такие разные, вещи ей жутко интересны. Я восхищаюсь тем, что Джеймс Франко^[16] хватается за любую работу (то за серьезную драму, то за дурашливую комедию), потому что он знает, что не обязан каждый фильм приносить ему Оскаров, и мне нравится, что в свободное от съемок время он успевает интересоваться изобразительным искусством, модой, наукой и еще пишет. (Удастся ли ему достичь успехов во всем этом? *А мне без разницы!* Мне просто нравится, что парень делает что хочет.) Мне очень симпатично, что Брюс Спрингстин не только сочиняет пафосные песни, собирающие стадионы, а взял как-то и записал целый альбом на основе романа Джона Стейнбека. И мне нравится, что Пикассо возился с керамикой.

Я как-то слышала, как режиссер Майк Николс рассказывал о своей плодотворной кинокарьере. Он признался, что всегда всерьез интересовался собственными неудачами. Увидев один из провальных фильмов на каком-то ночном телеканале, он садится и смотрит до конца (хотя с удачными фильмами никогда так не делает). Он смотрит с любопытством, думая: *«Интересно, почему же все-таки вот эта сцена не удалась...»*

Ни стыда, ни отчаяния – только чувство, что проанализировать это очень интересно. Ну, вроде интересно же, почему одно получается, а другое никак? Порой мне кажется, что вся разница между творческой жизнью, полной самоедства, самоистязаний, и спокойной творческой жизнью укладывается в разницу между словом *ужасно* и словом *любопытно*.

Интересные результаты, как ни крути, это все те же ужасные результаты, только пафос и драматизм сильно снижены.

Мне вообще кажется, многие бросили творческую жизнь только потому, что боялись слова *интересно*. Пема Хедрен, мой любимый тренер по медитациям, как-то заметила, что люди бросают заниматься медитацией, когда начинается самое интересное. Другими словами, они бросают, когда перестает быть легко, а одновременно появляются боль, скука или

перевозбуждение. Они соскакивают, как только замечают в своих мыслях нечто такое, что их пугает или делает больно. Соскакивают и потому пропускают прекрасную стадию, сумасбродную стадию, стадию преобразования – ту стадию, когда ты отбрасываешь трудности и вступаешь в некую новую, неизведанную Вселенную в глубине самого себя.

И ведь может быть, что так происходит со всеми важными аспектами вашей жизни. За чем бы вы ни гнались, что бы ни искали, что бы ни создавали, будьте осторожны, не соскакивайте слишком рано. Мой добрый друг пастор Роб Белл предостерегает: «Не действуйте слишком поспешно, не пробегайте мимо опыта и обстоятельств, иначе они не успеют повлиять на вас и преобразить вас».

Так что не теряйте куража в тот самый момент, как дело перестает быть легким или приносить удовлетворение.

Потому в этот момент – что?

В этот момент начинается *самое интересное*.

Голодные призраки

У вас будут неудачи.

Полный отстой, даже говорить не хочется, но что делать, если это правда. В творчестве приходится рисковать, и никто не обещает успеха. Однажды я отказалась от почти уже законченной книги, потому что ничего не получалось. Я практически дописала ее, но книга правда никак не рождалась, и в конце концов я ее просто бросила. (Не знаю, почему у меня с ней не прокатило! Откуда мне знать? Я же не следователь и не судмедэксперт по преступлениям против книг! Заключение о причине смерти этой рукописи у меня нет. *Просто не получилось – и все!*)

В случае неудач я сильно огорчаюсь. У меня опускаются руки. Я начинаю ненавидеть и презирать себя – и других, конечно. Но в тот раз я научилась управляться с собственной досадой, не слишком углубляясь в смертоносные дебри стыда, ярости или апатии. А все потому, что тогда мне удалось понять, какая именно часть меня страдает при неудачах: мое *самомнение*.

Всего-навсего.

Чтобы было понятно: в принципе я ничего не имею против самолюбия и даже самомнения. У каждого из нас есть свое эго. (А кое у кого из нас, возможно, их даже два.) Всем нам необходим страх, чтобы выжить. Точно так же эго, ощущение своего я, нужно нам, чтобы очертить основные границы своей индивидуальности. Это позволяет нам осознать и заявить себя как личность, понять свои предпочтения, определиться со стремлениями и защищать свои границы. Проще говоря, ваше эго – это то, что делает вас тем, кто вы есть. Без него вы просто бесформенный пузырь. Поэтому социолог и писатель Марта Бек говорит про эго: «Не выходите без него из дома».

Но не позволяйте своему эго полностью перехватить бразды правления, иначе шоу очень быстро закончится. Ваше эго – отличный слуга, но омерзительный хозяин, потому что стремится оно только к одному: чтобы его тешили, тешили, тешили... А поскольку насытить это стремление невозможно, ваше самомнение будет страдать всегда. Если не держать его в узде, оно рано или поздно разъест вас изнутри. Бесконтрольное эго – это то, что буддисты называют «голодный призрак», ненасытный, вечно подвывающий от жажды и жадности.

В каком-то виде эта жажда есть у всех нас. У каждого глубоко в душе

таится это безумное нечто, накормить которое полностью невозможно. Оно есть у меня, у вас, у каждого человека. Единственное мое спасение от него заключается вот в чем: я знаю, что состою не только из эго, у меня есть еще и душа. И – это я тоже знаю – моей душе неважны награды и неудачи. Моя душа руководствуется не мечтами о похвалах и не боязнью критики. Она и слов-то таких не знает. Моя душа, стоит только повернуться к ней лицом, открывает неизмеримо более широкие и увлекательные перспективы (так что предложения эго по сравнению с этим меркнут), потому что душа всегда жаждет лишь одного: чуда. А так как творческая жизнь для меня – самый верный путь к чуду, я ищу спасения в ней, и она питает мою душу и усмиряет голодного призрака, спасая таким образом меня от опаснейшего проявления меня же самой.

Поэтому, только заслышав, как где-то внутри подает свой нервный голосок неудовлетворенность, я говорю: «А, это ты, эго! Привет, старый приятель!» То же самое случается, когда меня критикуют, и я замечаю, что это меня злит, обижает или вселяет неуверенность. Такая реакция означает, что мое эго подняло голову и пробует силу. Я научилась внимательно отслеживать эти ситуации и не даю нервам расходиться. Я стараюсь относиться к своим эмоциональным вспышкам с юмором, потому что знаю: ущемлено и задето только мое эго, но не душа. Это мое самомнение жаждет мести или главного приза. Это мое самолюбие требует начать в Твиттере вой ну против обидчика, или надуться на весь мир, или с благородным негодованием хлопнуть дверью, если не добилась желаемого результата.

Такое случается, но я знаю, что могу вернуть уверенность, стоит обратиться к душе. Я спрашиваю ее: «А чего хочется тебе, моя любимая?»

И ответ всегда один: «Еще чудес, пожалуйста».

Пока я продолжаю двигаться в этом направлении – к чуду, – я всегда буду в ладах с душой, а это самое главное. И раз уж самым эффективным способом достичь чуда по-прежнему остается творчество, я выбираю его. Я стараюсь отсечь все внешние (и внутренние) шумы и отвлекающие моменты и раз за разом возвращаюсь домой, в творческую жизнь. Потому что ясно понимаю, без этого источника чудес я обречена. Без него я буду скитаться по миру в состоянии вечной неудовлетворенности – голодный призрак, заключенный, как в ловушку, в оболочку из медленно разлагающейся плоти.

А мне, извините, такая участь не подходит.

Делай что-нибудь другое

Как же отделаться от стыда и страха неудач, чтобы жить творческой жизнью без помех?

Первым делом простите себя. Если вы что-то делали, а у вас не получилось, ну и пусть, проехали. Помните, вы ведь всего лишь начинающий (даже если занимаетесь своим делом уже лет пятьдесят). Мы все здесь новички, новичками и умрем. Так что не расстраивайтесь. Забудьте о последнем проекте и с открытым сердцем двигайтесь вперед, на поиски нового. Какое-то время назад я писала статьи для журнала «ГС». Однажды мой главный редактор Арт Купер прочел материал, над которым я работала пять месяцев (детальное аналитическое исследование, посвященное политике Сербии, – между прочим, моя командировка влетела редакции в копеечку), и через час вернул мне его с такой резолюцией: «Статья не получилась, и ничего хорошего из нее не выжмешь. Она показала, что ты не умеешь писать на подобные темы. Больше не трать на нее ни минуты, пожалуйста. Не тяни резину и переходи к другому заданию».

Это было резко и возмутительно грубо, но, мать честная, как же эффективно!

Я послушно перешла к другой теме.

К следующему, к следующему – постоянно к следующему.

Главное – двигаться, не стоять на месте.

Что бы вы ни делали, старайтесь не зависать на неудачах. Не нужно задерживаться для их посмертного вскрытия. Не нужно вам знать, что да почему. Помните: духи творчества ничего нам не обязаны объяснять. Осознайте поражение, примите его, как есть, и идите дальше. Изрубите неудачу в куски и используйте как наживку, чтобы поймать новую идею. Однажды все прояснится – почему вы запороли проект и почему необходимо было пройти через всю эту бодягу, чтобы затем выйти к чему-то лучшему. А может быть, это навсегда останется загадкой.

Так будьте проще.

Двигайтесь во что бы то ни стало.

Что бы ни случилось, не сидите сложа руки (я всегда ссылаюсь на мудрый совет английского ученого XVII века, Роберта Бертона, о том, как одолеть меланхолию: «Не будь одиноким, не будь праздным».) Найдите себе занятие – любое, пусть даже из совершенно другой творческой

области, – лишь бы переключить мысли, снять тревогу и напряжение. Однажды, когда у меня никак не шла работа над книгой, я записалась на уроки рисования, просто чтобы открыть в себе другие творческие каналы. Рисую я неважно, но это не имело значения. Главное, на каком-то уровне я продолжала ощущать биение своей творческой жилки. Я наигрывала на собственных струнах, пытаясь достичь вдохновения любым возможным способом. В конечном итоге, когда я в досталь наигралась в рисование, работа над книгой пошла легко и радостно.

Эйнштейн называл такой подход «комбинаторной игрой» – способом открыть один ментальный канал через обращение к другому. Вот почему он часто играл сонаты на скрипке, если испытывал трудности с решением математической задачи: помузицировав несколько часов, он обычно находил верный ответ.

Хитрость с комбинаторной игрой, по-моему, состоит в том, что она успокаивает наше эго и страх того, что мы не тянем. Один мой друг был в юности перспективным бейсболистом, но не справился с нервами и стал играть хуже. Он оставил бейсбол и год занимался футболом. Выдающимся футболистом он не стал, но игра ему нравилась, а проигрыши не воспринимались трагично, потому что его эго знало: «Я никогда не считал эту игру своей». Важно только то, что, пока он *чем-то* поддерживал физическую форму, к нему вернулось самообладание, он отбросил тягостные мысли и вернул себе некую телесную свободу. К тому же он получал удовольствие. Через год, погоняв мяч в свое удовольствие, мой друг вернулся в бейсбол и вдруг обнаружил, что снова может играть – лучше и легче прежнего.

Другими словами: если не можешь делать то, чем занимался долгое время, начни делать что-то другое.

Погуляй с собакой, дочиста вымети тротуар перед своей дверью, еще раз выйди с собакой, сходи в магазин и купи пирог с персиками, раскрась камушки ярким лаком для ногтей и сложи их в кучку. Может показаться, что это прокрастинация, но – при правильном отношении – это совсем не так. И любое действие лучше полной апатии, потому что к действию нас всегда зовет вдохновение.

Поэтому взмахните руками. Начните что-то делать. Сделайте что-нибудь. *Все равно что* – только делайте.

Выберите себе какое-то творческое занятие и, главное, *верьте*, что, если вы достаточно увлеченно отдадитесь ему, вдохновение обязательно снова проложит дорожку к вашему дому.

Раскрась свой велосипед

У австралийского писателя, поэта и литературного критика Клайва Джеймса есть отличный рассказ о том, как однажды во время особенно тяжелого творческого затишья ему удалось вернуться к работе.

После сокрушительного провала (его пьесу, написанную для лондонского театра, не просто жестко раскритиковали, эта история серьезно подорвала финансовое положение семьи и к тому же привела к разрыву с близкими друзьями) Джеймс впал в темную полосу глубочайшей депрессии и отчаяния. После того как спектакль был снят, он ничего не мог делать, просто сидел на диване и глядел в стену, переживая свой позор и унижение (а жена тем временем как-то тащила на себе дом и семью). Он не мог даже подумать о том, чтобы когда-нибудь взяться за перо.

Вся эта бодяга тянулась долго, пока наконец младшие дочери Джеймса не нарушили его уединения, обратившись с нехитрой просьбой. Девочки спросили отца, не может ли он сделать что-нибудь, чтобы их старенькие, подержанные велосипеды выглядели приличнее. Джеймс согласился из чувства долга (но без радости). Вдохнув, оторвался он от кушетки и взялся за дело.

Сначала он тщательно окрасил обшарпанные велосипеды яркими оттенками красного. Потом покрыл колесные спицы серебряной краской, а штырьки, на которых держались седла, сделал полосатыми, как леденцы. Но на этом он не остановился. Когда просохла краска, он разрисовал велосипеды сотнями серебряных и золотых звездочек, складывающихся в причудливые созвездия. Девочки подпрыгивали от нетерпения, но Джеймс так увлекся, что не мог оторваться от звезд («Там были четырехконечные звезды, шестиконечные звезды и изредка восьмиконечные звезды с точечками вокруг»). Это занятие приносило Джеймсу огромное удовлетворение. Наконец работа была закончена, девочки в полном восторге умчались на своих волшебных новых велосипедах, а довольный отец смотрел им вслед, гадая, за какое дело ему придется взяться в следующий раз.

На другой день дочери привели с собой девочку, живущую неподалеку. Смущаясь, она спросила, не может ли мистер Джеймс покрасить велосипед и для нее. Он покрасил. Надо так надо. Не успел он закончить, как появился еще один ребенок, и еще, и еще. Вскоре выстроилась очередь из ребят, желающих превратить свои облезлые велики в звездные произведения

искусства.

Вот так и получилось, что выдающийся писатель своего времени больше месяца сидел у своего гаража и расписывал звездочками тысячи детских велосипедов, пока не облагодетельствовал всех детей в городке. Занимаясь этим, Джеймс, хотя и не сразу, понял одну важную вещь: «Неудачи нам нужны. Они помогают понять, действительно ли ты хочешь и дальше заниматься своим делом». К своему удивлению, Джеймс осознал, что готов ответить на этот вопрос *положительно*. Ему действительно хотелось заниматься делом. И хотя в тот момент его привлекали только звездочки на детских велосипедах, во время работы что-то внутри менялось, возвращая его к жизни. А когда была дорисована последняя звездочка и каждая звезда в его персональном космосе тоже была тщательно возвращена на место, Клайв Джеймс наконец подумал: *когда-нибудь я про это напишу*.

И в это мгновение он освободился.

Неудача отступила, творческая сила вернулась.

Делая что-то совсем другое – и полностью отдавшись этому делу, – он сумел выбраться из ада апатии и нашел путь обратно, к Большому волшебству.

Жгучая вера

Последний (и порой самый трудный) акт творческой веры заключается в том, чтобы, завершив свое творение, отпустить его в мир.

Вера, о которой я говорю здесь, самая неистовая из всех. Она не говорит: «Я верю, что меня ждет успех», – потому что эта вера не горячая. Эта вера невинна, а я прошу вас отложить ненадолго свою невинность и вступить в область куда более непримиримую и мощную. Как я уже говорила и как все мы понимаем в глубине души, в творчестве нет никаких гарантий успеха. Ни для вас, ни для меня, вообще ни для кого. Ни теперь, никогда.

Вы готовы выпустить в свет свою работу?

Недавно одна женщина в разговоре со мной сказала: «Я почти готова начать писать книгу, но не уверена, что мне дано достичь такого результата, как хотелось бы».

Ну что я могла ей ответить? Терпеть не могу быть занудой и портить людям настроение, но никто не может *гарантировать* ей желаемый результат. Без сомнения, какого-то результата она достигнет. Духовно чуткие люди скажут даже, что Вселенная, возможно, подарит женщине результат, в каком та *нуждается*, но он может не совпасть с тем, чего ей *хочется*.

Жгучая, обжигающая вера требует от вас взяться за дело в любом случае, потому что уж ей-то известно: результат не имеет значения.

Результат *не может* иметь значения.

Жгучая вера требует, чтобы вы твердо стояли в понимании такой истины: «Ты важен и ценен, независимо от результата. Ты будешь продолжать свое дело, независимо от результата. Ты будешь делиться плодами своей работы независимо от результата. Ты рожден, чтобы творить, независимо от результата. Ты никогда не утратишь веры в творчество, даже если не *понимаешь* собственного результата».

Вот знаменитый вопрос, который задают, кажется, в каждой книге практических советов: что бы вы сделали, если бы точно знали, что вас ждет удача?

Но я всегда думала иначе. Мне кажется, что самый жгучий вопрос таков: что бы вы делали, даже если бы точно знали, что неудача более чем вероятна?

Какое дело вы любите так сильно, что слова *провал* и *успех* становятся

по сути неважными?

Что вы любите даже сильнее собственного эго?

Насколько пламенно верите вы в эту любовь?

Эта концепция жгучей веры может вызвать у вас сомнения. И даже отторжение. Желание растоптать ее и с негодованием отшвырнуть. Вы можете спросить: «Зачем мне вообще проходить через все эти испытания, если на выходе может получиться *пустышка*?»

Ответ будет сопровождаться хитрой плутовской улыбкой: «Потому что это *прикольно*, разве не так?»

Да и вообще, на что еще тратить время здесь, на земле, если *не* создавать что-то? Не заниматься тем, что интересно? Не следовать за своей любовью и любопытством?

Такая альтернатива, вообще-то, есть всегда. Выбор за вами. Если творческая жизнь кажется вам слишком трудной или неблагодарной, вы вольны выйти из игры в любой момент.

Но только честно: вы *правда* этого хотите?

Потому что подумайте: *а что тогда*?

С гордо поднятой головой

Двадцать лет назад на одной вечеринке я разговорилась с парнем, имя которого давно забыла, а может, даже и не знала никогда. Иногда мне кажется, что этот человек появился в моей жизни с одной-единственной целью: рассказать мне ту историю, которой я с тех пор не устаю радоваться и вдохновляться.

Молодой человек поведал мне о своем младшем брате, который пытался стать художником. Восхищаясь настойчивостью своего брата, он привел пример того, какой храбрый, талантливый и уверенный у него братишка. Хочу и я рассказать вам об этом, а для удобства так и буду называть героя истории Младшим Братом.

Младший Брат, начинающий художник, во всем себе отказывая, накопил денег и уехал во Францию, чтобы погрузиться в атмосферу красоты и вдохновения. Он жил впроголодь, писал каждый день, ходил по музеям, ездил по живописным местам, отважно заговаривал с каждым встречным и демонстрировал свои работы всем, кто не отказывался взглянуть. Как-то, сидя в кафе, он разговорился с компанией симпатичных молодых людей, которые оказались какими-то богатыми аристократами. Младший Брат пришелся обаятельным аристократам по душе, и они пригласили его на прием в ближайшие выходные в один из замков в долине Луары. Юноше посулили, что вечер будет сказочным, лучшим в сезоне. Приглашены сливки общества, самые богатые и знаменитые, включая даже особ королевской крови. А главное и самое интересное – это будет бал-маскарад, а значит, невероятно пышные костюмы. Упускать такую возможность нельзя! Готовьте костюм, сказали художнику, и присоединяйтесь!

Окрыленный, Младший Брат готовился всю неделю. Он облазил весь Париж в поисках материалов для костюма и держал в секрете от всех, что именно задумал. Потом взял напрокат машину и отправился в замок, в трех часах езды от Парижа. Переодевшись в машине, Младший Брат уверенно поднялся по ступеням. Он назвал свое имя дворецкому, и тот, отыскав его в списке гостей, любезно пригласил войти. Младший Брат вошел в зал с гордо поднятой головой.

И мгновенно осознал свою ошибку.

Бал и впрямь был костюмированным – новые друзья не обманули – но, говоря на чужом языке, он, видимо, упустил одну деталь. Это был

тематический костюмированный бал. И тема была «средневековый королевский двор».

А на Младшем Брате был костюм... омара.

Вокруг него дефилировали самые богатые и красивые люди Европы во всем блеске и великолепии роскошных платьев, камзолов, в фамильных драгоценностях. Изящные и элегантные, они кружились в вальсе под звуки оркестра. А на Младшем Брате были красные колготки, красное трико, красные балетные тапочки и большие красные клешни из пенопласта. Да, еще лицо у него было выкрашено красной краской. Здесь я должна упомянуть, что Младший Брат был больше шести футов ростом и очень худой, а на голове у него покачивались длинные антенны, так что он казался еще выше. И разумеется, он был единственным американцем на балу.

Младший Брат, онемев, замер на верхней ступеньке лестницы. Он готов был скрыться от позора. Казалось, в этой ситуации бежать, стараясь не попасться никому на глаза, было самым лучшим решением, спасающим его достоинство. Но парень не убежал. Он нашел другой выход. В конце концов, он столько этого ждал. Он работал как вол над своим костюмом и гордился им. Юноша набрал полную грудь воздуха и вошел в танцевальный зал.

Потом он рассказывал, что исключительно опыт начинающего художника придал ему мужества и внутренней свободы, чтобы показаться в таком нелепом и смехотворном виде. Какие-то жизненные коллизии уже научили его не опускать рук, что бы ни случилось. Если уж на то пошло, он сам сделал этот костюм, и это его вклад в праздник. Это лучшее его произведение. Это все, что у него есть. И он решил положиться на себя, на свой костюм и на обстоятельства.

Когда он подошел к аристократам, повисла тишина. Танцующие остановились. Оркестр сбился и смолк. Гости окружили Младшего Брата. Наконец кто-то нарушил молчание и спросил, кто он такой, ради всех святых.

Младший Брат отвесил глубокий поклон и объявил: «Я – придворный омар».

Молчание и... смех.

Но не насмешливый, а приветливый и радостный. Он понравился. Его приняли вместе со всей его безбашенностью, нелепостью, гигантскими алыми клешнями и тощей задницей в колготках из яркого спандекса. Он повел себя с ними по-плутовски – и стал героем бала. Под конец Младший Брат даже танцевал с королевой Бельгии.

Вот как надо, люди!

Я пока ни разу не создала ничего такого, что не заставило бы меня почувствовать себя, в той или иной степени, человеком в самодельном костюме омара на балу у коронованных особ. Но каждый раз нужно храбро входить в зал, и обязательно с гордо поднятой головой. Вы выполнили свою работу и должны ее представить. Никогда не извиняйтесь за нее, не пускайтесь в объяснения, не стыдитесь. Вы добросовестно трудились и знаете свое дело, вы работали с тем, что имели, в отведенное вам время. Вас позвали, вы пришли и сделали все, от вас зависящее.

Вас могут прогнать, но, с другой стороны, могут ведь не прогнать. Скорее всего, вообще-то, никто вас не прогонит. Бальный зал чаще встречает намного приветливее и доброжелательнее, чем вы можете себе представить. Кто-то может даже объявить, что вы прекрасны и изумительны. А под конец, как знать, может случиться, что вы будете танцевать с королем или королевой.

Или... одиноко кружиться под музыку в уголке, помахивая в воздухе неуклюжими пенопластовыми клешнями.

Иногда бывает и так. И это тоже неплохо.

Чего нельзя делать ни в коем случае, так это повернуться и уйти. Вы можете пропустить свой бал, а это, согласитесь, было бы обидно. Потому что – поверьте мне – не для того мы проделали этот долгий путь и прилагали все эти усилия, чтобы в последний момент пропустить вечеринку.

Божественность

Неожиданная милость

Моя последняя история родом с острова Бали – из культуры, в которой творческое начало понимается иначе, чем на Западе. Рассказал мне ее давний друг и учитель Кетут Лиер, медик, много лет назад взявший меня под свое крыло и щедро делившийся мудростью и своим расположением.

Как объяснил мне Кетут, балийский танец представляет собой высочайшее искусство. Этот древний танец затейлив и полон изящества. К тому же это танец священный. Его исполняют в храмовых ритуалах точно так же, как исполняли столетия назад. Жрецы строго следят, чтобы все его движения передавались из поколения в поколение в неизменном виде. Назначение этого танца – ни много ни мало сохранять Вселенную. У кого повернется язык сказать, что жители острова относятся к своему танцу недостаточно серьезно!

В начале 1960-х годов на Бали хлынула первая волна массового туризма. И конечно же иностранные гости загорелись интересом к загадочным священным танцам. Балийцы не склонны таить свое искусство, они гостеприимно принимали туристов в храмах и танцевали перед ними. За это вносили скромную плату, туристы платили, и все были счастливы.

Однако популярность древней формы искусства все росла, и храмы были переполнены зрителями. Начался некоторый беспорядок. К тому же храмы были не слишком приспособлены для публики: туристам приходилось сидеть на полу, в сырости, с пауками и т. п. Тогда какому-то балийцу пришла в голову светлая мысль выводить танцовщиц к туристам, вместо того чтобы запускать зрителей в храмы. Разве не лучше и не удобнее для загорелых австралийцев любоваться танцами, скажем, сидя рядом с бассейном, а не в темном и холодном храме? Так туристы смогут попивать холодные коктейли и в полной мере наслаждаться представлением! А танцоры заработают больше денег, потому что смогут собирать большие аудитории.

Итак, балийцы стали выступать со своими священными танцами на курортах, чтобы угодить богатым туристам, и все были счастливы.

Но на самом деле счастливы были не все.

Кое-кто из высоконравственных западных туристов возмущался. Это же десакрализация великого! Речь идет о священных танцах! *Святое* искусство! Вы не можете исполнять сакральный танец на профанном пространстве приморского курорта, да еще и за деньги! Это кощунство!

Духовная, художественная и культурная проституция! Святотатство!

Высоконравственные западные гости поделились своими опасениями с балийскими жрецами. Те вежливо выслушали, несмотря на то что им, людям с балийской ментальностью, было не совсем просто адекватно воспринять безжалостное понятие о «святотатстве». Да и разграничение между «сакральным» и «профанным» здесь вовсе не такое жесткое, как на Западе. Балийским жрецам вообще было невдомек, почему высоконравственные пришельцы с Запада считают приморские курорты профанными. (Разве там не присутствует божественное начало, точно так же, как в любом другом месте Земли?) Точно так же не было им понятно, почему приветливым туристам из Австралии в их влажных купальниках нельзя смотреть на священные танцы, греясь на солнце и попивая коктейль май-тай. (Разве эти симпатичные на вид и дружелюбные люди не заслуживают созерцания красоты?)

Но высоконравственных западных людей так явно печалило это развитие событий, а жители Бали славятся тем, что не любят огорчать гостей, и они пообещали решить проблему.

Священники и мастера танца собрались вместе, и у них родилась вдохновенная идея – идея, навеянная прекрасной этикой легкости и доверия. Они решили, что придумают новые танцы, которые *не* будут священными, и только эти, официально «не божественные» танцы будут показывать туристам на курортах. Священные же танцы вернутся в храмы, и их будут исполнять исключительно во время храмовых ритуалов и церемоний.

Так и сделали. И все было сделано легко, без драматизма и травматизма. Позаимствовав жесты, позы и шаги из древних сакральных танцев, они соединили их в некую танцевальную галиматью, и эти-то лишённые смысла движения стали показывать туристам за деньги. Все были счастливы, потому что танцоры танцевали, туристы развлекались, а жрецы получали деньги на храмы. Лучшее всего было то, что высоконравственные западные люди могли теперь расслабиться, потому что граница между сакральным и профанным надёжно охранялась.

Все встало на свои места – определённо и окончательно.

Не считая того, что все это не было ни определённым, ни окончательным.

Потому что никогда и ничто не бывает определённым и окончательным.

Шли годы, и – только представьте – бессмысленные и не наполненные содержанием новые танцы становились все более изысканными и

затейливыми. Девушки и юноши, почти дети, росли вместе с этими танцами, вживались в них и, вдохновленные новым чувством свободы и обновления, постепенно превращали свои выступления в возвышенное и одухотворенное действо. Их танцы явно обретали какую-то новую составляющую, обнаруживали в себе некое трансцендентное начало. Вот вам еще один пример спонтанного выхода в мистическое измерение: все обернулось тем, что обычные исполнители балийских танцев, несмотря на все попытки превратить их в просто пляски, сами того не ведая, каким-то образом призвали с небес Большое волшебство. Прямо туда, на курорт, к бассейну. Они-то собирались просто развлекать туристов и отчасти самих себя, а вышло так, что отныне каждый вечер у них происходила встреча с Богом, и это становилось очевидно для всех. Можно было бы даже поспорить, не стали ли новые танцы даже *более* духовными, чем те, древние, несколько закосневшие от времени.

Балийские жрецы, конечно, заметили этот феномен, и у них возникла восхитительная идея: почему бы не позаимствовать кое-что из новых танцев для храмов, включить их в древние религиозные ритуалы и использовать как форму молитвы?

И вообще, почему бы не *заменить* часть древних священных танцев этими новыми танцами, «фальшивками»?

И они это сделали.

С этого времени бессмысленные пляски стали священными танцами, потому что священные танцы утратили смысл.

И все были счастливы, кроме высокодуховных умников с Запада, которые теперь окончательно запутались и перестали понимать, где сакральное, а где профанное. Все перемешалось. Размылись границы между высоким и низким, легким и тяжелым, верным и ошибочным, между ними и нами, между Богом и землей... и вся эта парадоксальная ситуация полностью снесла им крышу.

А мне невольно приходит в голову мысль о том, что плутоватые жрецы задумали это с самого начала.

В заключение

Творчество свято – и не свято.

То, что мы делаем, невероятно важно – и неважно совсем.

Мы надрываемся в одиночку – и нам помогают духи.

Мы смертельно запуганы – и мы исполнены мужества.

Искусство – изнурительная повинность и чудесная привилегия.

Божественность может говорить с нами серьезно только тогда, когда мы максимально расположены поиграть.

Уместите эти парадоксы в своей душе, поверьте, что все они одинаково истинны, и я обещаю – вы сможете сделать что угодно.

Поэтому, пожалуйста, успокойтесь сейчас и принимайтесь за работу, ладно?

Сокровища, спрятанные внутри вас, замерли в надежде, что вы ответите «да».

Благодарности

Я хочу выразить глубочайшую благодарность перечисленным ниже людям за их помощь, поддержку и вдохновение. Спасибо вам, Кэти Арнольд-Рэтлифф, Брене Браун, Чарльз Бьюкен, Билл Бердин, Дейв Кахилл, Сара Чалфант, Энн Коннелл, Трам-Ан Доан, Маркус Дол, Райя Элиас, Мириам Фойерле, Брендан Фредерикс, покойный Джек Гилберт, Мами Хили, Лидия Херт, Эйлин Келли, Робин Уолл Киммерер, Сьюзан Киттенплан, Джефффри Клоск, Кри Лефевр, Кэтрин Лент, Джин Мартин, Сара Макграф, Мэдлин Макинтош, Хосе Нуньес, Энн Пэтчетт, Александра Прингл, Ребекка Сейлтан, Уэйд Шуман, Кейт Старк, Мэри Стоун, Эндрю Уайли, Хелен Йентус – и, конечно, вам, семьи Гилбертов и Олсонов, научивших меня многому, например работать.

Я также признательна конференции TED^[17] за оказанную мне честь выступать в столь уважаемом собрании (дважды!) со своими размышлениями о творчестве, духовности и всякой чепухе. Эти лекции помогли мне отточить некоторые свои мысли, чему я несказанно рада.

Спасибо сайту Etsy за поддержку этого моего проекта и за поддержку множества других творческих проектов. У вас есть все, о чем я тут говорила.

И наконец, огромная любовь и благодарность моему прекрасному Facebook-сообществу. Без ваших вопросов, мыслей и ежедневных вдохновляющих, мужественных и решительных шагов к самовыражению эта книга не появилась бы на свет.

Примечания

Делегированный синдром Мюнхаузена – это такой вид психического расстройства, при котором родители намеренно вызывают у ребенка болезненные состояния или выдумывают их, чтобы обратиться за медицинской помощью. Такие действия совершают почти исключительно женщины, в подавляющем большинстве случаев – родные или приемные матери.

Перевод К. И. Чуковского.

Энни Пру (род. 1935) – американская писательница, журналистка, сценарист.

Кормак Маккарти (род. 1933) – американский писатель-романист и драматург.

Южная готика – литературный жанр, появившийся в США в первой половине XX века, вобравший в себя элементы классического готического романа, но при этом связанный с бытом и традициями американского Юга. Среди наиболее известных представителей жанра Уильям Фолкнер, Трумен Капоте, Теннесси Уильямс.

Шеймус Дж. Хини (1939–2013) – ирландский писатель, поэт и переводчик; лауреат Нобелевской премии по литературе 1995 г.

Тони Моррисон (наст. имя Хлоя Арделия Уоффорд, род. в 1931 г.) – американская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе 1993 года.

Энн Пэтчетт – современная американская писательница.

Цитаты из романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» приведены в переводе А. Франковского.

Цит. по: Антонин Марк Аврелий. Размышления / Пер. А. Гаврилова.
СПб.: Наука, 1993.

Фрэнсис Бэкон (1909–1992) – ирландский художник-экспрессионист.

Руфус Уэйнрайт (род. в 1973 г.) – американско-канадский музыкант, автор и исполнитель песен; автор известной композиции «Аллилуйя».

Раймонд Карвер (1938–1988) – американский поэт и новеллист, крупнейший мастер англоязычной короткой прозы.

Уэнделл Берри (род. в 1934 г.) – американский прозаик и поэт.

Джойс Кэрол Оутс (род. в 1938 г.) – американская писательница, прозаик, поэт, драматург; автор более пятидесяти романов, большого количества рассказов, стихов и документальной прозы.

Джеймс Эдвард Франко (род. в 1978 г.) – американский актер, кинорежиссер, сценарист, продюсер, художник, писатель, преподаватель кинопроизводства в Нью-Йоркском университете.

TED (от англ. Technology Entertainment Design; Технологии, развлечения, дизайн) – частный некоммерческий фонд в США, известный своими ежегодными конференциями, цель которых – распространение уникальных идей в таких областях, как наука, искусство, дизайн, политика, культура, бизнес, технологии и др.